

КРОВАВАЯ СУДЬБА

ТЕССА ДАУН

Крoвавое Проклятье

Он смертоносный вампир, связанный древним проклятием.

Она агент отдела внутренней безопасности, который расследует серию страшных оккультных убийств.

Их соединит Кровавая судьба.

Потомок Небесных Богов и людей, Натаниэль Силивази, красивый, соблазнительный, могущественный и опасный вампир. Он принадлежит к древнему народу, который приносил своих женщин в жертву, доводя их до вымирания, и потому проклят. Как и все сыновья Джейдона, он не способен иметь дочерей и своего сына, первенца, должен принести в жертву во имя искупления грехов своих предков. Живя в современном мире, он все еще вынужден подчиняться первобытным законам.

Наткнувшись на Натаниэля в нетронутой горной долине, Джослин Леви окажется не готовой к столкновению двух миров и к событиям, которые за этим последуют. Как агент отдела внутренней безопасности, красивая и дерзкая женщина преследует свою цель: остановить ритуальные убийства невинных молодых женщин организацией, занимающейся торговлей людьми. Она и не догадывается, что зло, за которым она охотится, не похоже ни на одно другое, с которым ей приходилось сталкиваться до сих пор. Она попадает в мир воинов, загадок и тайн, где хищники делятся только на свет и тьму, а темный красивый незнакомец, который пришел к ней на помощь, оказывается самым опасным из всех.

Тесса Доун

Кровавая судьба

Перевод:

Переводчики: karin@, knyaginyaolga, Amelia

Редакторы: lone_wolf, Helenda, Amelia

Благодарности

Выражаю свою благодарность всем тем, благодаря кому эта работа стала возможной: Мириам Грунхаус — за такую потрясающую обложку; Роджеру Ханту — за твое терпение и перфекционизм; Джонатану Уомаку — за веру в эту историю; и более всего, Ребу Гилберту — за то, что ты такой восхитительный редактор.

Моей «сестре» Моник — за то, что вмешивалась, когда это было необходимо. Моя огромная любовь Киану, Нашоба и Анджелине, благодарю вас за вашу бесконечную поддержку. И Стиву — за то, что был моим маяком во время шторма.

800 лет до н. э ~ Румыния
«Ваше наказание выбрано».

В темном румынском замке, на их любимой родине, королевские близнецы, Джегер и Джейдон, упали на колени на холодный каменный пол, пока оставшиеся мужчины их расы с тревогой ожидали за стенами замка, чтобы услышать приговор. Густые черные волосы падали вперед, закрывая испуганные глаза мужчин от обвинителя, свет факела отбрасывал жуткие тени на сырые серые стены вокруг.

Их обвинителем была Кровь бесчисленных жертв.

Каждую из которых жестоко убили.

Мрачное лицо смерти жаждало отмщения.

— Великие Божественные Создания, пощадите наши души, — взмолился Джейдон когда призрак приблизился.

— Ты мне отвратителен, брат, — Джегер выплюнул слова, которые не скрывали его гнев и высокомерие.

Тень двинулась влево, а потом вправо, продолжая свой фантомный ход. И затем она изогнулась ужасной темной дугой, опускаясь вниз, пока не оказалась лицом к лицу с дрожащими мужчинами.

О Боги...

Испуганный и пошатывающийся, Джейдон Демир потянулся сильной рукой к земле, чтобы найти точку опоры. Он бросил косой взгляд на своего старшего брата-близнеца, который был теперь так же бледен, как лунный свет.

— С этого дня вы будете прокляты! И ваши сыновья будут прокляты. И сыновья ваших сыновей... во веки веков, — тень подплыла ближе, и тяжелый туман осел на их кожу. — И чтобы убедиться, что ваши страдания неизбежны, вы станете бессмертными. Проклятые скитаться по земле в темноте, как и пристало существам ночи. Навечно вынужденные питаться кровью невинных, чтобы выжить.

Джейдон резко вдохнул, его сердце бешено колотилось в груди. Несмотря на железную решимость, Джегер рухнул на пол.

Призрачное существо продолжило:

— В качестве наказания за ваши неслыханные преступления против женщин, вы больше никогда не познаете их любви и поддержки, никогда не сможете иметь дочерей. Ваши сыновья будут рождаться в паре близнецов. Двое детей тьмы. Отродья из тела человека, который затем познает ужасную смерть, давая им жизнь, и первенец будет потребован от вас в качестве жертвы во имя вашего искупления, — призрак с яростью впился в них взглядом. — Неспособность принести эту жертву приведет к вашей ужасной и мучительной гибели.

Влажные стены пещеры заскрипели, словно под натиском приговора, факелы замерцали, и красноватое свечение расплылось желтыми языками пламени.

Джейдон Демир трясся как маленький ребенок, не в силах пробудиться от кошмара. Его грудь с трудом поднималась, когда он пытался вдохнуть.

— Я прошу вас, проявите милосердие! — слова вырвались в спешке.

Призрак наклонился и прошипел:

— Говори быстрее.

Джейдон съежился и отвел глаза.

— Я умоляю вас перед небесами, перед Древними, что были до нас, и в присутствии Небесных Богов: снимите это проклятие с моего дома и дома моих потомков.

Тень стояла неподвижно... слушая.

И внезапно голос Джейдона превратился во всепоглощающую песню печали, такую мелодичную, что она осветила комнату, а луна и звезды приблизились, чтобы услышать слова осужденного принца. Под ветром силы и благодати его мольба обрела крылья и полетела...

— Пусть я всегда был среди воинов, приносящих в жертву наших женщин, но никогда не отнимал жизнь своими руками. Пусть я и не смог спасти невинных, но пытался уличить виновных. И да, я наслаждался привилегиями своего могущества, но мое сердце оплакивало этих жертв. Ваш гнев заслужен. Ваше наказание справедливо. Но я умоляю вас, загляните в мое сердце... и сжальтесь надо мной и моим домом.

С очевидным отвращением старший близнец приподнялся и повернул голову в его сторону, мерцающие черные глаза сузились в презрении. Он мысленно проклял Джейдона и пригвоздил его сердитым взглядом.

— Помни свое место, брат. То, что нас сейчас проклиняет, — это кровь жалких убитых женщин, которых мы предложили богам по праву нашего рождения, чтобы получить почтение среди Божественных созданий. Не моли о пощаде этих никчемных существ. Мы сильные. Могущественные. То, что мы сделали, было оправдано. И я не буду просить пощады у женщины.

Комната вспыхнула в свете злых языков пламени.

Искры летели по воздуху как огонь и сера.

Отвратительный жар лизал кожу братьев, но не съедал их плоть.

И затем голос убитой прокричал из пламени:

— Мы когда-то были гордой и благородной расой, перед тем как ты извратил умы наших мужчин, толкнув их в бездну зла, — чистая ярость зажглась в глазах темного близнеца, окрашивая его зрачки из черного в красный цвет, перед тем как его бросило на живот к ногам обвинителя. — В своей жажде власти, Принц Джегер, ты принес в жертву последних из наших женщин: наших могущественных сестер, матерей и дочерей. Хранителей тайн всей расы. Ты не достиг величия. Ты поставил целую цивилизацию на колени! На грань вымирания!

Затем пламя окружило тело мужчины, который так красноречиво молил о пощаде.

— Принц Джейдон, мы заглянули в твое сердце и узнали, что твои слова правдивы. Ты и твои потомки, и только они, получите четыре милости: все еще являясь существами ночи, вы сможете ходить и при свете солнца. Вам нужно будет пить кровь, чтобы выжить, но не придется отнимать жизни невинных. Вы все еще не сможете иметь дочерей, но у вас появится один шанс найти свою пару, и знак о ее появлении вы получите с небес. Вы все еще будете искупать грехи своего народа, среди ваших сыновей-близнецов один станет ребенком тьмы, а другой ребенком света, но вам предоставлена возможность принести в жертву темного, сохраняя жизнь более чистой душе для продолжения вашей благородной расы.

Таким образом...

Изгнанные из родных земель в горах Восточной Европы, потомки Джегера и потомки

Джейдона стали Вампирами из легенд: они скитаются по земле, управляют силами природы, живут за счет крови других, и навсегда связаны древним проклятием.

Они братья одной крови, но один из них свет, а другой тьма.

Глава 1

Наши дни

Темный лес был устрашающе тих. В ночи не раздавалось ни единого звука. Не слышалось ни мягкого уханья совы, ни слабого шелеста листвы от снующего вокруг морозного ветра. Древнее кладбище на священной земле окружали высокие смутно-очерченные сосны и огромные выступающие скалы — место погребения для павших потомков Джейдона.

Натаниэль Силивази встал на колени перед прекрасным безжизненным телом, которое как кукольное лежало на старинной каменной плите. Его брат-близнец, Кейген, присел рядом.

Сердце наполняла скорбь от всепоглощающего горя. Тяжесть потери была слишком ощутимой, чтобы перенести ее.

Все еще было сложно поверить, что их младший брат пал. Шелби — последний рожденный из пяти, душа полная озорства и юмора. Шелби — яркий, сильный и безмерно одаренный. Всего лишь пятьсот лет, и он умер как простой неоперившийся юнец. Еще один гордый воин проиграл первородному греху.

Натаниэль снова проклял небеса за судьбу, на которую они обрекли его род.

Как все потомки Джейдона, он был существом и темноты, и света, могущественный принц ночи, защищающий землю и ее жителей от более темных демонов их вида — потомков Джегера.

Он склонил голову в смирении, пытаясь принять то, что никогда не изменится: Шелби не смог выполнить свое предназначение и добиться одной человеческой женщины, связанной с его бесконечной душой, — единственной, которая за все бессмертное существование могла бы освободить его от величайшего Проклятия Крови.

Далия Монтано с пронзительными глазами цвета изумрудов и длинными темными волосами, которые развевались от ветра, та, чей путь был выбран еще до рождения. Избранная для Шелби, и будущее их расы.

Повинуясь судьбе, Далия должна была выносить сыновей-близнецов Шелби: дитя света, которое навсегда сняло бы с него проклятие смерти и избавило душу от вечных мук, и дитя тьмы, которое было бы отдано их предкам, как искупление за грехи.

Натаниэль дрожал, пока воспоминания прокручивались в голове.

Шелби, как и должен был, сразу же распознал все знаки: кроваво-красная луна, внезапное появление в угольно-черном небе созвездия, под которым он родился, и даже совпадающая с этим созвездием метка на внутренней стороне запястья Далии. Но он так и не смог закончить ритуал вовремя.

Желая все упростить для прекрасной человеческой женщины, которая перевернула его сердце так же легко, как и переплела их судьбы, Шелби медлил слишком долго. И таким образом он позволил потомкам Джегера добраться до Далии первыми.

Валентайн Нистор.

Истинная нежить.

Живое, дышащее воплощение самого зла.

Как одному из старейших и могущественнейших Темных вампиров, Валентайну удалось отнять жизнь Шелби, не прикоснувшись к нему и пальцем, не пролив ни единой капли

крови.

Гнев закипел в сердце Натаниэля.

Темный был настолько же трусливым, насколько и злобным. Он мог бы сражаться как воин, но вместо этого преследовал своего врага, манипулируя Кровавым Проклятием. Потомков Джейдона было сложно победить в бою.

Натаниэль вздохнул и решительно закрыл глаза.

Он боролся с еле сдерживаемыми слезами, боролся с яростью, которая поднималась в душе. Единственная слеза скатилась по щеке, и он быстро вытер ее.

Какое это имело значение? Произошло все это с Далией или нет? Итог был бы тот же самый: она не родила сыновей Шелби, и когда Проклятие Крови пришло за безымянным первенцем, без жертвоприношения темного близнеца, которое бы стало искуплением Шелби, он умер мучительной смертью возмездия. Наказанный за преступления, которые никогда не совершал.

Натаниэль стиснул губы в жесткую линию. Он отказывался просто сидеть и задаваться вопросом: «А что если?» — размышлять о древнем проклятии или гадать, как бы сложилась жизнь Шелби, если бы столь омерзительного наказания не было. Но Проклятие Крови существовало. И будет всегда существовать для его народа. Так же как солнце встает на востоке и садится на западе. Как и все вампиры, Натаниэль просто научился принимать его. Оно было неотъемлемой частью их жизни.

Кейген протянул руку и успокаивающе положил ее на плечо Натаниэля, взгляд его темно-карих глаз был устремлен на землю.

— Ты же знаешь, я разделяю твою боль, брат, — он говорил шепотом. — Как и ты, я прожил достаточно долго, чтобы знать, насколько глубока трагедия от такой потери. Так много гордых воинов ушли... и для чего?

Он с отвращением покачал головой, Натаниэль покачнулся, внезапно почувствовав слабость.

— Я никогда не думал, что это произойдет так близко к дому. Как это могло случиться, Кейген? Из всех мужчин именно с Шелби?

— Одно слово, — сказал Кейген, — Валентайн, — он прикусил нижнюю губу, и его рука задрожала. — Но мы не можем проливать слезы, брат мой. Помни, мы должны держать эмоции под контролем.

Натаниэль знал, что его близнец прав.

Сила такого всепоглощающего горя древнего вампира могла излиться на землю, легко вызвав землетрясение или внезапное наводнение. Таким образом, слишком много людей могло погибнуть вследствие смерти Шелби, как побочные жертвы стихийного бедствия.

Натаниэль кивнул, его сердце становилось холодным и бесстрастным, словно каменная стена. Его младший брат сейчас мертв. Он сжал руки в кулаки. Несмотря на то, что ему хотелось кричать на небеса, изливать свою ярость на землю и плакать, пока не останется больше слез, он знал, что не может этого сделать. Долг не позволил бы ему.

Его честь не позволила бы.

Не выдавая эмоций, он тихо проклинал своих предков на древнем языке, ожидая ответного удара, уверенный в том, что они попытаются поставить ему свои условия, прежде чем он начнет мстить за смерть Шелби.

А он намерен искать отмщения.

Кейген легко прочитал мысли Натаниэля.

— У тебя нет шансов на возмездие, воин. Особенно если Маркус первым доберется до Темного.

Натаниэль посмотрел на своего близнеца и заметил красные едва различимые угольки, пылающие в глубине его глаз. Кейген с трудом сдерживал собственный гнев.

— Если это правда, брат, и Маркус так силен, тогда почему он не здесь?

— Натаниэль...

— Не оправдывай его, Кейген!

Кейген покачал головой:

— Я и не собирался, брат.

Натаниэль вздохнул.

— Я знаю точно, что ты хочешь сказать, но это не значит, что я пойму... — его голос затих. — Отсутствие Накари? Можно оправдать. Он не успел бы домой вовремя, а отъезд Шелби не мог ждать. Но Маркус? Он сидит дома, охваченный страданиями своей души, когда тени внутри него становятся все темнее. Это неправильно. Ему нужно попроситься.

Кейген нахмурился, его темные глаза наполнились пониманием.

— Ты же знаешь, он не смог присутствовать здесь, Натаниэль. Чего ты ожидал от него? — в голосе не было и намека на осуждение. — Само небо налилось бы кровью и огнем, если бы Маркусу пришлось хоронить Шелби. Маркус слишком стар. И силен. И зол. Я знаю, он всегда был стойким, но я боюсь, что это может быть слишком... даже для него.

Натаниэль медленно и методично потер виски, пытаясь снять хоть немного напряжения. Маркус действительно тяжело переживал смерть Шелби.

— Он говорил с тобой?

— Немного.

— И?

— И он винит себя, Натаниэль. Что ты думаешь?

Натаниэль покачал головой. Он знал, что это было больше, чем просто несправедливость Кровавого Проклятия, которое мучило его Древних братьев уже пятнадцать сотен лет. Маркус был поглощен виной за то, как умер Шелби.

Кейген скрестил руки на груди.

— Маркус верит, что проклятие должно было избрать его первым. Кровь должна была потребовать сына от него задолго до того, как потребовала от Шелби. Но тот факт, что Валентайн добрался до Далии... — он замолчал, когда голос начал дрожать.

Натаниэль прошипел себе под нос:

— Никто из нас не ожидал такого поворота событий.

— Действительно, — Кейген почувствовал себя неловко. — Но Маркус самый старший, что делает его неизменным защитником всей нашей семьи. Он думает, что ответственен за безопасность более слабых братьев. Как мужчина чести, он должен был знать, как защитить человеческую женщину.

— Это не было его ошибкой, — настаивал Натаниэль, зная, что сам чувствует вину. — Мы все позволили этому случиться с Шелби.

Кейген потер глаза, он выглядел усталым.

— Я знаю. И Накари это знает. Но Маркус...

— Никогда не простит себя, — закончил Натаниэль.

Он вытер лоб и пожал плечами, словно таким образом мог уменьшить вес своего горя.

Кейген посмотрел вдаль.

— Маркус найдет покой, когда придет время.

Натаниэль опустил голову.

— А ты бы смог, Кейген? Или я?

Последовала долгая минута молчания, прежде чем Кейген снова заговорил:

— В любом случае, Маркус слишком упрям, чтобы посоветоваться с кем-то из нас. Возможно, Наполеан поговорит с ним, когда все уляжется... покажет, что мы виноваты в равной степени.

«Возможно», — подумал Натаниэль.

— Он должен знать, что его лидерство все еще необходимо.

Кейген кивнул.

— Больше, чем когда-либо, — он прочистил горло. — Накари должен прибыть завтра вечером. Близнец Шелби, он был куда ближе к нему, чем все мы. Ему, безусловно, будет нужна поддержка Маркуса.

Натаниэль кивнул, хотя не мог представить себе ничего, что бы могло облегчить боль Накари.

— Возможно, они смогут утешить друг друга... теперь, когда каждый из них ходит по земле в одиночестве.

Оговорка была непростительна.

Натаниэль сразу же отвел глаза и склонил голову, кивком выражая сожаление — извинение воина.

Вампиры редко упоминали отданного для кровавого жертвоприношения близнеца. И понять это просто, потому что в каждой семье был единственный старший сын, старший брат, который оставался в одиночестве, первый ребенок света, чьего темного близнеца пожертвовали при рождении. Считалось грубо говорить о том, кто никогда не был назван. Неучтиво даже признавать факт его существования.

Кейген пропустил ошибку Натаниэля.

— Это будет нелегко для каждого. Я боюсь увидеть темные дни, которые настанут для нас.

— Как и я.

Натаниэль встал и сделал глубокий долгий вдох.

— Время, — прошептал он.

Кейген поднялся на ноги и медленно кивнул.

Взмахом руки Натаниэль начал опускать тяжелую каменную плиту, на которой лежало неприкрытое тело его любимого брата, глубоко в землю, чтобы она поглотила его.

Натаниэль мягко говорил на древнем языке их предков, вознося молитву за мир, как последнее благословение, и попросил безопасного путешествия в Долину Духа и Света, произнеся страстную мольбу к Духу самого Джейдона, моля даровать Шелби прощение за то, что он так и не смог отдать своего сына.

Натаниэль беспомощно смотрел, как его обожаемый младший брат все глубже опускается в землю, чтобы больше никогда не подняться наверх. Несмотря на все усилия, две горящие слезы скатились по его щекам, каждая мимолетно превратилась в алмаз в виде сердца темно-красного цвета.

— Хорошего путешествия, брат мой. Иди с миром.

Глава 2

Джослин вытащила фляжку с водой из своего увесистого темно-синего рюкзака и сделала большой глоток. Она еще раз проверила компас, мельком поглядывая на небо, чтобы определить положение солнца. Времени оказалось достаточно. Дневного света должно было хватить, чтобы добраться к пещере до заката. Положив фляжку обратно в рюкзак, она повесила его себе на плечи и углубилась в лес, продолжая анализировать информацию.

Джослин понимала, что не получила разрешения следовать по наводке, которую дал ей информатор. Ее не должно быть здесь. И если что-то пойдет не так, она останется сама по себе.

Но кроме этого она знала, что дело не могло ждать. Торговля людьми. Ритуальные убийства. Все это было таким странным.

Как агент отдела внутренней безопасности, Джослин Леви уже несколько месяцев расследовала одно довольно шокирующее дело об организации, торгующей людьми.

В отличие от остальных организаций, которые похищали молодых женщин, отдавая в сексуальное рабство, или продавали детей на принудительные работы, жертвы этой служили для более темных целей, их использовали в ритуальных убийствах.

Но кто?

Джослин покачала головой, небрежно заправляя прядь густых каштановых волос за ухо. За последние два месяца ее подразделение обнаружило три новых тела, каждое из которых было истерзано с одной и той же неопишуемой жестокостью. Вид изуродованных тел приводил в ужас, но подразделение было уже близко к поимке главы организации или, по крайней мере, человека, который продавал женщин. Однако они все еще понятия не имели, кто именно совершал убийства: какой культ мог стоять за такими жуткими актами насилия. Им еще ни разу не удавалось найти само место преступления.

Джослин вздохнула, надеясь, что сегодня в деле наступит большой прорыв. Если информация о пещере окажется верной, то ее ждет огромное открытие.

Осведомитель заверил, что она не попадет прямиком в опасную зону, и место, о котором он рассказал, больше не использовалось организацией. Как правило, они часто перемещались с места на место, чтобы избежать ареста. К сожалению, это означало, что там не удастся найти никаких новых вещественных доказательств, но информация, которую надеялась обнаружить Джослин, была несколько иного рода.

Джослин замедлилась, когда вдалеке появились высокие красноватые скалы, странно мерцающие перед глазами, словно мираж в пустыне в жаркий день. Жуткий холод пронзил ее тело, волоски на руках встали дыбом, и неприятное чувство чего-то неизбежного поселилось в животе. Она задрожала и уставилась перед собой. Было что-то в этих своеобразных каньонах, что пробрало ее до самых костей.

Большинство людей повернули бы назад, для начала они, скорее всего, вообще бы здесь не оказались.

Но Джослин не большинство.

Раскрытие сложных преступлений — это дело ее жизни. Поимка очень плохих парней — вот, в чем она действительно хороша. У нее всегда срабатывало шестое чувство, сверхъестественная способность оказываться на шаг впереди преступника. Не то чтобы она была ясновидящей или кем-то вроде. Просто чувствовала. Приходила на место преступления

и знала. Как будто само место шептало ей секреты людей, которые побывали там.

И сейчас, после многих месяцев хождения по кругу, у нее, наконец, появилась надежная зацепка; и она не собиралась позволить этой информации пропасть впустую.

Джослин глубоко вдохнула свежий горный воздух, ее легкие работали на пределе, приспособиваясь к высоте Восточных Скалистых гор. Красивый и будто бесконечный простор, раскинувшийся по всему Передовому хребту Северной Америки, полный скрытых каньонов, густых лесов и возвышающихся величественных горных пиков; при других обстоятельствах он мог бы стать идеальным местом для отдыха. Чувство страха становилось все сильнее с каждым сделанным ею шагом, настолько, что казалось, словно невидимая рука удерживает ее, предупреждая об опасности.

Покачав головой, она попыталась изгнать эти мысли и продолжила идти вперед, проталкиваясь сквозь невидимый барьер.

Она зашла слишком далеко, чтобы сейчас повернуть назад.

Лица жертв, их изломанные и измученные тела продолжали всплывать в сознании, будто ужасное личное слайд-шоу, напоминая, что поставлено на карту.

Ускорившись, Джослин еще больше углубилась в ущелье.

Подземная пещера причудливой формы в конце тесных каменных туннелей была именно там, где и говорил ее осведомитель: под узким дугообразным входом, сразу за водопадом.

Джослин спрашивала себя, как нечто столь прекрасное может использоваться во имя такого зла?

Она достигла пещеры далеко после захода солнца.

Медленно продолжая свой путь через длинный лабиринт проходов, она с каждым шагом все глубже спускалась под землю, пока не очутилась в гигантском зале с огромными сводчатыми потолками и выступающими колоннами. Полуразрушенные колонны из белого камня были расставлены хаотично, словно божественная рука возвела их. В задней части зала находился маленький пруд со стоячей водой, как раз под рядом низких выступов. Сама пещера была устрашающе темной, влажной и холодной. Воздух — затхлым и сырым.

Джослин резко выключила свой фонарик, когда тихий звук привлек ее внимание. Она услышала эхо, доносящееся из соседнего туннеля. Оно походило на тихий женский стон.

Она инстинктивно присела, ее ощущения обострились.

Потянувшись за пистолетом, Джослин вытащила его из кобуры и побежала в заднюю часть пещеры. Затем стремительно пробралась мимо пахнущей серой воды и, опустившись на живот, быстро поползла, словно змея, под низко нависшими скалами. Спрятавшись как можно глубже в ограниченном пространстве, она расположилась так, чтобы видеть пещеру.

«Боже, я надеюсь, тут нет пауков или летучих мышей», — молилась она, пока звук становился все громче.

Кто-то явно приближался к ней.

И тогда она увидела, как вспыхнули огни, словно сами по себе, освещая весь зал, будто темное небо на Четвертое июля.

Сырые древние факелы, прикрепленные к каменным стенам на одинаковом расстоянии друг от друга, образовывали идеально ровный круг, и Джослин почти задохнулась, впервые увидев пещеру во всех деталях. Красно-оранжевое пламя осветило каждый укромный уголок зала и тщательно вырезанные колонны, расположенные по всей комнате. Удивительная

круглая крепость, несомненно, созданная землей за века распада.

Но при этом церемониальный зал из нее сотворил человек.

Джослин задержала дыхание, надеясь, что достаточно глубоко спряталась в углубление и не отражается в стоячей воде. Сначала она заметила три выступа, расположенные диаметрально обособленно, словно углы треугольника, вдоль стен пещеры, и каждый вел к крутому обрыву. Верная смерть для любого, кто попытается сбежать.

От этой мысли кровь стыла в жилах.

В центре комнаты располагалась большая каменная плита с гладкой поверхностью, во многом похожая на кровать, сделанную из гранита, с причудливой резьбой по обеим сторонам — древние символы, которые Джослин не узнала. Но цвет камня ни с чем нельзя было спутать. Резкий и тревожный. Джослин съежилась, представляя, для чего он использовался.

В центре камень был темно-красным, очевидно, потому что здесь много лет проливали кровь, которая засохла в трещинах. Это не походило на работу серийного убийцы или группы религиозных фанатиков. Зал был древним. И убийства совершались здесь из поколения в поколение. Комната свидетельствовала об определенном образе жизни, который принадлежал народу или культуре в течение сотен лет.

Адреналин побежал по телу Джослин, когда она осознала, насколько ужасен этот зал.

Она задержала дыхание и напряглась, ожидая, что будет дальше.

С обеих сторон запачканной кровью плиты стояли искусственно созданные сооружения, врезы в гранит: поднятый алтарь слева с углублением, и широкая скамья справа со спинкой и подлокотниками для удобства. Все это находилось в трех футах от начала плиты.

Джослин содрогнулась.

Она могла почувствовать темноту и невысказанную боль, запечатленную в стенах зала, и снова ее живот взбунтовался. Волоски на руках встали дыбом.

А затем они вошли.

Высокий, темный, мускулистый мужчина, изящный и напряженный, удивительный, но опасный. Он определенно был злом.

Не человек.

И он нес на руках беременную женщину, очевидно, ее стон и был слышен.

Святой Боже...

Джослин не могла объяснить, как она поняла, что это существо не являлось человеком. Она просто знала. Он выглядел как любой другой мужчина, только настолько ошеломляюще красивым, что казался нереальным. Длинные волосы ниспадали чуть ниже плеч совершенными уложенными волнами, и лицо было безупречным, словно у статуи, а не человека. Но что действительно выдало его, так это глаза. Безучастные и пустые... Темные, как ночь, и такие же безжизненные.

Они могли бы таить в себе необычную красоту, если бы не были такими... мертвыми.

И цвет его идеальных волос тоже смотрелся неестественно. Глубокий черный, с переплетением кроваво-красных прядей. Такого цвета нельзя добиться с помощью краски. Джослин казалось, что они переливались, будто поверхность озера под лунным светом; почти красиво в некотором демоническом смысле.

Она пригнулась ниже и затаила дыхание, продолжая наблюдать как за гипнотизированная.

Глаза беременной женщины были открыты, но она ничего не осознавала, находясь в

трансе. Молодая, может быть, девятнадцать или двадцать лет, с красивыми черными волосами и прекрасными зелеными глазами. Ее бледное застывшее лицо... словно замерло в ужасе от кошмарного сна. Слава Богу, она была такой отстраненной.

По взмаху его руки зал начал наполняться запахом ладана, и плотный серый туман воспарил над землей. Он окружил окровавленную плиту в центре зала, мгновенно делая все почти призрачным. Джослин не могла еще глубже пробраться в расщелину, поэтому старалась стать меньше, желая просто испариться.

Она ничего не сможет сделать, если он увидит ее.

Каким-то образом пришло понимание, что даже с полностью заряженным и готовым стрелять пистолетом в руке, ее судьба зависит от того, останется ли она незамеченной. Ее не должны обнаружить. К счастью, существо было слишком сосредоточено на беременной женщине и так уверено в своей подавляющей власти, что не собиралось проверять, нет ли в зале посторонних. А пахнувшая серой вода, мимо которой ей пришлось пробираться, должна была хорошо скрыть ее запах. Или она скорее надеялась на это.

Вокруг мужчины начало витать странное возбуждение. Чувство больших надежд. От него исходила сила, будто просачиваясь сквозь кожу.

Он плавно подошел к запачканной кровью плите и медленно уложил на нее женщину. На мгновение Джослин показалось, что в его действиях был намек на нежность, пока она не услышала слабый смех, поднимающийся из его груди. Смесь рычания леопарда и хрипа гиены, от которой у нее побежали мурашки по коже.

— Далия, проснись, — приказал он.

Его голос походил на бархатную песню, которая исходила от виолончели на концерте, столь же чистый, как ночь, и глубокий, как океан. Он склонился над беременной женщиной и поцеловал ее. Она проснулась как по команде.

— Валентайн, помоги мне!

Она проглотила слова отчаянной просьбы о милосердии. Глаза широко раскрылись от испуга, а затем, когда она рассмотрела зал, вопль всепоглощающего ужаса вырвался из ее уст.

Джослин не была готова к звуку, который заполнил пещеру.

Крик был настолько наполнен мучением, что на мгновение в горле встал ком от нехватки воздуха, словно зал наэлектризовался. Это не походило ни на что, что Джослин когда-либо слышала прежде — страдания женщины остались вне ее понимания.

К горлу Джослин подкатила тошнота, ей стоило многих усилий оставаться тихой, ведь живот протестовал, угрожая выдать ее присутствие. К счастью, отчаянные крики заглушили звуки рвотных позывов.

У женщины начались родовые схватки, но в этом было что-то ужасно неправильное.

Она корчилась и кричала. Отчаянно пытаясь уползти прочь.

Но мужчина просто склонился над ней, смотря с безразличием, пока клал свою сильную руку на ее грудь, надавливая и удерживая на плите.

Джослин встряхнула головой и несколько раз моргнула, как будто пытаясь проснуться от кошмара, надеясь, что это всего лишь дурной сон.

Боль продолжалась.

Пытка не прекращалась.

Крики, казалось, звучали целую вечность, пот ручьем скатывался со лба женщины, ее руки сжимались от невыносимой муки, в то время как темный мужчина спокойно сидел,

наблюдая за этой сценой с выражением удовольствия, сверкающим в его глазах.

Он словно специально задерживал дыхание, эротично двигаясь взад и вперед на жесткой скамье. Создавалось впечатление, что он получал сексуальное удовлетворение от страданий женщины, и ему приходилось себя одергивать, чтобы не прикасаться к ней, пока она рожала.

Но, не сумев сдержать своего возбуждения, он наклонился и прижался жестким поцелуем к ее губам, пока она стонала от боли. Это было в высшей степени не нормально.

И то, что произошло дальше, настолько шокировало, что Джослин застыла как загнипнотизированная, не в состоянии в это поверить: совершенные губы существа превратились в настоящий оскал хищника, и его клыки медленно удлинились, становясь острыми как бритва. Он водил ими вверх и вниз по всей длине шеи женщины снова и снова, оставляя за собой глубокие, неровные раны. И, наконец, низко застонав от восторга, вонзил их глубоко в ее плоть. Его тело содрогнулось от удовольствия, когда она закричала от боли.

Вся сцена была невообразимо жестокой. Джослин казалось, будто время остановилось, пока она неподвижно лежала на полу пещеры, отчаянно пытаясь скрыть свое присутствие от этого монстра.

Не в силах спасти страдающую женщину.

И тогда женщина начала лихорадочно бороться.

Крики стали такими отчаянными, что Джослин порывалась достать оружие и выдать свое присутствие, только чтобы закончить ее страдания.

Но времени не было.

Мышцы начали растягиваться. Кости ломаться, а ребра трещать.

И страшный, жалобный вой, который можно было назвать только ужасающим, вырвался из ее горла. Ребенок двигался не через родовые пути, а поднимался вверх... вверх... в грудную клетку. Джослин пыталась сдержать собственный испуганный крик, и ее рот раскрылся от ужаса, когда ребра женщины просто прорвались наружу, открывая взгляду ее сердце и легкие.

Темное существо вздохнуло от удовольствия.

Он встал над изломанным телом, потянулся к зияющей груди и достал оттуда двух идеальных новорожденных, оба были мальчиками, с густыми угольно-черными волосами.

С демоническими кроваво-красными прядями.

Когда монстр подошел к приподнятому алтарю, то словно впервые засомневался, пытаясь сохранить контроль над собой. Он мягко положил первого из двух сыновей в углубление, остановившись, только чтобы взглянуть в глаза ребенка и нежно поцеловать его в лоб. Будто знал, что не сможет снова взять младенца. Эта нежность была странной.

Инстинктивно он ближе прижал оставшегося ребенка к груди и отошел от алтаря. Он смотрел, как завозился оставленный ребенок, и его глаза стали холодными, словно лед.

И тогда темный туман пришел в движение.

Он закружился, становясь все более плотным и твердым.

Принимая форму двух длинных рук с костяными пальцами, он тянулся, чтобы схватить, стонал и завывал в пронзительном победном крике.

Завывания становились все громче, когда туман подбирался все ближе к алтарю, где лежал ребенок.

А потом Валентайн напрягся. Его лоб покрылся морщинами. Взгляд превратился в два огненно-красных уголька ненависти, пока туман подкрадывался к ребенку.

Тем не менее, он не шелохнулся, когда серовато-черный дым окружил плачущего младенца. Когда его призрачные пальцы потянулись к шее новорожденного, чтобы сжаться вокруг нее...

И вдруг ребенок исчез.

Валентайн издал низкий сердитый рык, его мощное тело задрожало от гнева, а затем он просто отвернулся, приподнял оставшегося ребенка высоко над головой и улыбнулся. Кривая ухмылка обнажила его идеально белые зубы.

— Тебя будут звать Дэрриан, — объявил он глубоким, звучным голосом. — И теперь Проклятие Крови никогда не коснется меня. Я навсегда бессмертен, — злая ухмылка появилась на его лице. — В то время как Шелби Силивази, любимый отпрыск Джейдона мертв навечно.

Он саркастически выплюнул слова, а его смех эхом отозвался в высоких сводчатых потолках зала.

— А эта женщина... — он указал на камень, где лежала мертвая Далия, с все еще широко распахнутыми от ужаса глазами, — была лишь бесполезным красивым телом, ты так не считаешь?

Он засмеялся снова, прижимая новорожденного ребенка к своей бездушной груди.

Взмахнув свободной рукой над Далией, он поджег измученное пытками тело, которое сгорало, пока он неторопливым шагом покидал зал.

Тихо напевая колыбельную своему сыну.

Джослин стремительно неслась по извилистой горной дороге.

Она бежала так быстро, что грязь и камни из-под ее ног разлетались в разные стороны. Ветки деревьев царапали кожу, стоило ей приблизиться к ним. Ее сердце неудержимо колотилось, пока ужасы, свидетелем которых она стала, прокручивались в голове.

Было далеко за полночь, а она все еще ждала в глубине темной пещеры, желая убедиться, что существо ушло, прежде чем попытаться сбежать. Взяв документы из рюкзака, она убрала пистолет в наплечную кобуру справа и выкинула полупустую фляжку с водой за левое плечо. Затем торопливо выбросила рюкзак в один из крутых обрывов, перед тем как стремительно выбежать из темного туннеля, с полной решимостью выбраться из пещеры.

Из-за быстрого бега Джослин несколько раз падала, получая синяки и стирая колени в кровь, но не чувствовала боли; адреналин вел ее все дальше и дальше в лес.

Когда она, наконец, остановилась, чтобы передохнуть, ее легкие усиленно работали, а разум взывал к здравомыслию. Этого не могло случиться!

Увиденное не могло быть реальным. Кем был тот монстр?

И бедная беспомощная женщина...

Никто не заслуживал такой жестокой смерти.

Джослин наклонилась, сильно задыхаясь. Она оперлась руками о колени и попыталась набрать больше воздуха в легкие, стараясь очистить свой, как правило, рациональный разум.

Даля.

Убитая женщина.

Была ли она одной из жертв, проданных организацией в рабство? То существо купило ее... чтобы размножиться? Или убить?

Он держал ее целых девять месяцев? И если так, то что, ради бога, вынесла эта бедная женщина?

Большинство женщин, упомянутых в деле об этой организации по торговле людьми, были иностранками. Бедные, ничего не подозревающие иммигрантки приезжали, доверившись неправильному человеку, в отчаянной попытке попасть в Соединенные Штаты. Но Даля была американкой. По крайней мере, она так выглядела. И выговор у нее был американский, когда она называла имя того существа.

Валентайн.

Джослин задрожала и моргнула, чтобы остановить подступающие слезы. Женщина в пещере была прекрасна. И она сильно страдала.

Джослин не могла убежать настолько далеко и быстро, как хотела. Она сделала еще несколько тяжелых вдохов и снова заставила себя двигаться, стараясь не замедлять бег, хотя ее легкие пылали, будто в огне. И пока она бежала, ее сознание продолжало складывать вместе кусочки головоломки...

Какое существо могло зажечь пламя взмахом руки? Кто мог удерживать вырывающуюся взрослую женщину, неважно, беременную или нет, лишь прикосновением ладони? Чьи дети появлялись на свет как какие-то инопланетяне, не рождаясь естественным путем?

И еще кровь.

Он пил кровь.

Джослин пыталась убедить себя, что он был просто каким-то невероятно сильным

психопатом-убийцей. Может быть, сумасшедшим наркоманом или кем-то, кто настолько глубоко погрузился во тьму, что в нем совсем не осталось совести. Но она знала, что это не так. Каким бы нереальным все не казалось, Джослин знала правду: то существо — нежить. Абсолютное зло.

Слишком опасный, и уж точно не человек.

Вампир.

Даже несмотря на осознание такой вероятности, правду было трудно принять.

Узкую, неровную тропу с выпирающими корнями деревьев усыпали разбросанные ветки и сосновые шишки. Она продолжала спотыкаться из-за рыхлой и неровной почвы под ногами, и единственным, что освещало путь, был ее фонарик. Огромные возвышающиеся сосны и покачивающиеся осины придавали лесу жуткий вид.

Словно он был полон мистических существ, которые прятались там. Возвышались над ней и окружали. Скрытые от ее взора. Готовые напасть, стоит ей только пробежать мимо.

Каждая тень была призраком. Каждый звук означал, что существо уже близко. Каждый шепот говорил, что вампир жаждет схватить ее.

Джослин закрыла уши руками. Она чувствовала отчаянный стук в голове, пытаясь сохранить контроль над мыслями и сосредоточиться на бегущей вперед тропе.

«Продолжай двигаться, — говорила она себе. — Просто продолжай двигаться».

Ее лодыжка зацепилась за большой выступающий корень дерева, когда тропа круто свернула, и где-то глубоко в лесу завыл волк. Ей мерещилось, что дерево — это две злобные руки, схватившие ее за ноги, и она была уверена, что вой — это коварное рычание вампира, который нашел ее, собираясь унести в свое логово. Из ее горла вырвался настоящий крик ужаса, когда колени ударились о землю, а руки потянулись вперед, чтобы задержать падение. Зажмурившись, она начала бесконтрольно дрожать.

Ей стало слишком страшно открывать глаза.

Слишком страшно двигаться.

Она была настолько охвачена ужасом, что ее парализовало.

Тесно прижавшись к земле, она отчаянно пыталась взять себя в руки.

За всю свою жизнь ей не удастся забыть то, что произошло в той пещере. Даже плотно прижимая руки к ушам, она все равно не могла заглушить эхо мучительных криков. Только теперь, в милях от кровавой пещеры, Джослин, наконец, начала чувствовать, не просто анализировать и пытаться пережить, а глубоко и полностью ощущать весь ужас того, что видела.

Словно океанская волна, страдание затопило ее сердце, и она зарыдала. Прижав колени к груди и спрятав лицо в ладонях, она плакала, раскачиваясь взад и вперед.

И пока слезы неудержимо скатывались по ее щекам, Джослин Леви пыталась ухватиться за остатки своего здравомыслия.

Натаниэль стоял у могилы Шелби глубокой ночью, так сильно погрузившись в свое горе, что потерял счет времени. И только громкий, отчаянный женский крик, доносящийся из глубины леса, вернул его в настоящее.

Он приподнял голову, пытаясь что-то учуять, и насторожился.

Звук доносился из долины сразу за красными каньонами. Эти каньоны когда-то использовали Темные, чтобы проводить свои отвратительные ритуалы. Возможно ли, что его темные братья вернулись в привычный зал?

Прошло много лун с тех пор, как сыны Джегера смели проводить свои зловещие жертвоприношения в такой близости от земель Светлых Братьев. Последним Темным Вампиром, который имел такую наглость, был Владимир Лазаро, и он заплатил высокую цену за свое высокомерие, когда сыновья Джейдона наказали его за преступления.

Используя единственный способ уничтожить вампира, существо, чья жизнь и сила заключается в крови, воины нанесли Владимиру смертельную рану, чтобы его легче было схватить, а затем выкачали кровь из нескольких крупных артерий, тем самым обеспечив быструю потерю жизненной силы.

По обычаю, ему следовало отрубить голову и сжечь вместе с сердцем, но наказание Владимира было куда более жестким. Как пример для остальной части его рода. В нем оставили несколько капель крови, чтобы он ослаб, но жил. Затем Сыновья Джейдона проткнули его сердце, приковали к земле и окружили своими наиболее могущественными древними, удерживая на месте до восхода солнца.

Полностью открытая солнцу, плоть Владимира была сожжена до неузнаваемости, его нечистое сердце было выжжено из тела, пока он погибал так мучительно, как только мог заслужить Темный.

Темные продолжали рожать детей и проводить жертвоприношения, но, оставаясь трусами, прятались в тени и нападали только тогда, когда шанс быть пойманными становился слишком мал. Эти красные каньоны, со всеми их скрытыми лабиринтами и ущельями, располагались слишком близко к долине, которую делили люди Джейдона. Использовать их было равносильно самоубийству.

Натаниэль скрыл свое присутствие и поднялся в небо, полетев к каньонам, чтобы все узнать. В полете он осматривал местность.

Ночной воздух был прохладным, но небо — ясным. Луна бросала сияющие тени на землю. Пока Натаниэль грелся в лучах ее света, ему пришло в голову, что Скалистые горы совсем не похожи на горы его родины, родины, которую он помнил по редким визитам и давно прошедшим воспоминаниям.

В то время как Трансильванские горы простирались от устьев рек Вишеу и Золотой Бистрицы до великой Среднедунайской равнины, Скалистые горы были расположены в западной части Северной Америки и простирались от Канады до Нью-Мексико. Восточный край Скалистых гор был заселен изгнанными из рода мужчинами, вынужденными уйти из Трансильванских Альп много веков назад по условию Проклятия Крови. В конце концов они расселились вдоль всего Передового хребта, построив прочное сообщество и нажив немалое богатство.

Натаниэль научился любить эту «новую» землю с ее огромными выступающими горными вершинами, устремляющимися к самым синим небесам. Он обожал бесконечные долины и леса, с их легкой весенней или летней погодой, и испытывал благоговение перед фиолетово-оранжевыми закатам.

Он никогда не уставал находить все новые водные каналы и реки с их бушующими белыми порогами, водопады, срывающиеся вниз с крутых скал, и сверкающие хрустальные озера, скрывающиеся глубоко в лесу.

Приблизившись к Долине Теней, он начал осматривать землю, простирающуюся внизу. Потомки короля Сакариаса первоначально поселились здесь примерно 2800 лет назад, разделив обширные горные хребты на два региона: все территории к западу от Красных каньонов были заселены Темными, потомками Джегера, а к востоку — потомками

Джейдона.

Раскинувшаяся внизу долина была нейтральной территорией, связывающей эти два региона.

Когда Натаниэль замедлился, чтобы спуститься вниз, то увидел стройный силуэт женщины; она раскачивалась взад и вперед, как испуганный ребенок, стоя на коленях на земле.

Он рассеянно подумал о том, как она могла оказаться так близко к Красным каньонам. Она должна была почувствовать предупреждающий темный барьер, охраняющий этот регион; установленный детьми Джейдона, чтобы отпугивать людей, которые могли подобраться слишком близко.

Натаниэль приземлился, скрывшись в тени нескольких сосен, и с любопытством стал наблюдать за человеческой женщиной. Она была явно огорчена, ее узкие плечи сгорбились под тяжестью страданий, но не похоже, что ей угрожала опасность.

Честно говоря, Натаниэль был рад даже такому незначительному отвлечению от своего горя.

Он осторожно вышел из-за деревьев. Его взгляд сразу же встретился с её, чтобы спроецировать ощущение спокойствия.

— Привет, — сказал он тихо.

Джослин вздрогнула от испуга и вскрикнула, испытав сильнейшее потрясение, когда перед ней внезапно появился мужчина. Хотя он немедленно поднял обе руки ладонями вверх в вечном жесте мира, она не собиралась рисковать. Вскочила на ноги и, одним плавным движением достав свое оружие, взвела курок. Держа его прямо перед собой двумя руками, она медленно отступала назад, не спуская глаз с незнакомца.

— Не двигайся!

Высокий темный мужчина поднял руки еще выше, легкая теплая улыбка появилась на его лице.

— Сожалею, если я напугал Вас. Я слышал крик и подумал, что Вы нуждаетесь в помощи, — тембр его голоса был глубоким и очаровательным.

Джослин почувствовала, как ее тянет к нему, будто скрепку к магниту. Его голос — чистая поэзия, ласкающая самую душу, со слабым, почти средневековым акцентом.

Джослин уже слышала этот акцент.

— Я сказала, не двигайся! — выкрикивая команду, она подняла ствол, целясь ему между глаз. — И не подходи ближе.

— Я и не двигаюсь, — уверил он ее, — всего лишь хочу посмотреть... все ли с тобой в порядке?

Джослин боролась с легким принуждением, звучавшим в его голосе.

— Хватит болтать!

Его брови приподнялись.

— Интересно, — пробормотал он на выдохе, а затем затих, пока его взгляд исследовал ее тело на наличие видимых ран.

Джослин сделала маленький шаг назад.

Она могла поклясться, что видела, как он принохивается, чтобы получить нужную информацию. Но что он надеялся обнаружить? Ее острый, детективный ум начал быстро анализировать, что можно узнать с помощью усиленного обоняния.

Для начала ее кровь, пропитанная адреналином, выдает чувство страха, усиленное желанием выжить. Она сильно вспотела, значит, он поймет, что она не просто сидела на земле, а бежала от чего-то.

Или кого-то.

И даже слабый запах дыма в волосах мог указывать на ее недавнюю близость к огню. Возможно, к походному костру.

Но Джослин осталась относительно цела.

Если не считать пары царапин и ушибов на коленях, больше никаких других повреждений. Как раз когда она об этом думала, его пронизательные глаза смотрели на ее ноги. Но он же не мог чувствовать запах таких легких ран, не так ли? Для этого слишком мало крови.

Сердце Джослин пропустило удар.

А затем его пронизывающий взгляд переместился на ее шею, словно он искал что-то определенное...

Отметины от укусов.

Джослин хотелось опустить пистолет и прикрыть горло от его мягкого пристального

взгляда, но он выглядел удовлетворенным тем, что увидел.

— Я спрошу тебя еще раз, — произнес он, игнорируя ее приказ молчать. — С тобой все в порядке? Почему ты кричала?

Джослин не могла сопротивляться силе его голоса, чувствуя себя вынужденной ответить на вопрос. Фактически, ей хотелось ответить на него. Она должна была сказать этому человеку в точности все, что видела, но что-то в ней изо всех сил пыталось противостоять импульсу, в то время как разум продолжал проводить связь между человеком, который стоял перед ней, и существом из пещеры. Она не могла забыть ужасающую судьбу женщины, которую захватил монстр.

И не было никаких сомнений, что они принадлежали к одному виду.

Голос этого мужчины звучал слишком обольстительно и очаровательно, как и у того существа. Их рост и фигура выглядели почти идентичными, и он держался слишком самоуверенно. Его окружала аура власти, которая практически сочилась через кожу, когда он стоял там перед нею, словно мистическая черная пантера перед прыжком. И, несмотря на то, что она была той, кто держал оружие, он был тем, кто руководил ситуацией.

И его волосы — прекрасные иссиня-черные волосы, ниспадающие до плеч, — еще больше выделяли утонченные черты.

Все в нем выдавало его.

Этот мужчина был не просто прекрасен, он был безупречен.

Да, несомненно.

Джослин все еще боролась с желанием ответить ему на вопрос. И она точно знала, кем он был. Не человек. Вампир. Она обдумала свое положение, собрала волю в кулак и попыталась составить план.

На лбу вампира появились складки, указывающие на его смятение. Он казался сильно удивленным и слегка раздраженным ее сопротивлением. На сей раз он остановил взгляд на ее глазах, смотря внутрь нее, и затем понизил голос еще.

— Сейчас ты ответишь мне. Чего ты боишься?

Ноги Джослин обмякли, в то время как слова потекли, словно вода сквозь решето.

— Я не хочу, чтобы ты меня убил.

Она ответила честно.

У нее не было другого выбора.

Он этого и требовал.

— Почему я должен сделать это? — мужчина отшатнулся.

Джослин буквально прикусила язык. Ей нужно быть сильной. Она знала достаточно, чтобы понять, он управлял ею своим голосом. Как и не сомневалась в том, что не сможет перенести увиденное в пещере.

Обдумывая, можно ли убить вампира пулями, она видела только один шанс разобраться с ним. Джослин не могла допустить, чтобы ее поймали.

И ее не поймут.

Но если она выстрелит и промахнется — или еще хуже, ее пули не возымеют никакого эффекта на сверхъестественное существо — то станет слишком поздно. Ее судьба будет предрешена.

Джослин сглотнула комок в горле: она знала, что должна делать. Ей надо взять полный контроль над ситуацией — создать единственный исход, над которым у нее будет полная власть.

Джослин продолжала сопротивляться мощному принуждению, ее разум наполнился свирепой решимостью. Успокоив дрожащие пальцы, она переместила оружие в правую руку и, развернув его, с железной решимостью приставила к своему виску.

Одним плавным, решительным движением она нажала на курок.

Натаниэль рванул в сторону женщины со всей сверхъестественной скоростью и точностью своего вида, чтобы вывернуть ее руку с оружием, как раз пока она спускала курок. Смертельная пуля попала в соседнее дерево с громким глухим стуком, и маленькие фрагменты коры разлетелись, словно от взрыва, в воздухе. Он был абсолютно потрясен ее опрометчивым поведением.

— Ты с ума сошла? — спросил он, больше не беспокоясь о вежливости. — О чем ты только думала?

Женщина выглядела ошеломленной, словно изо всех сил пыталась понять, что только что произошло. Она должна была быть мертва, но Натаниэль уже отвел пистолет до того, как пуля покинула барабан. Непонимание на ее лице сменилось подавленностью. Совершенно сбита с толку, она пыталась пробормотать ответ, но вышла только серия неразборчивых звуков. А затем ее зеленовато-карие глаза наполнились слезами.

Натаниэль сделал глубокий, успокаивающий вдох и понизил голос, специально используя внушение снова:

— Прямо сейчас ты скажешь мне, чего так сильно испугалась, что решила скорее убить себя, чем стоять передо мной.

— Тебя, — прошептала она еле слышно.

— Меня? — Натаниэль нахмурился, удивленный ее ответом.

Безусловно, он шокировал бедную женщину, но это едва ли было поводом покончить жизнь самоубийством.

— Почему, во имя всего мира, ты так боишься меня?

Женщина смахнула слезы, явно раздраженная тем, что потеряла контроль.

— Ты... вампир.

Натаниэль тихо отступил. Теперь он был действительно ошеломлен.

— Понятно.

Он сказал это сухо, ничего не отрицая, и затем повнимательней рассмотрел женщину, стоящую перед ним.

Она была невысокой и довольно худой. Подтянутой, но стройной.

И держалась с заметной уверенностью, несмотря на ситуацию. Ее волосы были богатого коричневого оттенка, что напомнило ему мягкий молочный шоколад. Восхитительно длинные, с янтарным отливом, который волнами ложился в переплетениях кос.

Ее глаза были очаровательны, со странной темной смесью бледно-зеленого и мягкого цвета лесного ореха, пылающего в их глубинах. Словно глаза тигра. Натаниэль решил, что они ошеломляющие, как и все остальные безупречные черты ее лица. Просто поразительная женщина.

И, очевидно, напугана до безумия.

Молчание повисло между ними на долгое мгновение, прежде чем она ответила.

— Не собираешься отрицать? — ее кожа побледнела, и она покачала головой. — Тогда ты признаешь, что вампир? Мистическое существо из фильмов ужасов? — несмотря на стремление быть бесстрашной, ее голос дрогнул.

Натаниэль улыбнулся, надеясь смягчить ее страх.

— Я ничего такого не признаю, — съязвил он. — Но совершенно уверен, что не миф

или существо из фильмов ужасов. Тем не менее, вижу, что ты считаешь меня таким. Хотя и не знаю почему.

— Ты прекрасно понимаешь, что ты такое, — возразила она, встретившись с ним взглядом, и расправила плечи.

Натаниэль потер большим пальцем свой подбородок и задумчиво посмотрел на нее, еще не зная, что собирается делать дальше. Он уже перешел одну черту, заставив ответить на свои вопросы, а теперь намеревался стереть ей воспоминания. Хотя он и не возражал против того, чтобы проникнуть в ее разум и узнать больше информации, если в этом возникнет необходимость, но не хотел проникать слишком глубоко без разрешения.

Создатели наделили людей несколькими божественными качествами, одно из которых — свободная воля. И это далеко не игрушки. Существовало слишком много потенциальных последствий, и возникновение чувства безысходности или ослабление воли к жизни — не последние из них. Очевидно, у этой женщины уже возникли такие проблемы.

Натаниэль вздохнул и произнес уже более мягко:

— Скажи мне, прекрасная женщина с глазами тигра, почему ты думаешь, что я вампаир?

Он считал, что это довольно резонный вопрос, но женщина стала не просто расстроенной, а опустошенной. Ее глаза потускнели, словно она была под воздействием наркотиков, рот приоткрылся.

— Ты только что назвал меня тигриные глазки? — голос прозвучал с недоверием. — И произнес это слово, как вампаир? Будто заставив его прозвучать более... сексуально... ты можешь изменить его значение?

Он подавил смешок. Остроумие этой человеческой женщины было очаровательным.

Положив руки на бедра, она сердито и вызывающе его рассматривала.

— Ну, для начала ты, кажется, знаешь, как правильно его произнести, — она неискренне рассмеялась, что прозвучало скорее истерически, чем радостно.

А затем заплакала.

Натаниэль поежился.

— Я вижу, у тебя есть чувство юмора. Хотя думаю, это заметнее, когда ты не напугана до смерти. Пожалуйста, не плачь, — он очень медленно сделал шаг к ней и нежно положил руку на плечо. — Поможет ли, если я скажу, что тебе не стоит меня бояться? Я не собираюсь причинять тебе вред, в независимости от того, кто я.

Женщина всхлипнула, вытерла глаза тыльной стороной ладони и скрестила руки на груди, явно обдумывая его слова.

Натаниэль ждал, они смотрели друг на друга, казалось, вечность. Красивая женщина была желанным отвлечением от последних событий, но он не хотел провести в лесу всю ночь. И они были слишком близко к землям Темных, что совсем не успокаивало. Не говоря уже о тайне, скрытой в этих темных глазах: страх такой сильный, что потряс даже его. Чем же он вызван?

— Это могло бы помочь, — наконец сказала она. — То есть, если я буду думать, что могу доверять тебе.

Натаниэль вздохнул:

— Разве я дал тебе хоть один повод не доверять мне?

Женщина пожала узкими плечами.

Раздражение Натаниэля возросло.

— Насколько я помню, это ты решила навредить себе, а я был тем, кто остановил тебя.

Она отвела взгляд.

— Правда...

Всего лишь небольшая уступка, но он принял ее.

Когда он посмотрел на ее нахмуренные брови, пока она о чем-то глубоко задумалась, искушение стало слишком велико, чтобы сопротивляться. Натаниэль мягко скользнул в ее разум и сразу же был озадачен увиденным: без сомнений, женщина напугана до смерти. Она однозначно считала его злом, несмотря на проявленную доброту, и была убеждена, что он собирается навредить ей. И чем вежливее он был, тем сильнее его поведение воспринималось как расчет. Натаниэль знал, что не сможет переубедить ее так легко, не без использования хорошей доли своих сил.

Хотя, может, и нет.

Женщина откашлялась и уставилась в землю, перед тем как встретиться с ним взглядом.

— Ты собираешься отпустить меня? — ее голос звучал как у заключенного, стоящего перед командой для расстрела.

На этот раз Натаниэлю уже было не смешно.

— Конечно, я отпущу тебя, — он поднял руки в примирительном жесте. — В любом случае я тебя здесь нисколько не удерживаю, моя дорогая леди. Я на самом деле пришел только потому, что услышал крик, и беспокоился о тебе, — он окинул взглядом долину. — Здесь действительно не безопасно, — его голос стал настойчивей. — Но мне кажется, что ты уже и так знаешь об этом. И от кого бы ты не бежала, это не я. Поэтому, возможно, было бы целесообразно принять мою помощь.

Брови девушки изогнулись от удивления, и на мгновение Натаниэлю показалось, что он увидел слабый намек на улыбку.

— Я рациональный человек, сэр, — она подняла голову, скрестила руки на груди и снова посмотрела на него. — И я готова признать, что, возможно, ты прав. Возможно.

— Что ж, спасибо, — прошептал он, когда напряжение спало. — Мадам.

Она вздохнула и заправила прядь волос за ухо, покусывая нижнюю губу, — жест, который Натаниэль нашел необычайно милым.

Ее глаза сузились, сосредотачиваясь на нем.

— Я хочу верить тебе, — она приложила ладонь ко лбу, словно пытаясь унять головную боль. — Видит Бог, мне нужно верить тебе.

Сердце Натаниэля сразу же смягчилось.

— Назови мне свое имя, тигриные глазки.

Возможно, если они будут знакомы, она начнет доверять ему.

— Джослин, — ответила она нехотя. — Меня зовут Джослин.

Натаниэль протянул руку.

— Очень приятно познакомиться с тобой, Джослин. Я Натаниэль Силивази. Моя семья владеет и управляет большей частью Лунной долины, включая коттеджи и горнолыжный курорт к востоку отсюда. Если ты будешь так любезна и позволишь мне увести тебя, я даю слово, что отпущу тебя, как только ты окажешься в безопасности.

— Ты на самом деле живешь здесь? — спросила она недоверчиво.

Натаниэль рассмеялся.

— Да. Я живу здесь, работаю и развлекаюсь. И я не думаю, что это хорошая идея для меня или моего бизнеса — ходить и вредить туристам. Ты так не считаешь?

Вдруг маленький огонек загорелся в ее глазах, и она немного расслабилась, осторожно протянув руку, чтобы пожать его ладонь.

— Приятно познакомиться, Натаниэль.

— Для меня это большая честь, Джослин.

Она приняла его рукопожатие, быстро кивнув головой, а затем поспешно отошла на несколько шагов.

Стараясь выглядеть спокойной, она сделала знак, что можно идти, и двинулась вперед.

Натаниэль без усилий следовал в шаге от нее.

— Ты сделала правильный выбор, Джослин. Это намного лучше, чем стрелять себе в голову, что скажешь?

На этот раз она посмотрела на него широко раскрытыми глазами и просто покачала головой.

Он усмехнулся себе под нос.

— Ты точно не собираешься навредить мне? — спросила она, ее голос звучал тревожно.

Натаниэль остановился и, легко положив руки на ее плечи, мягко развернул к себе лицом.

— Джослин, посмотри на меня.

Она импульсивно повиновалась.

— Я точно не собираюсь вредить тебе, — он выдержал ее взгляд, не мигая.

Джослин выдохнула.

— Хорошо, — ответ прозвучал шепотом. — Я собираюсь попробовать доверять тебе, — заговорила она, как только они снова пошли. — Просто не делай ничего. Я имею в виду, никаких резких движений или чего-то вроде.

Натаниэль кивнул и стал идти с черепашьей скоростью.

— Я буду идти очень медленно, — он начал отставать.

— Не так медленно, — отрезала Джослин. — Я действительно готова выбраться отсюда, — на этот раз она улыбнулась, широко и захватывающе.

Натаниэлю понравилось, как заискрились ее глаза, осветив изящные черты лица. Она была довольно привлекательной, когда расслаблялась. Он убрал руки в карманы куртки и легко пошел с ней в ногу, надеясь, что самое время подойти к более серьезному вопросу.

— Для начала ты так и не сказала мне, что здесь делала. Почему красивая женщина бродит ночью по темному лесу в одиночестве?

Джослин нахмурилась.

— Я не бродила. И на самом деле была тут весь день, — она начала заламывать руки. — Честно, я предпочла бы не говорить об этом сейчас, если ты не против или если хочешь, чтобы я оставалась в здравом уме, — она замолкла и прошептала. — Пожалуйста... не принуждай меня.

— Принуждать? — он изогнул бровь, встречаясь с ее взволнованным взглядом.

— Да, — ответила она. — Принуждать. Ну, знаешь, твоим взглядом... и голосом. Так, как ты заставил меня отвечать на вопросы ранее.

Натаниэль был поражен. Он перевел дыхание и более внимательно посмотрел на умную женщину. У нее были невероятные инстинкты. Даже больше того, в действительности оказалось, что она знает то, что не должна. Люди, как правило, не в состоянии понять, что их разум контролирует вампир.

— Я прошу прощения, — сказал он с уважением. — Я беспокоился о тебе. Из-за

твоего... странного поведения... и всего остального. Мне просто нужна была информация. И нет, ты не должна отвечать, если не хочешь.

Натаниэль правда хотел понять, что произошло. Возможно, это даже необходимо. Но она была необычайно сильным человеком, и он не собирался идти в разрез с ее желанием, даже если должен был.

Некоторое время они шли в тишине, и затем Джослин неуверенно заговорила:

— Я не думаю, что будет наглостью попросить вернуть мой пистолет...

Натаниэль посмотрел на нее с опаской.

— Ты будешь стрелять в себя?

Она закатила глаза.

— Нет, если только ты не будешь делать никаких резких движений.

Он засмеялся.

— Ты будешь стрелять в меня.

— А это сработает?

— Нет.

Веселье растворилось в воздухе, тогда как вся краска отхлынула от лица женщины.

— Кто ты, Натаниэль? — спросила она. — Я имею в виду правду. Что ты за... существо?

Натаниэль нахмурился.

— Ты задаешь вопросы, на которые уже знаешь ответы.

Джослин побледнела.

Он вздохнул, желая, чтобы она не знала всего этого.

— Я тот, кто вернет тебе пистолет. И попросит по возможности не стрелять в меня.

Он подшучивал над ней, надеясь привести в чувство. Затем осторожно достал пистолет из-за пояса брюк сзади и вернул его ей, рукояткой вперед.

— Еще раз приношу свои извинения, я не хотел напугать тебя своим ответом. Возможно, я должен был солгать.

Джослин решительно покачала головой.

— Нет, это последнее, чего я хочу. Чтобы ты лгал мне, — она закусилла нижнюю губу, жестикулируя руками. — Если ты говоришь мне правду о том, кто ты, возможно, не соврал, что отпустишь меня... да?

Ее длинные ресницы трепетали, пока она боролась с подступающими слезами.

— Правда, — сказал он мягко.

— Натаниэль?

— Правда!

Натаниэль все еще не мог понять, почему эта женщина полагала, что он вампир. Он точно не появлялся перед ней с кроваво-красными глазами или клыками. И даже если поразил ее, так легко обезоружив, то почему именно вампир? Черт, первым прийти в голову должен был супергерой, а не мифическое существо ночи.

И он знал, что не давал ей никаких оснований, чтобы бояться его лично, потому что точно не собирался причинять ей никакого вреда.

Странно бояться того, для чего нет повода.

Натаниэль нахмурился. Было бы облегчением вернуть ее в город и стереть воспоминания. Возможно, это уменьшило бы часть ее страданий. И чем скорее, тем лучше.

Он все еще хотел знать, что стало причиной такого сильного страха, но не собирался спрашивать или читать мысли без разрешения.

— Я говорю тебе правду, Джослин, — сказал он так убедительно, как только мог. — Обо всем.

Джослин потерла свое нижнее веко подушечками пальцев, немного смутившись.

— Обещаешь?

И тогда он замолчал, осторожно вспоминая все слова, которые до сих пор говорил, чтобы быть уверенным, что действительно полностью честен во всем.

— Да, я обещаю.

— И ты действительно не собираешься вредить мне?

— Я действительно не собираюсь вредить тебе.

— И ты меня отпустишь?

— Я тебя отпущу.

Она кивнула и пожала плечами, ее полные губы растянулись в улыбке, от которой перехватывало дыхание.

— Тогда я рассчитываю на это, просто чтоб ты знал.

— И у тебя есть все основания рассчитывать на это, — сказал он. — Просто чтоб ты знала.

Свои следующие слова Натаниэль выбирал с осторожностью:

— Ты ведь понимаешь, что я не могу позволить тебе... сохранить... те мысли, которые находятся у тебя в голове. Обо мне. О том, кем ты меня считаешь.

— О том, что я знаю, кто ты, — поправила она, смотря ему прямо в глаза, и замерла, очевидно, ожидая ответа.

Когда он не заговорил, она спросила:

— Что ты собираешься сделать?

Несмотря на ее непринужденный тон, глаза выдавали страх.

Он осторожно приподнял ее подбородок.

— Расслабься. Я не собираюсь делать тебе больно. Я уже пообещал это тебе.

Она кивнула и закрыла глаза.

— Ты все еще не ответил на мой вопрос.

— Это не сложно, — уверил ее Натаниэль, — я просто сотру твои воспоминания. Ты забудешь наш разговор и все, что произошло этой ночью.

Он сделал паузу, жалея, что не может предложить лучшего объяснения.

— Ты — чрезвычайно умная женщина, Джослин. Ты знаешь, что я не могу позволить тебе сохранить такую информацию. Но, пожалуйста, не бойся. Я обещаю, это не причинит боль.

— Для этого нужно пить кровь? — спросила она, широко распахнув глаза.

Натаниэль не смог сдержаться и засмеялся.

— Во имя всего мира, почему для стирания памяти нужно пить кровь? У тебя богатое воображение, верно?

Джослин нахмурилась.

— Я понимаю, что для тебя все это очень забавно, не так ли? Возможно, ты должен попытаться встать на мое место?

На сердце у Натаниэля потеплело.

— Ты права, конечно. И я приношу извинения, снова. Думаю, с твоей точки зрения это не очень весело. Нет, моя дорогая леди, у меня нет намерения брать твою кровь. Фактически, мне даже не нужно притрагиваться к тебе.

Джослин склонила голову на бок и изучала его в течение длительного времени, прежде чем выдохнуть с облегчением.

— Я думаю, что смогу с этим смириться.

Натаниэль улыбнулся, а затем... очень тонко... проверил ее разум снова, только чтобы убедиться, что она на самом деле начала доверять ему и ожидала, что сможет уйти. Так оно и было. Теперь и он выдохнул с облегчением.

Хотя любому человеку не понравилась бы идея вмешательства в воспоминания, она верила, что его способность была единственным выходом: ведь, если бы он хотел, то уже давно бы причинил ей вред. Теперь, зная о его возможностях, Джослин поняла, что не представляла длительной угрозы. Слабый свет начал мерцать в ее глазах. Медленно зарождалось доверие.

Не раздумывая, Натаниэль наклонился вперед и легко коснулся ее макушки мягким поцелуем, его прикосновение было столь же невесомым, как крыло бабочки, — так родитель успокаивает напуганного ребенка.

— Я так рад слышать это, — он вздохнул, — ты должна знать, что с тобой этот мир гораздо лучше. Жаль, что мы не встретились при других обстоятельствах. Я верю, что мы могли бы стать друзьями.

Женщина, краснея, покачала головой и протерла свои глаза.

— Я не знаю, что сказать, — прошептала она, — спасибо.

Она изучала его, словно видела впервые, а потом быстро отвела взгляд, как любопытный ребенок, пойманный за подсматриванием.

Натаниэль улыбнулся. Он слышал, как ускорился ее пульс, и чувствовал жар, вспыхнувший под ее кожей... Только на сей раз ее реакция не была мотивирована страхом. Они шли в тишине некоторое время, прежде чем он осторожно обратился к ней.

— Знаешь, Джослин, что бы тебя ни напугало, что бы ты ни видела до моего появления, я могу стереть все из памяти, если захочешь, — он знал, что был не полностью бескорыстным.

Джослин остановилась.

— Ты сделаешь это? Для меня? — в ее голосе слышалось нотка недоверия.

— Конечно.

— Хм, — она всмотрелась в его глаза.

Длинные темные волосы Натаниэля упали вперед, когда он нагнулся ближе к ней. Джослин осталась стоять на месте, изучая его лицо, скользя взглядом по острым линиям челюсти и твердым углам скул, пока их глаза, наконец, не встретились в темноте. Натаниэль ощутил, как ледяная дрожь поднимается по ее позвоночнику, и он точно знал: она думала, что он вампир.

Натаниэль стоял неподвижно, позволяя ей просто принять все это. Силу и присутствие такого незнакомого существа. Отдельный вид. Страх и ужас. Отследив колебания ее пульса, он задался вопросом: на что это может быть похоже для человека — встретиться лицом к лицу с вампиром, живущим в мифах и легендах?

Когда она закончила исследовать его, то моргнула несколько раз, как будто вышла из транса... и полностью забыла его вопрос.

— Так это значит да? — спросил он.

Джослин приподняла брови.

— А?

— Стереть плохие воспоминания?

Она вздохнула и покачала головой, когда ее сознание прояснилось.

— Парень, ты понятия не имеешь, как бы мне хотелось позволить тебе сделать это, но я не могу, — ее голос был полон уверенности, и она, определенно, приняла решение. — К сожалению, я должна сохранить те плохие воспоминания.

Натаниэль небрежно откинул волосы с лица и кивнул, но не ответил.

Она видела что-то на теневых землях, и он действительно хотел знать, что именно. Ему нужно было это знать по многим важным причинам, которые не имели никакого отношения к человеческой женщине. Но она высказала свои пожелания. И он дал ей слово.

Натаниэль не мог заставить себя нарушить обещание или пойти против ее воли. Кроме того, он не верил, что увиденное ею создаст любую непосредственную опасность ему или его братьям — потомкам Джейдона.

У нее точно не брали кровь. И если бы один из Темных нашел ее, то изнасиловал бы прямо тогда и там. Она была слишком красива, чтобы убежать целой. Ее бы использовали, чтобы размножаться, держали взаперти до самых родов и просто выбросили после смерти.

Нет, если бы эта женщина встретила Темного, она не стояла бы перед ним сейчас. Она не была бы жива.

Натаниэль мягко коснулся рукой ее щеки.

— Очень хорошо, — сказал он, продолжая медленно идти рядом с ней.

Неожиданно ночной воздух стал холодным, зашелестели листья на деревьях, и небо потемнело до глубокого темно-синего цвета. По мере того как грязно-белые облака рассеивались без следа, небо продолжало темнеть, пока полностью не превратилось в безграничное черное море.

А затем луна стала меняться.

От белого до розового. От розового до винного. От винного до бордового. Пока в конце не стала чистого... кроваво-красного цвета.

Звезды начали вспыхивать одна за другой, словно тысячи мерцающих свечей в темной комнате. Кассиопея, древнегреческое созвездие, превратилась в светящийся маяк в небесах.

Натаниэль стоял в оглушительной тишине. Неподвижный. Совершенно удивленный волшебством перед ним. Он едва мог верить тому, что видел. Его взгляд скользнул по красивой женщине со странными глазами, выражая благоговение. Этого просто не может быть.

Прошло меньше месяца с момента, как Шелби увидел Орион, его созвездие при рождении, под кроваво-красной луной. Меньше месяца с Далии...

Предзнаменования никогда не происходили так часто.

Все же, даже когда он отрицал это, зверь внутри него начал захватывать контроль, требуя выпустить первобытный инстинкт. Кровь вампира забурлила в венах, вызывая старую как мир реакцию.

Древнее Проклятие Крови укоренилось в памяти Натаниэля: пророчество, которое текло как бесконечная река от одного поколения к следующему, нахлынув на всех потомков принца Джейдона в определенный момент.

Кассиопея.

Созвездие, под которым родился Натаниэль. Сверкало в черном как смоль небе...

Клыки Натаниэля начали удлиняться, и низкое, дикое рычание поднялось из его горла,

словно у льва. Его инстинкты усилились, откликаясь на зов и желание заклеить то, что принадлежит ему.

Братья Натаниэля, возможно, когда-то были людьми, но убитые прокляли их — как и всех потомков короля Сакариаса — и превратили в существ ночи. Больше похожих на животных. Кроваво-красная луна вызывала зверя, предлагая шанс жить по-настоящему бессмертно. Возможность любить раз в жизни и не вести одинокое существование. Вечное одинокое существование. Надежду на продолжение рода в виде ребенка света.

Натаниэль чувствовал, как необычные глаза Джослин смотрели на него с ужасом. Они были широко распахнуты от страха, который только усиливал его возбуждение. Разжигал в нем пламя. Натаниэль развернулся. Мощь окружала его как густой, чернильный туман, поднимающийся с моря, а его глубокие глаза стали темнее, чем полуночное небо над головой. Наполняясь чистой силой.

Он знал, что выглядел как сверхъестественный хищник, которым и являлся, но это больше не имело значения.

У Натаниэля было тридцать дней — одно полнолуние — чтобы избежать смертельных ошибок, сделанных Шелби. Чтобы почтить Дух Джейдона... Быть навсегда освобожденным от проклятия, которое преследовало его как тень со дня, когда он родился.

Внезапно то, что напугало Джослин в лесу, стало куда более важным. Ее попытка покончить с собой оказалась невероятной угрозой. И все оправдания, которые он придумывал, чтобы не стирать ей память, больше не имели значения.

Вообще.

Забыв о нежности, Натаниэль потянулся и схватил ее за левую руку. Он перевернул ее, сжимая, словно в тиски, и удерживая запястье, когда искал знакомые отметины.

Они все были там.

Явные круги. Неопровержимые линии. Безошибочное свидетельство. Собственное созвездие Натаниэля: Кассиопея.

Эта женщина была его судьбой.

Она принадлежала ему.

Джослин как замороженная не могла оторвать взгляд от феномена, появившегося в небесах.

Она никогда в жизни не видела ничего столь могущественного и таинственного. Как вообще можно рассмотреть подобное без телескопа? Бывают ли созвездия столь яркими? И почему луна стала кровавой?

Она медленно повернула голову, чтобы взглянуть на существо, стоящее рядом, и ее сердце громко забило в груди.

Вампир не двигался.

Ошеломленный магией, творящейся перед ними.

Он казался потерянным и удивленным. Впервые с того момента, как она встретила этого уверенного в себе мужчину, он выглядел совершенно... сбитым с толку... полностью застигнутым врасплох, переводя взгляд то на луну, то на ее руку. В конце концов, внутри нее начал бить тревогу инстинкт самосохранения.

Что-то было не так.

Действительно не так.

Натаниэль менялся.

Он прищурился и застыл с серьезным выражением лица, а затем схватил ее за запястье и перевернул его, удерживая своей железной хваткой, будто офицер полиции, который собирается защелкнуть наручники.

Джослин съезжилась и попыталась вырваться, но он лишь сжимал сильнее.

Инстинктивно замерев, она поняла, что он уже не контролировал свои действия в полной мере, и с любопытством проследила за его взглядом, направленным на ее руку, которая начала гореть и покалывать. И тогда ее глаза сфокусировались на том, что она не разглядела с первого раза: нежная кожа на внутренней стороне запястья была покрыта загадочными символами.

Странная серия бледных знаков принимала форму сложной татуировки.

На этот раз уже Джослин смотрела то на небо, то на свою руку, мысленно соединяя точки. Положение каждой звезды из блестящей плеяды, которую они лицезрели в небе, с точностью повторялось на запястье. И чем бы ни были эти символы, что бы они ни значили, Натаниэль был полностью очарован ими.

Джослин глубоко вздохнула и попыталась сохранять спокойствие, изучая непонятный рисунок. Происходило нечто важное. Волшебство, связывающее их обоих с кровавой луной. Возможно пророчество, как что-то, что она предчувствовала. Все казалось непонятным, пугающим, но при этом странно знакомым.

Она ощутила легкое побуждение очнуться, но не знала, от чего именно, будто находилась в незнакомом сне, в который никогда не хотела попасть.

Появилось лишь понимание, что ее некогда безопасная жизнь внезапно подошла к концу. И что вампир, который был так добр, почти по-человечески добр, всего несколько минут назад, сейчас стал чем-то совсем иным. Опасным и хищным.

Что, во имя всего мира, произошло?

Возможно, небо каким-то образом пробудило в нем монстра? Был ли это цвет луны? Цвет крови? Превратился ли Натаниэль в то существо, что она видела в темной пещере?

Когда с нее спало оцепенение, в горле зародился настоящий крик ужаса. Она вырвала свое запястье и потянулась за пистолетом.

Натаниэль был гораздо быстрее.

Вампир выдернул пистолет из ее рук лишь силой мысли и откинул на сотни ярдов в лес, когда тот начал тлеть и светиться как красный уголек. Из его горла вырвался свирепый предупреждающий рык, а взгляд стал пронзительным и осуждающим. Джослин вскрикнула оттого, что горячее железо обожгло кончики ее пальцев.

— Натаниэль! — прокричала она, больше не скрывая своего ужаса. — Ты обещал!

Отчаянная мольба о сострадании.

— Ты поклялся, что не навредишь мне.

Жалкий крик о пощаде.

Натаниэль отреагировал так быстро, что его движения были незаметны: он взял ее ладонь, перевернул и подул на нее. Морозный воздух, будто осколки льда, прошелся по кончикам ее пальцев, немедленно заживляя ожоги, прежде чем успели образоваться пузырьки.

Мгновенно заглушая боль.

— Мне очень жаль, Джослин, — успокоил он ее. — Я не собирался делать тебе больно.

Несмотря на очевидную попытку говорить нежно, его слова прозвучали как рычание.

Джослин, задыхаясь, посмотрела на свою руку, поняв, что ожоги полностью исчезли. Чудовище внутри него, может быть, и управляло им сейчас, но он по-прежнему не хотел причинять ей вред. Медленно пятясь назад, она пыталась говорить спокойно:

— В чем дело, Натаниэль? Что с тобой происходит? — Джослин протянула левую руку, ладонью вверх. — Что это за отметины на моем запястье? И почему они здесь сейчас, их никогда не было раньше?

Снова посмотрев на странные знаки на своем запястье, а затем на ослепительное произведение искусства, сияющее в небесах, она признала связь и, глядя на него, прошептала:

— Луна имеет к этому какое-то отношение? Или то созвездие? Скажи, почему ты ведешь себя так. Ты пугаешь меня. Я имею в виду, действительно пугаешь.

Натаниэль не ответил.

Казалось, будто он не мог говорить.

Только посмотрел в ее испуганные глаза так, словно хотел успокоить, а потом окинул взглядом окрестности, устремляя взор туда, откуда она пришла.

— Мы слишком близко к Красным Каньонам, любовь моя, к тенивым землям наших темных братьев. У меня нет времени объяснять прямо сейчас. Не здесь. Просто знай, что есть те, кто навредит тебе, если сможет.

И тогда он посмотрел на нее, действительно посмотрел, словно никогда не видел раньше, с выражением абсолютного обладания. Полного, безвозвратного права собственности. Он решительно сжал челюсть.

— Ты понятия не имеешь, кем являешься на самом деле, — объяснял он, — об опасности, в которой мы оба сейчас находимся. Есть те, кто не могли даже мечтать о том, чтобы навредить такому, как я, но теперь смогут этого достичь, просто забрав тебя у меня.

Джослин задрожала.

Любовь моя? Наши темные братья? Забрать ее у него?

Она начала протестовать, но он уже двинулся вперед, протянув к ней сильные руки,

чтобы... заявить на нее права.

Натаниэль поймал ее за талию и вместе с ней оторвался от земли, словно она весила не больше перышка.

А затем он поднялся в небо, как вампир — сверхъестественное существо из мифов и легенд — летя с огромной скоростью... крепко удерживая Джослин в своих требовательных руках.

И когда глубокое первобытное рычание вырвалось из его горла, он еще сильнее прижал ее тело к своему и направился обратно к Лунной Долине.

К тому месту, где, по его словам, он жил.

Огромный широкоплечий мужчина в черном пальто до колен уже ждал их на верхнем балконе большого бревенчатого дома, когда они прибыли.

— Она у тебя? — спросил он. Его голос звучал как резкий приказ.

Натаниэль выпустил Джослин, как только их ноги коснулись площадки. Он тщательно осмотрел территорию, словно искал намек на опасность, и было очевидно, что другой человек делал то же самое.

— Да, она у меня! — прорычал он нетерпеливо.

Джослин выпрямилась, пытаясь обрести равновесие после головокружительного полета на огромной скорости в руках Натаниэля. Ее ноги дрожали, живот скрутило от накатывающей тошноты. И затем она, наконец, впервые рассмотрела пугающего человека, стоящего так близко к ним на террасе.

Огромный мужчина с мощными, рельефными мышцами. Другой вампир. Как и у Натаниэля, у него были длинные черные волосы и пронзительные глаза цвета самого глубокого моря — настолько темные, что казались бездонными, призрачно синими.

Страшась обоих существ, она пробормотала что-то бессвязное и попыталась отступить.

— Как ее зовут? — потребовал ответа внушающий страх мужчина, только коротко взглянув в ее сторону, как если бы не было никакой необходимости обращаться к ней напрямую.

— Ее имя — Джослин, — ответил Натаниэль.

Он говорил, как подчиненный, обращающийся к генералу. Несомненно, чувствуя, что нет надобности вовлекать ее в разговор.

Второй мужчина был олицетворением власти, проявляющейся даже в малейшем движении.

— Джослин...?

Натаниэль посмотрел на Джослин, легко проникая в разум, чтобы узнать полное имя.

— Джослин Леви.

Внушающий страх человек фыркнул и снова взглянул на небо.

Джослин, отчаянно пытаясь сбежать, упала на пол балкона. Длинное округлое патио на верхнем этаже усадьбы было полностью огорожено перилами. По бокам с каждой стороны возвышались осины и сосны. Дугообразный край едва выступал над крутым обрывом, поддерживаясь только несколькими деревянными балками, прикрепленными железными болтами прямо к горе.

Джослин знала, что вынуждена бежать. Она должна была противостоять своей судьбе.

Даже если Натаниэль все еще обладал несколькими благородными качествами, то этот новый мужчина явно не знал жалости: в нем отсутствовало всякое милосердие или

раскаяние. Его темно-синие глаза обещали быстрое возмездие для тех, кто встанет на его пути.

Джослин вскочила на ноги и кинулась к краю балкона. Как олимпийский барьерист, бегущий гонку всей своей жизни, она перепрыгнула через перила.

Натаниэль оказался там в мгновение ока.

Он легко поймал ее одной рукой и снова вернул на балкон.

— И у нее, кажется, есть пунктик насчет самоубийства, — сказал он другому мужчине.

Тот быстро двинулся к ним, словно преследующая свою жертву пантера. Взгляд его горящих глаз, напоминающих два раскалённых угля, прожигал ее насквозь.

— Ты никогда не будешь даже думать о том, чтобы навредить себе снова. Я ясно выражаюсь?

Джослин моргнула и кивнула.

Его приказ проникал прямо в душу, не оставляя даже возможности сопротивляться грубой силе.

— Простите, — прошептала она, почувствовав себя съезжившимся ребенком под строгим взглядом родителя, это напоминало ей о днях, проведенных в детских домах.

Ее первым побуждением было разозлиться, но потом она заметила красные угольки, горящие в том месте, где у людей должны быть зрачки. Крик ужаса возник у нее в горле, и она отпрянула назад так быстро, что упала... снова. На этот раз, сильно ударившись головой об пол. Острая боль пронзила ее череп, голова начала пульсировать.

Вампир нагнулся над дрожащим телом и протянул руку. У нее не было никакого намерения ее принимать.

— Натаниэль! Помоги мне! — крик был бешеной мольбой о помощи.

Не доверяя ни одному из них, Джослин стремилась сбежать от нависшего над ней вампира... сейчас же.

Она со всей силы попыталась ударить его в единственное место, в надежде, что в этом он не отличался от обычного мужчины. Но, как и Натаниэль, он был слишком быстр.

Движение его руки было похоже на смазанное пятно, когда он поймал ее ноги, удерживая железной хваткой с удивительной силой. Угрожающий рык вырвался из его горла, и идеально очерченные губы вдруг превратились в оскал. Клыки удлинились, выделяясь вдоль ряда блестящих белых зубов.

— Вставай!

Дрожа, Джослин взяла протянутую руку и послушно начала вставать. Но вскрикнула от страха, когда вдруг оказалась в воздухе и полетела на другой конец балкона, приземлившись с глухим стуком почти в пятнадцати футах от него.

Натаниэль выглядел как разъяренный лев.

Он зарычал, и небеса ответили на его ярость тяжелым раскатом грома, за которым последовало несколько громких разрядов голубых молний. Он встал между Джослин и другим мужчиной, его клыки полностью удлинились, становясь острыми как бритва. Его мышцы напряглись, будто перед ударом, дыхание стало прерывистым, а тело наполнилось адреналином.

Он был готов сражаться ради нее.

Вампир в черном пальто отступил и посмотрел на Натаниэля настороженно. Его мощные плечи откинулись назад, когда он встретил горящий взгляд Натаниэля.

Синие молнии переливались сочетанием белых, красных и фиолетовых полос, с

оглушительным взрывом сталкиваясь друг с другом высоко в небе.

Мужчина протяжно и злобно зарычал.

— Ты думаешь драться со мной, Натаниэль? — предупреждающе прошипел он.

Натаниэль не испугался и угробно зарычал в ответ, не отводя взгляда.

Джослин вздрогнула и закрыла уши.

Второй вампир рассмеялся, мягко, но не сдерживаясь.

И в это мгновение небо снова превратилось в спокойное глубокое сияющее синее море.

— Это хорошо, — сказал он с высокомерием. — Я боялся, что ты, возможно, окажешься слишком мягок, если дело будет касаться этой женщины.

Его взгляд потемнел, а улыбка сошла с лица.

— Что ты можешь подавить саму природу, которую сейчас должен принять, Натаниэль.

Натаниэль выпрямился, его глаза засверкали.

— И поэтому ты бросил мою женщину через весь балкон, чтобы спровоцировать меня?

Другой вампир улыбнулся... элегантно... и махнул рукой.

— Прости меня, брат, — сказал он с почтением. — Я не собирался делать ничего подобного. Я переоценил ее сопротивление, и недооценил свои силы. Я лишь хотел помешать, ей ударить меня... несколько опрометчиво. Но не испытывать тебя. И, конечно же, не бросать ее, как тряпичную куклу.

Он взглянул на Джослин.

— Я приношу вам свои извинения, мисс Леви. Это был существенный и непростительный просчет.

Джослин сморгнула слезы и отползла еще дальше.

Извинения не принимаются.

Вампир выглядел так, словно на самом деле рассматривал возможность еще раз помочь ей подняться, но затем явно передумал и остался на месте.

— Я Маркус Силивази, старший брат Натаниэля. Пожалуйста, поверьте, что я не намерен причинять вам никакого вреда, — его голос понизился на октаву, и теперь он почти мурлыкал. — Знайте также, что я не позволю и другим причинить вам вред.

А затем он прищурился.

— Но прежде всего, знайте: я не позволю ничему случиться с Натаниэлем.

Простое утверждение, без намека на угрозу, скрытую в голосе, и без явного предупреждения вести себя хорошо. Он даже не рычал и не огрызался. Тем не менее, Джослин поняла четко и ясно: если она причинит боль Натаниэлю, он убьет ее.

Натаниэль не выглядел довольным.

— Почему бы тебе немного не сбавить обороты, Маркус!

— Так же, как я сбавил обороты с Шелби? — прорычал мужчина.

Натаниэль нахмурился.

— Подумай вот о чем, брат. Мы позволили Шелби взять дело в свои руки с трагическими последствиями, разве не так? Я не собираюсь повторять ту же ошибку дважды. Тебя не постигнет та же участь, независимо от того, что должно быть сделано. Так что все просто.

Джослин переводила взгляд с одного вампира на другого, явно читая угрозу в глазах Маркуса, но не сказала ни единого слова. Она не осмелилась.

Единственное, что пугало ее больше, чем страшная клятва мужчины о защите своего брата, были слова Натаниэля о ее принадлежности ему. Что он имел в виду, говоря: «И

поэтому ты бросил мою женщину через весь балкон?» Конечно же, он не мог думать, что она принадлежит ему — они едва знали друг друга.

Джослин подтянула колени к груди и свернулась в маленький клубок. С каждой проходящей минутой она все яснее понимала, что не выберется отсюда. Не сможет просто взять и уйти. И Натаниэль не собирается просто отпустить ее. Все это казалось нереальным.

Что они планируют сделать с ней?

Она не могла позволить себе думать о том существе, которое видела в пещере, думать о судьбе, которая постигла бедную страдающую женщину. Ее рассудок не позволял ей этого. Она и так едва держалась.

Маркус повернулся к Натаниэлю и поднял обе руки ладонями вверх в жесте мира.

— Итак, ты передумал драться со мной, брат? — спросил он, ухмыляясь.

Натаниэль кивнул.

— Я очень рад, что мне не придется.

Маркус усмехнулся.

— Ты же знаешь, что я никогда не стал бы сражаться с тобой, Натаниэль. Я бы скорее связал тебя. Позволил бы немного подумать. Охладиться.

Натаниэль зарычал.

— Не будь так самоуверен, старший брат. Может быть, это ты оказался бы связан.

Маркус пожал плечами.

— Может быть, Натаниэль... может быть.

Он махнул рукой, как бы заканчивая этот глупый разговор. Затем снова стал серьезным.

— Теперь расскажи мне, что случилось. Я видел луну... Кассиопея... в это трудно поверить... — его голос затих, и он покачал головой, красный в его глазах снова уступал место темно-синему. Он указал на Джослин. — Расскажи мне, как ты нашел эту?

Джослин сжалась еще сильнее.

Эту?

Она была ничем для них.

Натаниэль посмотрел на нее так, будто прочитал мысли и не смог вынести ее страх и покорность. Он осторожно поднял ее на ноги, повернувшись на мгновение, чтобы кинуть свирепый взгляд на Маркуса. Затем мягко провел рукой по ее щеке и повел к двум арочным дверям, ведущим в его жилище.

— Джослин, — прошептал он, наклоняясь к ее уху. — Я знаю, что ты напугана, и у тебя много вопросов. Я отвечу на все из них в ближайшее время. Пожалуйста, зайди в дом и подожди меня, пока я поговорю со своим братом наедине. Просто Маркус сейчас, — он замолчал, подбирая правильные слова, — слишком напряжен.

Джослин не нужно было просить дважды.

Она бы с удовольствием отправилась в ад, лишь бы оказаться подальше от этого жестокого вампира. Когда она потянулась к ручке двери, чтобы спрятаться в этом временном доме-убежище, Маркус появился перед ней, его взгляд был серьезен, а зрачки снова выглядели как две тонкие полосы.

— Не думай сбежать отсюда, пока мы говорим, — его глубокий голос был строгим и непоколебимым. — Даже не пытайся, — он сделал паузу, аккуратно подбирая следующие слова. — Это бы очень сильно меня огорчило, поскольку поставило бы Натаниэля в опасное положение, это то, что я не позволю... кому-либо.

Его голос оставался спокойным... ровным... чистым, как первый снег. Тем не менее,

совершенно прозрачная угроза ощутимо повисла в воздухе, с почти живым напряжением и обещанием.

Закрыв французские двери с их витражными стеклами и выгравированными панелями за Джослин, Маркус повернулся лицом к своему брату:

— Слишком напряжен?

— Маркус, — Натаниэль разочаровано вздохнул. — Я думаю, ты родился уже слишком напряженным. И просто для протокола, не мог бы ты перестать бессмысленно запугивать женщину? Возможно, тебе следует позволить мне попытаться поговорить с ней, прежде чем ты убедишь ее, что ты воплощение дьявола, и я один из твоих злобных приспешников — а мы здесь, только чтобы бросить ее в огненные глубины ада. Ты мне не помогаешь.

Маркус выглядел удивленным... и оскорбленным.

— Я не собирался запугивать женщину, — сказал он. — Просто говорил правду.

Натаниэль раздраженно закатил глаза. Он потер лоб чуть выше переносицы и сделал несколько глубоких вдохов.

— То, что является правдой для тебя, Маркус, вызывает страх у этой женщины. И головную боль у меня.

Маркус возмущенно фыркнул.

— У вампиров нет головной боли, Натаниэль. Или это просто метафора? Если так, просто переходи к делу.

Натаниэль закрыл глаза и опустил голову, медленно покачал ей назад и вперед. Данный разговор был совершенно бессмысленным, но одно стало ясно: если ему когда-либо захочется ощутить человеческую головную боль, Маркус будет тем, кто обеспечит ее ему.

Он вздохнул, намеренно рассматривая своего брата.

— Нам нужно сосредоточиться на том, что мы имеем: как мне предстать перед Джослин, и что мы должны сделать, чтобы защитить ее.

Маркус медленно выдохнул с облегчением.

Он лениво вытянулся на ближайшем шезлонге, скрестив руки на груди, и положил ноги на скамеечку для ног.

— Наконец-то, — сказал он. — Я слушаю.

Джослин сидела в углу мягкого бежевого дивана, притянув колени к груди, когда Натаниэль вошел в комнату. Ее глаза покраснели от слез, а выражение лица оставалось безучастным, как будто она оставила все попытки рассуждать или думать.

— Ты выглядишь замерзшей, — Натаниэль отправил заряд синих светящихся электрических искр из кончиков пальцев в камин, сосредоточено посылая стремительную волну энергии, чтобы растопить хворост, до тех пор, пока дрова не загорелись, превращаясь в потрескивающее пламя. Он взял зеленое шерстяное одеяло со своего любимого кресла и протянул ей.

Джослин не взяла его.

Она не пошевелилась и не подняла взгляд. А просто уставилась в пространство, онемев от ночных событий, чувствуя себя одинокой.

Натаниэль развернул одеяло и осторожно обернул вокруг ее тонких плеч, прежде чем опустился на одно колено рядом.

— Джослин, — прошептал он.

Ответа не последовало.

Треск огня можно было слышать сразу отовсюду, акустика большой сводчатой комнаты позволяла звуку отбиваться от стены к стене, от пола к потолку и обратно.

Ошеломляющие полы были выложены широкими сосновыми досками, а панорамные окна открывали захватывающий вид на Северные хребты, насколько хватало глаз. Кроваво-красная луна снова стала нормальной, освещая мягким белым светом комнату с древними произведениями искусства, как горящий фонарь в ночном небе.

Еще раз взмахнув рукой, Натаниэль зажег несколько свечей и повернулся к большому гранитному фонтану, который стоял рядом с камином.

Не прилагая особых усилий, потомки Джейдона обустроивали свои дома так, чтобы оставаться в гармонии с окружающим миром. Они добавляли основные элементы земли, ветра и огня в физические строения и почитали небесных богов, расставляя предметы мебели в согласии с естественным движением планет.

Как потомки Небесных Созданий, одареннейших из людей, которые когда-то соединились с Богами, они стали расой, которой управляли луна и звезды; культурой, существующей в совершенном согласии с окружающим миром, пока ее не настигло Проклятие Крови. Но кое-что осталось чисто на интуитивном уровне.

— Джослин, — он попробовал снова. — Не хотела бы ты поговорить со мной?

Она прищурилась, словно смотрела через пелену тумана, а затем покачала головой.

— Ты обещал, — прошептала она. — Ты обещал.

Натаниэль отвернулся.

— Я знаю, что обещал... — он вздохнул. — И нет совершенно ничего, что я могу сказать, чтобы исправить нарушение этого обещания.

Он посмотрел на нее.

— Но ты должна верить мне, когда я говорю, что понятия не имел, что это произойдет.

Джослин заерзала, глядя на него сквозь темные ресницы.

— О чем ты не имел понятия? — ее голос звучал странно.

— Знак.

— Имеешь в виду то, что случилось с Луной и звездами?

— Да.

Она рассеяно рассматривала свое запястье, изучая, словно знала, что метка имеет важное значение, но не могла понять, какое именно.

— Ангел... — он нежно вложил ее руку в свою. — Посмотри на меня, пожалуйста. Не закрывайся от того, что произошло.

Натаниэль поднес тыльную сторону ее ладони к щеке, потом ко рту и запечатлел мягкий поцелуй на костяшках пальцев. Она была его будущим, судьбой, и ей многое предстоит узнать.

Джослин нахмурилась и отняла свою руку.

— Я знаю, ты напугана. И чувствуешь себя беспомощной, но я готов ответить на все твои вопросы, стоит только спросить.

— Ты уже успокоился? — её взгляд выражал сомнение.

Он кивнул.

— Ты никогда не была в опасности. Только не со мной.

— С другим? — спросила она.

— Нет, — его тон был непреклонен. — Мой брат никогда бы намеренно не навредил тебе.

Джослин передернула плечами и покачала головой.

— Какая разница, что я говорю или делаю, Натаниэль? Ты уже решил, что будет дальше. Даже твой брат, кажется, имеет больше контроля надо мной, чем я, — она с отчаянием вздохнула. — Тогда скажи, для чего тебе мое мнение? Я, правда, предпочла бы, чтобы ты не опекал меня.

— Джослин.

— Что? — ее голос звучал с еще большим раздражением, чем до этого. — Натаниэль, просто скажи, наконец, правду. Будет ли это иметь значение? Если я задам любые вопросы, которые только придумаю, скажу все, что ты захочешь услышать, сделаю все, что попросишь, ты отпустишь меня?

Ауч. Натаниэль погладил ее по щеке. У него было тяжело на сердце.

— Это не так просто, тигриные глазки, — он заставил себя улыбнуться, его взгляд смягчился, когда он посмотрел ей в глаза.

Джослин нахмурилась и отвернулась.

— Конечно нет.

Между ними повисло неловкое молчание, пока она снова не заговорила:

— И между прочим, Натаниэль, я не твои тигриные глазки или возлюбленная, — ее голос звучал удивительно вызывающе, несмотря на то, какой беспомощной она выглядела. — И не твоя женщина, — она сказала последнюю фразу более мягким тоном, как будто вдруг испугалась, что сможет спровоцировать его.

Натаниэль потянулся и снова взял ее руку, медленно и рассеянно поглаживая чуть выше запястья, чувствуя ее сопротивление этим прикосновениям. Сопротивление ему. Но передать больше тепла и уверенности можно было через физический контакт, а не только взглядом. Он хотел дать ей возможность ощутить себя, почувствовать его сущность, понимая, что где-то внутри она способна на это.

Он хотел, чтобы она узнала о своем влечении, появившемся из-за химии между ними, и вспомнила, кем на самом деле была.

Натаниэль сознательно делал свои прикосновения легкими, как охлаждающий бальзам в жаркий день, даже несмотря на то, что видел в ее сознании: тревожная картина его собственных глаз, светящихся в лесу, воспоминания о нем больше как о хищнике, чем о человеке, проблески противостояния брату на балконе... и клыки.

— Не смотри на меня так, — сказала она.

— Как, ангел?

— Как будто ты читаешь мои мысли. Или знаешь меня. Как будто я по-настоящему что-то значу для тебя.

Натаниэль покачал головой.

— Я не пытаюсь скрыть что-то от тебя сейчас, Джослин. Да, я читаю твои мысли, язык тела и эмоции. Ты значишь для меня куда больше, чем можешь себе представить, — он продолжил гладить ее руку. — Но не сомневайся, я точно знаю, кто ты на самом деле.

— Действительно? — саркастически спросила она. — И кто же я тогда?

— Ты моя.

Джослин поморщилась и закрыла глаза.

Он наблюдал, как она слушала звуки водопада в сочетании с треском огня, просто давая окружающему шуму захватить ее на какое-то время, блокируя подавляющую напряженность данного момента, и ждал...

Натаниэль ждал, пока она смотрела на пламя, танцующее и извивающееся между горящих бревен, и пыталась игнорировать мягкое тепло, которое начала чувствовать от его прикосновений. Ее реакция на их контакт оставалась еле заметной, но от этого не менее притягательной и неоспоримой.

Влечение было очевидно в ее аромате: слабый запах страха смешивался с возбуждением, тонкий намек предвкушения, спрятанный за тревогой. Она должна была чувствовать, как тело предает ее, так же как и он ощущал ее смешанные эмоции.

Натаниэль намеренно увеличивал жар между ними.

Через некоторое время она подняла голову и встретила его пристальный взгляд.

— Мои эмоции не захлестнут мой разум, Натаниэль, независимо от того, что ты делаешь.

Натаниэль и глазом не моргнул.

— И я никогда бы такого не захотел.

— Ладно... — Джослин сделала глубокий вдох. — Я полагаю, что ничего хорошего не выйдет, если ты продолжишь говорить загадками, или если я продолжу оставаться в неведении.

Он кивнул, пристально за ней наблюдая.

— Но я буду говорить с тобой только при одном условии, или в этом точно нет никакого смысла.

— При каком?

Он протянул руку и рассеянно провел по ее бровям подушечкой большого пальца, заправил несколько выпавших прядок волос за ухо и мягко погладил ее лицо от челюсти к подбородку. А потом ждал, пока она откинулась назад и закрыла глаза.

Когда она подалась вперед, ее губы были сжаты в тонкую линию.

— Что это за постоянная потребность прикасаться ко мне? — Джослин говорила раздраженно, но яркий румянец на щеках выдавал ее.

Натаниэль стоял на своем, без извинений. Ничего не говоря.

— Это нервирует, — прошептала она, при этом слегка наклонила голову в сторону, будто прижимаясь к его руке.

Натаниэль снова погладил ее, как раз за ушком... чуть выше вены. Он посылал ей маленькие заряды электричества по всему телу каждый раз, когда касался, позволяя ей почувствовать силу связи, существующей между ними.

Джослин не осознавала, насколько сильна их связь на самом деле, по крайней мере, пока, продолжая убеждать себя в том, что это все он, заставляет ее делать то, что она никогда бы не сделала.

Мужчина собственник не мог игнорировать потребности своей женщины, которая понятия не имела о том, что его влечение к ней так же сильно, как и ее к нему. Даже если бы захотел. До тех пока ее переполняет неуверенность, он будет вынужден касаться ее.

— Твое условие, ангел?

Джослин сделала глубокий вдох.

— При условии, что ты скажешь мне правду.

— Конечно, — ответил Натаниэль.

— И не проигнорируешь ни один мой вопрос?

— Я сделаю все возможное, — его слова повисли в воздухе, как сырость в дождливую ночь.

Она на мгновение встретила его пристальный взгляд, зрачки ее зеленовато-карих глаз расширились, реагируя на успокаивающие волны, которые он посылал ей, и честно сказала:

— Даже не знаю с чего начать.

Натаниэль наклонился.

— Начни с чего-то простого.

— Например?

— Например, кто мы такие? — предложил он.

— Вампиры, — мужественно ответила она.

— Да.

Она отшатнулась, явно потрясенная его прямоотой. Натаниэль поднялся с пола, присел на диван рядом, положив руку сзади на её шею, и начал нежно массировать. Он не намеревался таким образом ей угрожать или заставлять чувствовать себя неудобно, просто хотел объяснить, что собирается встретить все это лицом к лицу вместе с ней... Что не отступит от правдивости того, кто он есть... и чего хочет от нее.

Ее следующий вопрос был на удивление смешным:

— Ты спишь в гробу?

Он прикусил губу, чтобы скрыть улыбку.

— Нет, я сплю в удобной королевских размеров кровати, — Натаниэль знал, что в его глазах появился блеск, поэтому отвернулся.

Она проигнорировала его ответ.

— Ты можешь выходить днем... на солнечный свет?

— Конечно, — ответил он, — но мы ночные существа, Джослин. Я предпочитаю спать днем и работать ночью, хотя часто приходится вести бизнес в обычное время суток.

Джослин медленно выдохнула, набираясь мужества.

— Ты пьешь... кровь?

— Да.

Ее рука инстинктивно потянулась к горлу.

— Пожалуйста, скажи, что ты не собираешься пить мою кровь. Пожалуйста.

В комнате повисла тишина. Мужчина не знал, как реагировать, ведь никогда бы не стал использовать ее, как жертву, просто, чтобы кормиться, но сама идея, что она предложит себя, когда и если будет готова... была не просто эротичной. Глядя на мягкие тени карамельного цвета кожи, изящный изгиб шеи, он почти чувствовал ее вкус.

После пары секунд его молчания она нервно заерзала на месте и спросила более прямо:

— Ты будешь или не будешь пить мою кровь, Натаниэль?

Его улыбка была игривой.

— Не без твоего разрешения, Джослин, — он осторожно наклонился к ней, уткнувшись в шею носом, затем вдохнул ее аромат и застонал.

Она отскочила, оттолкнув его.

— Что ты делаешь?

— Просто представляю... — он криво усмехнулся, словно кот, который только что съел канарейку.

Джослин поежилась, отодвигаясь дальше по дивану.

— Хватит играть! Я пытаюсь задавать тебе серьезные вопросы. По крайней мере, думаю, что это чертовски серьезно.

Натаниэль посмотрел на нее с удивлением, заинтригованный такой вспышкой гнева.

— Мне очень жаль, я отвлекся. Что ты спрашивала, любимая?

Она ухмыльнулась.

— Планируешь ли ты пить мою кровь, хочешь ли ты пить мою кровь. Прямо сейчас, когда ты просто... нюхал меня, разве ты не чувствовал некоторое подавляющее желание к...

— Нет, я просто дразнил тебя, — он прослеживал пальцами контур ее шеи. — Ты такая красивая, Джослин, но я хочу, чтобы тебе было комфортно, и ты получила столько же удовольствия, сколько и я.

Он скользнул взглядом по ее лицу и потянулся, чтобы накрутить несколько прядей волос на палец.

— Честно говоря, ты пробудила во мне голод несколько иного рода.

Она перевела дух и откинула свои волосы за плечо.

— Ты слишком вольничаете со мной, Натаниэль! — затем потерла руки, пытаясь избавиться от мурашек, и откашлялась. — Что ж... и когда ты пьешь кровь?

— Мой вид, — признался Натаниэль, — должен питаться раз в несколько недель или около того. Наши жизни, сила, способности к регенерации — все это заложено в крови. Мы питаемся, только чтобы выжить.

Она колебалась.

— Ты убиваешь людей?

— Плохих людей, — сказал он. — Я никогда не охотился на невиновных.

— А на кого ты охотился?

— На людей, которые преследуют других с единственной целью — получить удовольствие от их страданий.

Его слова, казалось, удивили ее.

— Ты убивал их? Как какой-то линчеватель? Судья, жюри и палач в одном лице?

Натаниэль смотрел в сторону, обдумывая ее слова.

— Я могу читать мысли людей, Джослин. Я могу смотреть их воспоминания. Это не те же самые доказательства, которые используются в ваших человеческих судах... со всеми

предрассудками и опасениями, которые скрывают правду. В их виновности нет сомнений. И я не пью кровь, потому что я линчеватель; я пью ее, потому что вампир.

Джослин медленно покачала головой.

— Но что если вокруг нет... виновных... людей?

Он осторожно взял ее руку и крепко сжал в своей.

— Тогда я могу взять кровь от кого угодно, но не убив невинного в процессе.

Она притихла на секунду.

— Люди охотятся за вами? Я имею в виду с чесноком и крестами, колами... или что-то в этом роде?

— Они бы это делали, если бы знали о нашем существовании, — ответ последовал без колебаний. — Это случалось много раз на протяжении веков.

Джослин несколько раз моргнула, явно пытаясь переварить его слова.

— Веков? Сколько тебе вообще лет, Натаниэль?

— Можем мы пропустить этот вопрос?

— Нет... скажи мне.

— Мне чуть больше десяти веков.

Джослин сделала глубокий вдох.

— Больше тысячи лет? — она запнулась, ошеломленная.

Он похлопал ее по руке.

— Да, но тебе не нужно беспокоиться, мне кажется, ты очень зрелая для своего возраста, — его губы растянулись в кривой улыбке.

— Сколько лет твоему брату? — спросила она.

— У меня трое живых братьев, но тот, которого встретила ты, — Маркус — один из старейших в нашем роду. Ему пятнадцать сотен лет.

Джослин недоверчиво покачала головой, а потом стала вдруг отстраненной, ее светлые глаза потемнели и затуманились, кожа заметно побледнела. Она выглядела неуверенной. Будто не знала, как задать свой следующий вопрос.

И, инстинктивно, он понял...

— И мы, наконец, вернулись туда?

— Куда? — пробормотала она едва слышно.

— Назад к тому, что беспокоило тебя все время. Назад к тому, что произошло ранее в том лесу. К страху, который заставил тебя — теперь уже дважды — пытаться покончить с собой.

Джослин медленно выдохнула и кивнула, но продолжала молчать.

Словно не могла говорить.

Ее глаза закрылись, и ладонь, до этого спокойная, начала дрожать в его руке.

— Что это, ангел? — спокойно спросил он. — Чего ты так боишься?

Она просто покачала головой.

— Ты не можешь сказать мне?

Она всхлипнула.

— Я хочу, но...

— Но что?

— Но просто... я просто... я боюсь.

Натаниэль попытался успокоить ее дрожь.

— Скажи мне тогда, чего ты так боишься, что ты думаешь должно произойти, если ты

расскажешь мне?

Джослин не ответила.

— Если ты боишься, что я буду зол...

— Нет, не этого, — прошептала она.

— Тогда чего? — его взгляд проникал в нее и притягивал, словно магнит. — Скажи мне, Джослин. Да, у тебя мало причин доверять мне, но один раз...

— Я знаю, что ты планируешь сделать со мной, ясно? — она протараторила слова, как будто это был единственный способ их произнести. — И я говорю тебе, что не смогу вынести это. Ты понимаешь то, что я говорю? Я не смогу вынести это!

— Что ты думаешь...

— Почему ты это делаешь? — в ее голосе чувствовалась боль. — Давишь на меня вот так. По крайней мере, сейчас, в этот момент, я могу притвориться. Немного дольше я могу притвориться, что все хорошо. Но когда все это выплеснется наружу... — ее глаза потускнели, и она медленно отвела взгляд.

Натаниэлю стало неловко, хотя он попытался продолжить проектировать уверенность.

— Джослин, я не собираюсь делать что-либо без твоего разрешения.

— Ты не слышишь меня, Натаниэль, — произнесла она с нотками отчаяния. — Я знаю.

Натаниэль откинулся назад и сделал глубокий вдох.

Великие Небесные Божества, что, по мнению этой женщины, он собирается с ней сделать? Этого не могло быть — никак не могло — чтобы она знала о Проклятии Крови. И даже если и так, у него не было намерения принуждать ее.

У него было больше веры в нее. Больше веры в предусмотрительность богов. В правильность их союза.

— Ладно, — он поднял обе руки, уговаривая ее как напуганного ребенка, — тогда мы могли бы вместе столкнуться с тем, что ты знаешь... верно?

— Пожалуйста, не надо, Натаниэль... просто остановись.

Джослин резко замолчала и уронила голову на руки, длинные волосы, спадали вперед, защищая ее от его взгляда.

Она казалась настолько уязвимой, что это заставило что-то сжаться внутри Натаниэля, и он рассеянно потер грудь.

— Ты правда не можешь рассказать мне?

— Нет, — прошептала она, — я правда не могу.

Натаниэль мягко убрал ее руки с глаз и начал массировать ее виски. Он легко пропустил пальцы сквозь шелковистые волосы, а затем поднял ее подбородок, вынуждая встретить его пристальный взгляд.

— Посмотри на меня, Джослин.

Она скривилась.

— Посмотри на меня.

Ее глаза встретились с его.

— Я собираюсь попросить твоего разрешения для кое-чего.

— Нет.

— Джослин, просто послушай.

Она покачала головой.

— Пожалуйста...

— Выслушай меня.

Она вздохнула.

— Я хотел бы войти в твой разум и посмотреть твои воспоминания.

— Нет! — ее глаза широко распахнулись, и она резко втянула воздух.

Натаниэль не отступал.

— Это позволит мне видеть все, что ты непосредственно видела сама. Ты понимаешь, что я говорю? Я могу увидеть воспоминание сам, и тебе не придется говорить мне ни единого слова, но я прошу твоего разрешения.

Джослин выглядела бледной... усталой.

— А если я не дам его тебе? — ее голос дрогнул.

Он расслабился и посмотрел на нее прямо.

— У нас есть вся ночь, ангел. Если ты скажешь нет, то мы будем ждать, — он сел прямо и сжал ее плечи. — Но, рано или поздно, мы столкнемся с этим.

Глаза Джослин наполнились слезами, и крошечные капли начали катиться одна за другой вниз по ее тонким скулам, оставляя следы глубокого горя. Неохотно она кивнула.

Натаниэль удивленно приподнял брови, затем обхватил ее лицо руками.

— Значит, да?

— Да, — зажмурившись, прошептала она.

И задержала дыхание.

Впервые, с того момента как они встретились, Джослин казалась действительно потерянной, словно ветка, уносимая бесконтрольным течением реки. Ее страх был очевиден, и Натаниэль ощутил, что она ненавидит собственную уязвимость.

Он начал проникать в ее разум, распутывая воспоминания. Углубляясь в память, от недавних событий к моменту, когда она впервые вошла в дом.

Ему была невыносима мысль, что Джослин думала о его жилище как о тюрьме, почти как о камере смертников в ожидании приговора. Натаниэль чувствовал неприкрытый ужас, испытываемый ею из-за их противостояния с Маркусом, абсолютное отвращение при виде его животной природы и изменений в теле. Он неловко заерзал на диване и вопреки тому, что видел, заставил себя улыбнуться, внушая ей спокойствие.

Продвигаясь дальше, в воспоминания, когда они были в лесу и шли по тропе, он узнал, как в ней зарождалось доверие. И с восхищением увидел, что, несмотря на все ее худшие опасения, она испытывала сильное физическое влечение.

Ему стоило усилий не улыбнуться от приятного открытия: Джослин находила его невероятно сексуальным. Это было естественно. В конце концов, эта женщина создана для него, даже если сама не понимала их связи.

И затем он увидел страх, почувствовал страдания, когда она убегала из каньона... но от чего? — ее мысли путались, и картинка рассеивалась.

Отчаянно пытаясь найти рациональное объяснение тому, что не могло быть таковым, она, не имея точки отсчета, с которой можно начать, просто потеряла контроль, погружаясь в ужас и недоверие.

Но что вызвало такое разрушение?

Натаниэль мысленно следовал за ней дальше, глубокими бесконечными лабиринтами тоннелей с их заплесневелыми и влажными проходами, пока, наконец, не оказался в зале.

В зале для жертвоприношений Темных.

Почти вскочив на ноги, в последнюю секунду он остановил себя, не желая напугать ее еще больше. В зале была вода покрытая плесенью с сильным запахом серы, который въелся в ее одежду и волосы, холодное твердое дно пещеры ощущалось под животом, а над головой возвышались тяжелые влажные скалы. Он чувствовал, что она задержала дыхание и дрожала, сопротивляясь желанию закричать. Ей хотелось убежать. Ее мышцы были напряжены, живот скрутило.

А затем Натаниэль увидел развращенного сына Джегера: Валентайна Нистора. Его сердце словно окаменело, а дух стал холоднее льда на зимней дороге от того, что произошло дальше. Жадные руки смерти забрали первенца с черно-красными волосами. Прозвучал отвратительный смех монстра, который упивался болью от пыток. А красивая, беспомощная женщина с ниспадающими темными волосами и глубокими зелеными глазами, лежащая на... Далия!

Далия Шелби.

Разрывая телепатическую связь, Натаниэль дернулся назад абсолютно шокированный. Отвращение накатило на него, как приливная волна на берег.

Он вскочил на ноги и отвернулся от Джослин, чувствуя, как удлиняются клыки во рту, и изо всех сил пытаясь вернуть контроль.

Она не должна увидеть его таким.

Не сейчас. Когда ему почти удалось успокоить ее. Когда в ней еще остался страх.

Его начало бесконтрольно трясти.

О Господи, увидеть такое преступление. Неудивительно, что она испугалась и даже не догадывалась, насколько личным случившиеся было... для него.

Натаниэль глянул на нее мельком: Джослин ни слова не произнесла. Не смела даже пошевелиться.

Изменив свой образ с помощью маскировки и проведя пальцами по густым волосам, он ждал, когда клыки втянутся, обеспокоенно вышагивая взад и вперед по деревянному полу перед камином и пытаясь сложить кусочки головоломки вместе: Рамзи Олару, один из трех стражей, охранявших Лунную Долину, сообщил непосредственно Наполеану, что Валентайн убил Далию. Забрал ее у Шелби во время поездки в соседний город Сильвертон. Стражи нашли тело спустя несколько дней, небрежно выброшенное позади колючих кустов на краю ручья. Труп был изуродован и обескровлен.

Наполеан сразу же отдал приказ о кремации Далии, чтобы ее душа освободилась от осквернения Темного и отправилась в другой мир. Шелби никогда не должен был увидеть ее тело покрытое синяками и побоями. Несмотря на всю свою силу, Шелби не победил бы Валентайна в одиночку, и Наполеан знал, что все братья Силивази пришли бы к нему на помощь, развязывая войну между вампирами ради личной кровной мести. Слишком много людей попало бы при этом под раздачу.

Натаниэль обратил свое внимание на Джослин, которая все еще сидела в оцепенении в дальнем конце дивана и пристально смотрела на него. Не колеблясь, он начал читать ее мысли: она анализировала ситуацию как компьютер, его очевидную внутреннюю борьбу, чтобы сохранить контроль... даже несмотря на собственные страхи. Напуганная... и ожидающая ответа... не имеющая понятия, почему он так расстроен.

Джослин оставалась обеспокоенной тем, что, зная природу своего вида, он, безусловно, и прежде видел такое. Эта каменная плита впитала слишком много крови, чтобы та женщина была первой. Она думала, что он злился из-за увиденного ею зверства, которое каким-то образом разрушило его планы... на нее.

О боги! Натаниэль выругался себе под нос. Вот чего Джослин боялась все это время, что он сделает с ней то же самое, что и Валентайн с Далией. Его желудок начало крутить, и ему пришлось бороться, чтобы сдержать свой гнев.

Он был в ярости, потрясенный своим открытием, хотя и не мог винить ее за такие выводы. Далия была осквернена Темным, и теперь Джослин, его судьба, не видела разницы между ним и злобным сыном Джегера. Ним и Валентайном Нистором. Но словно всего этого было мало, она боялась, что ее ожидала та же участь в его руках.

Джослин вскочила с дивана, прежде чем он смог подобрать слова, чтобы развеять ее необоснованный страх. Поглощенный болью, Натаниэль на мгновение снял барьер, скрывающий маску, позволяя ей увидеть свое лицо. Уставившись на огонь в его глазах, бледнея, пока его тело непроизвольно вздрагивало, она буквально впиалась взглядом в клыки... и, наконец, страх взял над ней верх. Джослин начала осматривать комнату в поисках выхода, готовая биться до смерти, если понадобится.

Натаниэль повернулся к испуганной женщине лицом и выругался на древнем языке.

— Джослин, нет! — приказал он строго, моментально захватывая контроль над ее телом, и легко бросил ее на диван, удерживая на месте.

Затем поднял руку ладонью вверх, извиняясь, словно просил подождать.

— Пожалуйста, дай мне немного времени.

Ему нужно было собраться с мыслями, чтобы позже понять ее. Попытаться разобраться в увиденном кошмаре. Чудовище внутри него пребывало в таком яростном возбуждении, что дойди дело до борьбы, он бы не сдержался, а она готова была напасть при необходимости.

— Сиди тихо, — предупредил он, — не провоцируй меня.

Перестав удерживать ее и восстановив барьер, еще раз маскируя свое лицо, он начал быстрее вышагивать взад-вперед, анализируя больше информации.

Натаниэль хорошо знал Рамзи Олару. Рамзи совет Наполеону с такой же охотой, с какой перережет себе горло.

Валентайн, должно быть, организовал все это. Убил какую-то неизвестную женщину, выпустив из ее тела всю кровь, чтобы создать видимость преступления, зная, что они кремируют тело.

Ему, возможно, легко удалось сотворить точную копию Далии, используя единственную каплю ее крови, чтобы воссоздать ДНК.

Всего лишь капля крови, и у него появился генетический материал, с помощью которого можно сформировать такое же тело. Валентайн был древним. Сделать так, чтобы эта женщина выглядела как Далия, было легкой задачей. Он, скорее всего, спрятал ее до кремации и затем забрал к себе домой... чтобы размножиться.

Женщина Шелби! Жена Шелби! Была изнасилована и искалечена.

Выброшена, как мусор. Вынесла невероятное, чтобы дать Валентайну сына — отвратительное зло, которое вскоре отнимет бесчисленное количество невинных жизней... И они позволили этому произойти! Не спасли ее от мучительной судьбы. Страдание было подавляющим. Реальность происходящего оказалась вне его понимания.

Натаниэль прижал руки к глазам, в отчаянии стараясь выбросить эту картину из головы. Он убрал барьер и повернулся к Джослин, заговорив так спокойно, как только смог:

— Женщина, которую ты видела в том зале, была женой моего брата, — его голос дрожал, несмотря на усилие.

Джослин, потрясенная, посмотрела на него.

— Жена Маркуса?

— Нет, — пробормотал он, — мой младший брат... Шелби. Он был убит на прошлой неделе. Похороны состоялись сегодня утром. Я был на его могиле, когда услышал твой крик.

Джослин побледнела, и ее черты смягчились.

— Натаниэль... мне жаль.

Он продолжал метаться, словно зверь в клетке, зная об ужасающей силе, которую источал, но неспособный контролировать ее.

— Я понятия не имел, что она была у него... — произнес он бессвязно. — Она не должна была умереть! Не таким образом!

Его голос прогремел на всю комнату, сотрясая балки над головой. Он попытался восстановить дыхание, но просто не знал, как справиться с собой.

Натаниэль не мог перенести такое горе.

Балансируя на грани, в то время как его гнев продолжал расти, угрожая вырваться в любой момент. Словно граната с неисправной чекой; в конечном счете, она взорвется. И это не могло произойти перед Джослин.

— Джослин, я должен ненадолго уйти. Я позову Маркуса присмотреть за тобой, пока

меня не будет.

Джослин вскочила на ноги и вскинула руки.

— Нет, Натаниэль! Пожалуйста, не оставляй меня с ним. С кем угодно, но не с ним!

Натаниэль зашипел, потеряв самообладание. У него не было времени нянчиться с ней прямо сейчас. Его глаза горели глубоким красным цветом, а кулаки судорожно сжимались. Мало, что можно было сделать, чтобы скрыть возрастающий гнев: каждая мышца в его теле оказалась напряжена из-за сильной ярости... жажды борьбы. Его верхняя губа приподнялась, и он, зарывав, опустил голову, пытаясь избежать ее пристального взгляда.

Джослин села назад.

— Ты боишься, что причинишь мне вред, Натаниэль?

— Я не собираюсь делать тебе больно, — пробормотал Натаниэль.

Его губы дернулись, когда он попытался, неудачно, прикрыть клыки.

Джослин была похожа на напуганного ребенка, послушно замершего на месте.

— Ты злишься на меня, потому что я видела того вампира? — прошептала она.

Натаниэль покачал головой, комната начала вращаться перед его глазами.

— Нет, Джослин. Никогда на тебя, — он глубоко вдохнул и закрыл глаза, но когда снова поднял взгляд, то чувствовал себя странно опустошенным. — То, что ты видела в той пещере, было омерзительным, — его голос звучал устрашающе спокойно, — то, что перенесла та женщина — отвратительным. Злом. Поверь мне, Джослин, это не то, что ждет тебя со мной.

Натаниэль видел, как облегчение нахлынуло на ее, она открыла рот и попыталась заговорить, но ничего не вышло.

Тогда он приблизился к ней осторожно, держа руки по швам, поймав ее пристальный взгляд.

— Ты видела мою худшую сторону, Джослин... знаешь, что я за существо. Но даже в этот момент, когда моя потребность убивать, моя жажда крови... сжигают меня изнутри, ты должна знать, что я неспособен сотворить подобное тому, что ты видела в том зале. Я никогда не смогу причинить тебе такую боль, — его голос понизился, — никогда.

Джослин задрожала, пораженная этими словами.

Натаниэль почувствовал, что его внутренний зверь снова проснулся, и заново начал шагать по комнате.

Сжав руку в кулак так, чтобы его когти не удлинялись, он распорол своими длинными, как бритва, клыками кожу и рассеянно слизнул выступившую в ране кровь. О Боги, что это был за приятный вкус.

И затем земля начала дрожать, сначала слабо, а потом все усиливаясь, доходя до сильного землетрясения. Ухватившись за край дивана, Джослин нервно следила за комнатой. Она поглядела на лопасти, в ожидании, что высокий, вращающийся вентилятор может упасть в любой момент.

— Натаниэль, — прошептала она, в голосе чувствовалась настойчивость. — Успокойся.

Внезапно большая комната Натаниэля наполнилась мягким переливающимся светом, и множество полупрозрачных цветных бликов затанцевало в воздухе, приобретая различные формы, пока не появилась мерцающая проекция Маркуса.

— Натаниэль, в чем дело? — спросил он. — Что-то случилось с Джослин?

Натаниэль закрыл глаза и стал дышать медленней. Ему не хотелось еще больше расстраивать Джослин и тем более Маркуса.

— Я не могу обсуждать это прямо сейчас, брат, но хотел бы попросить тебя об одолжении. Не мог бы ты вызвать стражей? Чтобы они присмотрели за Джослин, пока меня не будет.

— Почему ты хочешь оставить свою судьбу так скоро после появления Знака? — Маркус фыркнул. — Нет, мы обсудим это сейчас, скажи мне, что случилось, — это прозвучало как приказ.

Натаниэль раздраженно вздохнул. Как и предполагалось, его брат так просто не отступил, несомненно, почувствовав землетрясение даже из собственного дома в десяти милях отсюда, на северо-восточной стороне ущелья. Но, более того, он ощутил гнев Натаниэля: знал, что что-то пошло совсем не так.

— Натаниэль? — настаивал Маркус.

— Маркус, сейчас не время.

— Не заставляй меня читать твои мысли, брат.

Натаниэль нахмурился. Они оба были Древними Мастерами Воинами. Среди равных никто никогда не читал мысли другого, подобное между братьями исключалось, как показатель глубокого неуважения.

Но Маркус был на пределе. Злился... скорбел... и горел решимостью защищать своих родных любой ценой. Натаниэль не стал спорить, зная, что брат выполнит угрозу. Тот никогда не бросал слов на ветер.

— Тело, которое мы кремировали на прошлой неделе... не Далия, — прорычал Натаниэль. — Валентайн все подстроил, чтобы обмануть нас, — он замолчал, когда его кровь снова закипела. — Чтобы оставить ее себе, Маркус! Зачал своих сыновей с ней и принес в жертву первенца этой ночью, перед появлением Знака. Джослин была в зале, когда это случилось. Она стала свидетелем произошедшего.

Молчание затянулось, проекция начала светиться темным цветом. Густой, чернильный туман сформировался вокруг изображения, но голос Маркуса прозвучал необъяснимо четко.

— Так вот почему она хотела скорее покончить с собой, чем оказаться в плену...

Несмотря на спокойный тон, его слова повисли в воздухе, как призрачные тени, заполняющие кладбище. Он помедлил, чтобы сделать глубокий вдох.

— И куда теперь ты собираешься идти, Натаниэль?

— Я не буду больше это обсуждать, — в ответ он махнул рукой и покачал головой.

— Натаниэль! — взревел Маркус. Его голос выражал нетерпение.

Ответа не последовало.

— Брат, что ты собираешься делать? Думаешь найти Валентайна? Ты действительно веришь, что сможешь увести Темного от его логова? Он, возможно, и получил навыки Мастера Воина за свои девятьсот лет развратного существования, но все же не настолько

глуп, чтобы сражаться с тобой в одиночку. Ты знаешь, что это правда.

Опасная улыбка тронула края губ Натаниэля, открывая взгляду его острые как кинжалы клыки.

— Тогда я буду молиться, чтобы мне повезло, и с ним оказался его близнец Зарек, который придаст ему храбрости. В любом случае пора очистить эту землю от них обоих.

Пусть и с явным недовольством, Маркус кивнул в знак согласия.

— Это, может быть, и правда, Натаниэль, но не сегодня. И не в одиночку. Ты забыл, что там, где Валентайн и Зарек, Сальваторе всегда поблизости. Он прожил достаточно долго и стал полноправным Древним, который хорошо обучен темным искусствам своего рода. Ты не сможешь одолеть всех троих, брат, и Джослин не должна столкнуться с последствиями такого боя, даже если ты выживешь. Ты знаешь, что я прав.

Натаниэль сжал кулаки.

— Он смеется над нами, Маркус! Он забрал ее прямо у нас из-под носа. Он убил нашего брата и изнасиловал... — его голос сорвался. — Я принял решение.

Его мощное тело дрожало от необходимости возмездия.

Проекция оставалась подозрительно спокойной, взгляд Маркуса был отстраненным, но сосредоточенным. Следующие слова он старался произносить мягко.

— Тогда поступим так: я пошлю всех трех стражей, чтобы присмотреть за Джослин на случай, если Валентайн ждет со своими братьями, что ты сделаешь именно то, что собираешься. А ты пойдешь кормиться и не вернешься к своей женщине, пока твоя жажда крови не будет полностью утолена. Я буду искать Валентайна сам, чтобы посмотреть, смогу ли выманить его или его братьев, если они действительно с ним, на открытое пространство. Мы с тобой поговорим еще раз завтра перед прибытием Накари.

Натаниэль не был согласен. Шелби являлся и его братом тоже, и Валентайн наложил тяжелое бремя вины на них всех. Отомстить — наименьшее из того, что они могли сделать.

— Маркус, мне жаль, но я не могу отказаться от своего права охотиться на Темного в эту ночь.

Маркус долго молчал, прежде чем приказать:

— Я все сказал, Натаниэль, — его тон был наполнен абсолютной властью. — Больше не будет никаких обсуждений... никаких вопросов.

Потомки короля Сакариаса жили по могущественному кодексу чести, так же, как и их предки задолго до Проклятия Крови. В их иерархии не было ничего случайного, так как каждый посвящал столетия своей жизни изучению древних искусств, оттачивая свои сверхъестественные способности и совершенствуя их.

В конце концов все мужчины, которые хотели заработать почетное звание Мастера, должны были проучиться четыре столетия в Румынском Университете, где они в итоге становились экспертами в одной из Четырех Дисциплин: Воин, Целитель, Маг или Судья. И даже тогда Мастер должен был прожить тысячу лет, прежде чем заслужить звание Древнего.

Юнцы повиновались Мастерам, Мастера повиновались Древним, и все они повиновались своему Суверену. В случае Натаниэля и Маркуса, где оба брата добились равного статуса Древних Мастеров Воинов, младший брат подчинялся старшему. Маркус был на пятьсот лет старше и мудрее, и его указ не подлежал обсуждению.

Зная, что решение является окончательным, Натаниэль подавил свою ярость и почтительно склонил голову в знак уважения и послушания. Жест, который он был должен Маркусу, несмотря на несогласие с его решением.

Маркус поклонился в ответ.

— Всего хорошего, брат мой.

— Всего хорошего, Маркус.

Проекция исчезла, и Натаниэль помедлил, чтобы взять себя в руки, прежде чем повернуться к Джослин, которая теперь сидела на диване, поджав под себя ноги, глядя на него одновременно с трепетом и опаской на лице.

— Ты не должна бояться меня, — сказал он. — Ты моя судьба, Джослин, и я буду сражаться ради твоей безопасности, как должен был сражаться за Далию. И стражей не нужно бояться. Они с радостью отдадут свои жизни за тебя, и не войдут в мой дом, если только тебе не понадобится их помощь. Ты будешь в безопасности, пока я не вернусь.

У Джослин была тысяча вопросов. Что будет с ней, если Натаниэль не вернется? Эмоции, вызванные им, были странными и смешанными. С одной стороны, страх перед будущим, которое он приготовил, такой страх, какой она еще не испытывала в своей жизни. Но с другой... он заставлял ее чувствовать себя защищенной... важной... словно между ними и правда существовала какая-то скрытая связь, которую он ценил больше жизни. Которую невозможно было отрицать.

На мгновение она захотела попросить его остаться, потому что боялась за него и того, что могло произойти, если он послушается своего брата и все-таки отправится на поиски, но знала, что это бесполезно. И еще понимала, что беспокоиться об этом — совершенное безумие.

Как будто прочитав ее мысли, Натаниэль подошел к дивану и присел перед ней. Он погладил ее по щеке.

— Мне очень жаль, ангел, — его голос был чистым волшебством. — Знаю, что ты видела слишком многое этой ночью. Я вернусь до рассвета.

Склонившись над ее ухом, он добавил:

— Но, Джослин, услышь меня. До тех пор, пока ты делаешь все, как я говорю, тебе не причинят вреда; однако, если решишь сбежать, у тебя появится гораздо больше поводов бояться, чем сейчас со мной, — подчеркнул он, низко зарывчав. — Повинуйся мне, тигриные глазки. Не пытайся оставить меня.

Джослин почувствовала внезапную вспышку гнева.

— Повиноваться тебе? — она выплюнула слова прежде, чем смогла себя остановить. — Я даже не знаю тебя! — Джослин никогда в своей жизни никому не подчинялась.

Натаниэль поднялся и отступил назад, явно выходя недовольным.

Джослин встала и посмотрела прямо на него.

— Если бы я собиралась попробовать сбежать, Натаниэль, ты думаешь, я бы сделала это вот так просто? Без плана? Думаешь, я настолько глупа, чтобы попытаться сбежать от стражей? — ее голос был настойчив. — Я не имею ни малейшего понятия, кто эти люди... мужчины... но, если они хоть чем-то похожи на тебя или твоего брата, у меня все равно не было бы и шанса, — она не упомянула, что больше боялась того, что было там снаружи, чем того, что было здесь. — Нет, Натаниэль. Я не попытаюсь сбежать от тебя... сегодня, — она скрестила руки на груди и добавила вызывающе. — Но это будет не из-за моего тебе повиновения.

Натаниэль посмотрел на нее задумчиво, но ничего не сказал. Он потер подбородок рукой, а затем шагнул к ней.

Джослин отступила назад.

— Джослин, — сказал он хриплым голосом, — поверь мне, когда я говорю, что не думаю, что ты глупа. Ты видела монстра в той пещере. Видела, на что он способен. В данном конкретном вопросе я думаю только о твоей безопасности.

Джослин нахмурилась и медленно отвела взгляд.

— Я, э-э... я знаю, что ты пытаешься защитить меня... просто... я не люблю, когда мне говорят, что делать.

Натаниэль посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты научишься со временем, Джослин. Послушание — не всегда слабость.

Джослин наблюдала, как его глаза вспыхнули глубоким красным цветом, и челюсть сжалась. Еще раз он попытался подавить свой гнев на ситуацию... ради нее. И еще раз она увидела, как много в нем оставалось страдания.

По правде говоря, невзирая на страх перед ним... на то, что она знала, что ее опасения оправданы... и на ненависть к словам, которые он говорил, какая-то часть нее хотела утешить его. Он нес невероятно тяжелое бремя.

Недолго думая, она шагнула вперед и осторожно взяла его за руку.

— Ты ранен, Натаниэль, — прошептала она. — Дай мне посмотреть на твою руку прежде, чем ты уйдешь.

Натаниэль стоял в оцепенении. Неспособный говорить или двигаться. Боясь сказать или сделать то, что может оттолкнуть Джослин.

Он не мог поверить в то, что видел: эта необыкновенная женщина, похожая на дикий лесной цветок, тянулась к нему с заботой. Невзирая на обещание отпустить, он забрал ее против воли. И они оба знали, что ее жизнь должна измениться навсегда... так, как она себе даже не представляла. В этих условиях она имела полное право быть дерзкой, даже разозленной, но вот она здесь, и ведет себя так... как вела бы себя его истинная судьба.

Натаниэль знал, что рана на его руке вылечится самостоятельно, но ее беспокойство было тем, что имело значение. На краткий миг сжигающая ярость в его груди боролась с нежностью, наполняющей сердце. Ндолго думая, он приблизил к ее горлу теплые губы и запечатлел нежный поцелуй на мягкой коже.

Он обвил ее мускулистыми руками и прижал к себе, даже несмотря на то, что душа продолжала разрываться от ярости. Его зубы случайно прошли туда и обратно над ее пульсом, прежде чем он, наконец, уткнулся подбородком в мягкие кофейного цвета волосы и глубоко вдохнул их аромат. И пока эта потрясающая женщина стояла рядом, его сердце переполняли горе, любовь и ярость.

Когда она не отстранилась, он притянул ее еще ближе, на этот раз прикоснувшись мягким поцелуем к щеке, прежде чем аккуратно прижаться к ее лбу своим.

— Тигриные глазки, ты переворачиваешь мою душу, — пробормотал он.

Его голос был хриплым и незнакомым, даже для собственных ушей.

А потом запах ее крови начал взывать к нему, мягкое эхо ее пульса билось напротив него как маленький, манящий барабан. Его голод усилился, и ярость грозила выйти на поверхность.

Джослин, должно быть, почувствовала эту перемену, потому что сразу напряглась, а затем медленно отстранилась.

— Натаниэль, что ты делаешь? — прошептала она осторожно. — Ты ведь не хочешь

сделать мне больно, — было такое ощущение, будто она говорила с диким тигром, надеясь найти выход из его клетки.

Он нахмурился.

— Вернись ко мне, любовь моя.

Он быстро притянул ее к себе и, удерживая, с силой прижал к своему мощному телу. А потом отпустил прежде, чем смог напугать еще больше... прежде, чем она могла спровоцировать зверя, который был готов вырваться.

— Я никогда не смогу причинить тебе боль, любовь моя. Ты принадлежишь мне. Причинить боль тебе — то же самое, что причинить боль себе.

Глаза Джослин расширились, но, прежде чем она успела возразить, Натаниэль подхватил ее на руки и понес к дивану. Он уложил ее и накрыл одеялом.

Прикрыв рукой свои теперь выступающие клыки, он скомандовал:

— Спи.

Когда ее глаза закрылись, Натаниэль покинул комнату и взлетел в полуночное небо.

Как он мог объяснить? Возможно, он внешне и не отличался от человека, но в первую очередь был хищником, зверем.

Вампиром.

И его гнев перешел за черту невозврата.

Ему была нужна кровь.

Огромные великолепные крылья Натаниэля расправились за его спиной, достигая более шести футов в длину, как у древнего мифического дракона или ангела воина. Шелковистые иссиня-черные перья мерцали, как темные кристаллы, под лунным светом, гармонируя с его волосами точно такого же цвета, в то время как он парил в небесах, одержимый поиском добычи.

Хотя это табу для вампиров — охотиться так близко к дому, его первым побуждением было пролететь над Казино Лунной Долины.

Оно всегда было полно туристов и путешественников, многие из них с темными тайнами и скрытыми страстями, не всегда чистыми. Но чем больше он прокручивал яркие воспоминания, которые видел в мыслях Джослин, тем больше ярости чувствовал. В казино просто не найдется энергии, достаточно сильной, достаточно гнусной, чтобы удовлетворить неутолимую жажду крови, которую разбудил в нем Валентайн.

Натаниэль опустил ниже, чтобы лучше присмотреться.

В казино были мелкие воришки и алкоголики, избивающие своих жен, профессионалы, надувающие клиентов, и даже одна молодая женщина, которой сошло с рук отравление богатого мужа, но Натаниэль хотел большего. Ему требовалось намного, намного больше. Где сегодня были все преступники? Где все по-настоящему больные, порочные умы, которые наслаждались несчастьем других? Натаниэль удалялся все дальше и дальше от Лунной Долины, летя на сверхъестественной скорости.

Нужно найти крупный город.

Он летел больше часа, окутанный нескончаемой яростью, бесцельно выпуская пар, через Нью-Мексико и Аризону, пока, наконец, не приземлился в Калифорнии, где думал попробовать Голливуд, но нашел только беглецов, наркоманов и покровителей проституции.

Затем он хотел направиться на территорию какой-нибудь банды, но быстро понял, что тогда окажется в ситуации «все-или-ничего». Такие слабоумные типы редко обладали мужеством драться в одиночку. Это стало бы либо пиром, либо чумой.

Натаниэлю пришлось бы поймать всю банду сразу или вообще никого.

Пир. Где он мог попить?

Его кровь вскипела, и внезапно он резко развернулся и начал снижаться.

Федеральная тюрьма.

Он легко растворял молекулы своего тела, пока не стал просто квантовой энергией, не имеющей никакой формы. А потом прошел прямо через тюремные стены в основной корпус и отдал мощную команду охранникам спать. Когда он поднял глаза, то увидел три ряда клеток: все полные отвратительных, опасных узников, ждущих его внимания. Хищники человеческого рода.

Хищники, которые должны стать жертвами.

Натаниэль шел по проходам, как крадущийся лев, в поисках идеальной добычи, чужая кровь, читая их мысли, пока, наконец, не наткнулся на камеру, которая его заинтересовала. Насильник и растлитель малолетних. Оба совершили гораздо больше преступлений, чем те, за которые их арестовали, но при этом они все еще верили, что стали жертвами — жертвами системы, которая имела наглость приговорить их за содеянное.

Он мог распознать в них признаки социопатии: не раскаиваются, полностью поглощены

собой, не в состоянии воспринимать своих жертв, как людей... все еще сетуют из-за несправедливого заключения... и отчаянно нуждаются в пьянящем удовольствии от преступлений. Социопаты винили в сложившихся обстоятельствах всех в этом мире, кроме самих себя.

Натаниэль скользнул в небольшую, темную камеру, все еще невидимый.

Хотя крошечная комнатка выглядела относительно чистой по стерильным стандартам большого государственного учреждения, тяжелый запах антисептического моющего средства и человеческих отходов был подавляющим.

Он сразу же отключил свое усиленное обоняние.

В столь поздний час заключенные уже спали на своих узких койках. Парень сверху — грузный мужчина с огромными бицепсами, покрытыми угрожающими татуировками. У него была бородка с заостренным кончиком, свисающим с подбородка, и Натаниэль легко узнал его имя, проникнув в мысли, — Крис Тейлор. Крис любил бить и насиловать женщин.

В частности, очень маленьких, молодых женщин, у которых было мало сил, чтобы с ним бороться, и еще меньше жизненного опыта, чтобы распознать надвигающуюся опасность.

Пульс Натаниэля ускорился, и его глаза сузились в две угрожающие крошечные щели, в то время как он поднялся к потолку и завис лицом к лицу над мерзким человеком, как паук, подвешенный на невидимой паутине. Было недостаточно просто взять кровь или избавить мир от его вони; Натаниэль хотел увидеть страх в его глазах, когда он поймет, что умрет. Хотел, чтобы он почувствовал хоть жалкую толику того, что чувствовали его жертвы, когда он мучил их.

Что чувствовала Далия, когда Валентайн мучил ее.

Натаниэль пронзил сознание Криса и мысленно приказал ему проснуться, пока сам замер в ожидании.

Крис медленно открыл глаза, раздраженный. Было уже поздно; почему он проснулся?

Натаниэль зарычал. Человек до этого наслаждался сном об одинокой женщине, с которой переписывался последние нескольких месяцев. Он с нетерпением ждал ее первого визита в тюрьму, и с еще большим нетерпением ждал тех денег, которые она начнет отправлять ему на регулярной основе. Она и еще трое других, с которыми он познакомился по переписке.

А потом глаза заключенного сфокусировались, и он увидел черную тень, нависающую над ним под потолком.

Натаниэль особенно наслаждался, видя этот конкретный образ в сознании насильника. Его собственное отражение. Монстр с блестящими красными глазами и острыми зубами, замерший над ним, как хищник над своей жертвой.

Огромные мышцы Криса напряглись, когда он попытался броситься на существо, несомненно, надеясь схватить Натаниэля за шею и задушить, как часто делал со своими жертвами, но его руки не двигались. Они просто лежали по бокам, словно пара тяжелых гантелей.

Натаниэль встретил его взгляд и выжег четкую, яркую картинку своих смертоносных намерений в мозгу заключенного, посылая ему детальные изображения его разорванного горла. Он почти потерял возможность убить человека, так как сердце Криса, охваченного паникой, судорожно сжалось и прерывисто забилося. Предвестники сердечного приступа.

Натаниэль был разочарован.

Ему придется убить его гораздо быстрее, чем хотелось.

Отчаянно пытаюсь позвать своего сокамерника, Крис изо всех сил старался открыть рот, но из него не вышло ни единого звука.

— Ты хочешь закричать, Крис? — прошипел Натаниэль, щелкая своими клыками перед испуганным человеком, его ум был наполнен диким туманом ярости и возмездия. — Я думал, кто-то такой сильный, как ты, примет свою смерть как мужчина. Ты же так наслаждаешься хорошей игрой в кошки-мышки, не так ли?

Несмотря на паралич, привязывающий его к тонкому, как лист бумаги, матрасу, Крис бесконтрольно дрожал с головы до ног, пот лился из его пор, как капли грязной воды из полузабитой насадки для душа.

Натаниэль бросился вперед так быстро, что его движение было смазанным.

Он вырвал большой кусок плоти из горла мужчины, яростно качая головой из стороны в сторону, как бешеная собака, пытаясь причинить как можно больше боли. Крис бился в конвульсиях, наблюдая, как разъяренное существо выплевывает огромную часть его горла на пол.

Именно тогда Натаниэль заметил Мартина, невысокого, коренастого сокамерника Криса, стоящего рядом с кроватью с каким-то самодельным ножом в руке. Сосед бросился на вампира, размахивая им с огромной силой, уверенный, что одержит победу.

Натаниэль остановил руку Мартина в воздухе. Воздействуя только разумом, он медленно повернул ее, направляя нож к лицу самого Мартина, и дал заключенному мощную команду, используя всю силу своего голоса — темные интонации абсолютной власти.

— Мартин, ты используешь это лезвие, чтобы сейчас выколоть себе левый глаз, но оставь правый нетронутым, чтобы не пропустить, как Крис с тобой прощается. Я ведь знаю, как ты любишь смотреть на страдания других.

Глаза Мартина расширились от ужаса, когда он понял, что больше не контролирует свою руку, а сердце Криса пропустило несколько ударов, прежде чем начало биться снова, как тяжелый барабан в оркестре, так громко, что, казалось, было слышно на другом конце камеры... его грудь резко сжалась, словно в тисках.

Натаниэль с отвращением покачал головой.

— У тебя действительно нет сердца, верно, Крис? Я разочарован, — он вздохнул. — Тогда, конечно, ты не будешь возражать, если я его просто вырву, не так ли?

Он вытянул руку перед лицом Криса и медленно позволил своим ногтям превратиться в острые когти, пока все пять не оказались прямо перед испуганным взглядом заключенного.

Крис стал призрачного оттенка белого, и его полные слез глаза закатились от ужаса.

Прорываясь без усилий через наружный слой оранжевого комбинезона, Натаниэль начал медленно вырезать круг на груди мужчины — чуть выше жалкого, слабого органа.

— Это за Эшли, — сказал он, отрезая его сосок и кидая в Мартина, который теперь просто неконтролируемо содрогался, неустанно вырезая собственный глаз, и темная кровь лилась из его глазной впадины, пачкая искаженное в агонии лицо.

— А это за Шейлу, — продолжил он, делая глубокий вертикальный разрез от груди Криса к животу, а затем просунул руку внутрь и отломал ребро. Оно сломалось, как тонкая куриная косточка, и Натаниэль бросил его в другой конец камеры. — А это за Лизу...

Он продолжал, имя за именем, ребро за ребром, пока не устал от игры, и, наконец, со светящимися диким оттенком красными глазами, с растущей угрозой в зрачках, потянулся внутрь всеми пятью когтями и вырвал бесполезное сердце.

Он поднял его перед лицом Криса, и оба заключенных с ужасом наблюдали, как

вырванный орган продолжает биться.

— А это за меня.

Натаниэль зашипел от удовольствия, а затем склонил голову, длинные иссиня-черные волосы упали вперед каскадными волнами тьмы...

И он пил.

Пил, пока в теле не осталось ни единой капли крови, а потом медленно повернул голову в сторону, и дьявольская ухмылка прокралась на его залитые кровью губы.

— Как хорошо, что ты дождался своей очереди, Мартин. Я прошу прощения, что заставил тебя ждать. Теперь давай посмотрим на этот глаз.

Натаниэль спустился с верхней койки и склонился над изувеченным лицом, изучая работу Мартина.

— Я думаю, сойдет и так, — он усмехнулся.

Выпрямившись, он небрежно прошагал в другой конец камеры, прислонился к стене, и, скрестив руки на груди, отпустил Мартина от паралича, чтобы позволить ему несколько задушенных хрипов и стонов. Это не имело никакого значения — мужчина был слишком испуган, чтобы кричать, и испытывал слишком сильную боль, чтобы оказать стоящее сопротивление.

Натаниэль покачал указательным пальцем вперед и назад, будто выговаривая ему.

— А теперь, Мартин, у тебя ведь на самом деле не должно быть здесь ножа, не так ли?

Мартин покачал головой, оставшийся у него глаз остекленел от страха.

— Тогда, возможно, тебе стоит отложить его в сторону.

Глаз Мартина расширился. Не в силах унять дрожь, он попытался отойти от вампира, но покорно наклонился к нижней койке и собрался положить нож под тонкий матрас.

— Не туда, — прошипел Натаниэль.

Мартин замер. Испугавшись. Не понимая.

— Ты ведь совратитель малолетних, верно? Ты ведь любишь молоденьких мальчиков?

Мартин затрясся, беззвучно произнося слово «пожалуйста» снова и снова, вымаливая свою жизнь.

Натаниэль вздохнул.

— Как бы это сказать? — его темные глаза встретились с взглядом Мартина. — Почему бы тебе не засунуть его... туда, куда ты так любишь засовывать кое-что другое? — он посмотрел на заключенного, а затем отвернулся, не желая лицезреть это отвратительное действие.

Мартин послушно сунул зазубренный, окровавленный нож глубоко в свой задний проход и взвыл в агонии.

— Ты же находишь такие пытки приятными, правда? — Натаниэль поморщился. — Должен признать, я этого не понимаю, но каждому свое...

Мартин упал на пол, корчась от боли и рыдая как ребенок.

Натаниэль махнул рукой, чтобы заставить его замолчать, и закатил глаза.

— На уязвимых всегда охотятся слабейшие вашего вида. Ты мне отвратителен. Я больше не желаю играть, — его лицо стало жестким и жестоким. — Так что ползи ко мне, как животное, которым ты и являешься, — он прошипел свои следующие слова со злобой. — Ползи ко мне, Мартин, и приветствуй свою смерть.

Низкорослый, мускулистый мужчина отчаянно пытался сопротивляться приказу, но его тело не могло бороться с принуждением. Он начал медленно ползти, кровь лилась из его

тела как река возмездия, в то время как он продолжал биться в конвульсиях от боли... пока, наконец, не оказался на коленях у ног вампира.

Натаниэль махнул рукой вверх, призывая Мартина встать. Это было мучительное испытание для страдающего человека, но у него не было выбора.

— Очень хорошо, — сказал Натаниэль и постучал двумя пальцами под подбородком Мартина, указывая ему приподнять голову и откинуть ее в сторону, выставляя свое горло. — Ухо к плечу, мой друг, я бы не хотел к тебе прикасаться, пока питаюсь, — хныкая как ребенок, Мартин медленно повиновался; он задыхался и все еще умолял оставить ему жизнь.

Причиняя столько боли, сколько возможно, Натаниэль жестоко вырвал горло мужчине и осушил тело от крови.

Яркий образ Шелби, лежащего на каменной плите на темном кладбище их народа, ужасное видение Далии, корчащейся в агонии на каменной плите в пещере Темных, — все это только раззадоривало его, будто боевой клич.

Требовало, чтобы он убивал.

Снова и снова.

Натаниэль входил и выходил из камер, рвал глотки, вырывал сердца, пил, пока в его жертвах не оставалось ни капли крови. Пока он, наконец, не бросал их на пол, как мешки с гнилой картошкой.

Пока позади него не осталось семь тел.

Когда он вошел в следующую камеру, его разум полностью погрузился в бешенство. В комнате был только один заключенный, молодой мужчина, который уже проснулся от шума борьбы в соседней камере. Он присел в оборонительную позицию в задней части камеры, с руками, поднятыми вверх, готовый нанести удар. Его кулаки были крепко сжаты в ожидании, кто завернет за угол.

Когда Натаниэль одним прыжком сократил расстояние между ними, приземляясь перед ним как хищник, рот человека распахнулся на мгновение от полного шока и ужаса. Этого времени было достаточно. До того как заключенный смог среагировать, Натаниэль вонзил острые клыки глубоко в его горло, предвкушая сладкий вкус густой, темной жидкости.

Внезапно его будто ударили, Натаниэль отшатнулся и отскочил от заключенного, ошеломленный тем, что увидел.

Ему пришлось бороться, чтобы вернуть контроль над зверем внутри себя... зверем, который не хотел останавливаться. Худощавый, светловолосый парень, стоящий перед ним со слезами в голубовато-серых глазах, был невиновен — его беспокойную душу уже отягощали чувства беспомощности и поражения. Заключенный был обвинен в двойном убийстве, которого не совершал, и он и его семья сильно пострадали.

Натаниэль сделал несколько медленных глубоких вдохов, позволяя своей ярости уменьшиться до управляемого гнева. Затем подошел прямо к человеку, который теперь дрожал, и заглянул в его умоляющие глаза.

— Я вижу твою невиновность, ты в безопасности, — слова были похожи на тихое рычание. — Позволь мне заняться твоей раной, чтобы ты не истек кровью.

Блондинистый парень застыл как статуя, когда Натаниэль снова наклонился к его шее. На этот раз он позволил удлиниться своим резцам, вместо клыков: резцы вампира использовались так же, как змея использовала свои клыки, чтобы вводить и распространять яд — за исключением того, что яд вампира содержал абсолютную власть исцеления и бессмертия.

Иногда он использовался для создания другого вампира, превращая человека в нежить, но гораздо чаще его использовали среди вампиров для лечения ран и ускорения регенерации, вливая в рану или вводя в больной орган. Пораженная часть тела немедленно начинала восстанавливаться. К сожалению, для человека получение такой медленной инъекции было невероятно болезненно.

Впиваясь своими острыми клыками достаточно глубоко, чтобы сделать правильную инъекцию, Натаниэль начал вводить это мощное вещество в невинного человека, на этот раз давая жизнь вместо того, чтобы отбирать ее. Он был достаточно осторожен, чтобы распространить только небольшое количество яда, так как у него не было никакого намерения превращать человека, подвергая опасности его душу. Как и ожидалось, раны мгновенно стали заживать. Человеческий мужчина с этого момента будет обладать мощной иммунной системой.

Более чем вероятно, что он будет устойчив к большинству человеческих заболеваний.

Натаниэль поднял темную голову и отплыл назад от мужчины, который коснулся своей шеи и почувствовал гладкую, безупречную кожу. Их глаза встретились, а затем вампир исчез. Его убийственная ярость ушла. Его голод был полностью утолен.

Натаниэль быстро бежал через холодную, стерильную тюрьму, снова пробуждая охранников. Он скользил над полом гладко и бесшумно, как и все вампиры. И никто не заметил его присутствия, или холода, который сопровождал его, когда он остановился в административных помещениях, чтобы изменить автоматизированную компьютерную систему.

Читая мысли охранников, он быстро выведет, какая программа содержит информацию о датах освобождений, и как сгенерировать досрочные освобождения. Положив руку на жесткий диск, он начал изменять данные, чтобы месяцы подготовки к досрочному освобождению оказались уже завершенными.

Майкл Уайт.

Убийство первой степени.

Дата освобождения... завтра.

Он послал новые данные через систему и, чтобы убедиться, что не было никаких расхождений, без особых усилий вошел в картотеку с резервным файлом Майкла и сжег его.

Охранники тут же вскочили, чтобы потушить спонтанный пожар, но было слишком поздно, чтобы восстановить какую-либо информацию. Удовлетворенный, Натаниэль стер воспоминания охранников и прошептал мягкую команду высокой брюнетке на пути из офиса, напоминая ей немедленно заглянуть в дело об освобождении Майкла Уайта. Она уже тянулась к компьютеру, когда Натаниэль растворился через потолок и оказался на прохладном ночном воздухе, его широкие крылья развернулись, словно пытались обнять глубокое синее небо.

Его голод был утолен.

Теперь он мог вернуться к своей судьбе — к Джослин.

Маркус Силивази изучал темные земли в течение нескольких часов, разглядывая все глубокие, потайные пещеры и многочисленные скалистые расщелины, скрытые в ущельях. Он осматривал долины, искал невидимые впадины и взлетал на самые высокие горные вершины в надежде найти хоть какие-то следы Валентайна и его братьев.

Пытаться обнаружить Темного среди километров зеленого леса — все равно, что искать иголку в стоге сена. Сосновые, пихтовые и еловые рощи окружала густая растительность, которая цеплялась к крутым склонам. В Скалистых горах наступил конец лета с ночами прохладными после обычной дневной грозы, оставляющей небо блестящего темно-синего цвета.

Но сегодня было иначе. Вечер был ясным, даже без намека на осадки. Кровавая Луна возвала к Натаниэлю и Джослин, оставив за собой пелену тумана, а теперь, снова побелев, бросала тень на долину.

Маркус удивлялся красоте ночи, даже несмотря на глубокую обеспокоенность последними событиями. Похороны Шелби, на которые он так и не смог прийти, и Валентайн, пожертвовавший Далией, чтобы породить еще одного злого потомка Джегера, полноправного сына, украденного у Шелби.

Он не мог понять, как они допустили это.

Как стражи пропустили присутствие темных в Красных Каньонах? Как они с Натаниэлем так легко попались на хитрость Валентайна? Как он смог выдать тело другой женщины — человеческой женщины без следа Божественной ДНК в ее крови — за Далию? Стражи уловили запах Валентайна в русле реки; он был вокруг изувеченного тела. Тем не менее, они пропустили такое значительное событие, как роды... кровавое жертвоприношение... на собственном заднем дворе.

Маркус понимал ярость Натаниэля. Его жажду мести. Но просто не мог выдержать еще одну такую потерю, как утрата Шелби. Если охота на Валентайна в одиночку поможет Натаниэлю оставаться в безопасности, то Маркус более чем готов. Сейчас первым и единственным приоритетом для его брата должна быть Джослин.

Возвращаясь к Красным Каньонам в третий раз, Маркус начал оставлять за собой очевидный след на случай, если по близости окажется Темный, готовый противостоять ему. Он выкорчевывал деревья и переворачивал камни, сформировал несколько изолированных грозовых облаков и создал многочисленные миниатюрные циклоны, посылая каждый из них парить в воздухе позади него. Любой вампир в непосредственной близости узнал бы, что рядом Древний, смог бы легко учуять, что он один.

Все его усилия оказались бесполезными.

Рядом не было ни одного Темного.

Маркус решил вернуться домой, но перед этим осмотреть зал для жертвоприношений, чтобы самому увидеть, где все произошло. Возможно, Валентайн оставил четкий рисунок энергии, который рассказал бы о его следующем шаге или указал на то, где он может спать в течение дня во время пребывания в долине.

В отличие от потомков Джейдона, Темные не выносили солнца, даже на мгновение, даже в ранние часы рассвета или последние часы сумерек. Валентайн будет спать весь день глубоко в склепе, будь он природный или сделанный руками человека.

Маркус легко просочился через длинные лабиринты туннелей, убегающих вглубь каньона, осторожно пытаясь избежать низких сталактитов, которые нависали, как острые кинжалы, над входом в тот самый зал. Его кровь ожила сразу же, с силой пульсируя в венах; все чувства обострились в напряжении. Внутри влажного зала царил густой запах смерти, раскрывающий всю жестокость ночи и личности тех, кто был в его стенах.

Несмотря на едва различимый запах серы и более сильное зловоние горелой плоти, Маркус узнал тяжелый след возбуждения Валентайна, ядовитый запах мучений Далии и слабый аромат отчаяния Джослин, настойчиво напоминающий о том, какими ужасными были эти события. Присутствие Джослин ощущалось больше всего в задней части пещеры, в ущелье за стоячей водой. Каменная плита взывала о том, что на ней лежала Далия, а след Валентайна тянулся от ложа смерти до жертвенного алтаря смесью адреналина и тестостерона.

Маркус закрыл глаза, позволяя своим чувствам обостриться еще больше, пытаясь узнать, был ли кто-то еще в пещере недавно. Там не было и намека на другого Темного. Ничего, даже следа братьев Валентайна — Сальваторе или Зарека. Ничего, что могло бы указать на другого потомка Джегера в непосредственной близости. Очевидно, Валентайн действовал в одиночку.

Внезапно зловоние, которое Маркус определил, как Валентайна, начало увеличиваться. Маркус открыл глаза, раздумывая, получил ли он психологический отпечаток от увиденного ранее. Что-то особенно сильное. Возможно, важную подсказку, которую после себя оставил Валентайн.

И затем запах усилился... определенно... явный признак, что кто-то приближался до тех пор, пока не замер где-то рядом.

Маркус сразу же понял, что Валентайн находится близко и надеется остаться незамеченным за своей скудной защитой. Он взмахнул рукой, зажигая в темной пещере множество старинных факелов, встроенных в известняковые стены, пламенным оранжево-красным цветом, и в то же время, используя разум, повысил температуру в комнате до 99 градусов по Фаренгейту, на два градуса выше нормальной температуры тела. Используя инфракрасное зрение для обнаружения пустот в воздухе из-за заметной разницы в температуре, Маркус осмотрелся в поисках отличий.

Пустота была прямо над ним.

Он обернулся и со сверхъестественной скоростью отпрыгнул в другой конец пещеры, когда Валентайн материализовался в его поле зрения, полностью выпуская когти в опасной близости от шеи Маркуса. Со свистом, пронзившим воздух, пять острых как кинжалы когтей прошли мимо своей цели.

— Как хорошо, что ты решил присоединиться ко мне, — прошипел Маркус, занимая оборонительную позицию. — Но ты действительно думал, что подкрасться к Древнему будет так просто? — он знал, что его враг надеялся одержать быструю и внезапную победу и явился не для того, чтобы бороться один на один.

Валентайн взревел от ярости, развернувшись лицом к противнику.

— Ночь только началась, — хриплый голос сочился ядом.

Теперь, когда он здесь, гордость вынудит его закончить начатое. Он уставился своими злобными черными глазами на Маркуса, с убийственной яростью глядя сквозь его душу.

— Это так, — протянул Маркус. — Тем не менее, всему хорошему приходит конец, не так ли, Темный?

Валентайн усмехнулся:

— Шелби уж точно, мой светлый брат.

Клыки Маркуса резко удлинились во рту, когда он прорычал свое обещание возмездия. Он посмотрел на легендарного вампира с презрением, прежде чем застыть в одном положении, такой же тихий, как сама ночь, его мощные мышцы бугрились и напряглись в полной готовности.

Он не мог поверить в свою удачу.

Валентайн Нистор.

Один.

С ним.

— Не будь так уверен в своей победе, — выплюнул Валентайн. — Высокомерие не пойдет тебе на пользу, Маркус. А до восхода солнца еще далеко.

— О, я могу заверить тебя, мой темный брат, это точно не займет много времени, — голос Маркуса обещал ласковую смерть, в то время как бушующий огонь мести рос в нем палящей лавой вулкана, готовой взорваться атакой возмездия.

— Насколько я помню, уничтожение Далии тоже не заняло много времени, — издевался Валентайн. — Хотя, я слышал, смерть твоего брата была совсем другой историей: довольно длительный процесс, не так ли?

Маркус напрягся.

— Возможно. Но, по крайней мере, Шелби умер с честью, и его душа сейчас гуляет по Долине Духа и Света. Ты, с другой стороны, умрешь как мерзкий червь, которым являешься, и проведешь остаток вечности в Долине Смерти и Тени. И тогда мы увидим, что значит длительный процесс на самом деле...

Глаза Валентайна сузились в гневные щелки от насмешек, в то время как каждый вампир продолжал пытаться вывести из себя другого, надеясь одержать верх.

Эмоции были слабостью, которую можно легко использовать в смертельной схватке.

Они ходили по кругу, как два крадущихся леопарда.

Присматриваясь. Ожидая. Демонстрируя свою физическую мощь... Обещая жестокую и мучительную смерть... Пока, наконец, несколько кинжало-образных сталактитов не сорвались с потолка пещеры и не рухнули вокруг них, побуждая гневных хищников к действию.

Валентайн ударил первым, бросив раскаленную молнию прямо в сердце Маркуса. Зал осветился ослепительными искрами оранжевого и голубого электричества, когда мощный заряд помчался к своей цели.

Маркус отреагировал так быстро, что у молнии не было и шанса настигнуть его. Выставив ладони перед собой, он перехватил смертельную атаку и отправил ее обратно к Валентайну, не дрогнув, когда горячий заряд вызвал ожоги на руках.

Умело отпрыгнув в сторону, Валентайн злобно рассмеялся при виде горячей плоти врага.

Маркус посмотрел на пузыри от ожогов, покрывающие ладони, и начал собирать свою энергию. Он слышал, как ветер поднимается за пределами пещеры, проносясь через всю долину, завывая от растущей ярости, и чувствовал, как турбулентность начала формировать ряды темных воронок в облаках, готовясь обрушить смертельный вихрь на окружающий каньон. Но ему было просто наплевать.

Жар превратился в пламя. Огонь превратился в два огромных красных шара, крутящихся

и поворачивающихся в руках Маркуса, в то время как светящийся пожар пульсировал в их ядрах. А потом, без предупреждения, Маркус швырнул оба шара со сверхъестественной скоростью один за другим. Первый был направлен в Валентайна, смещаясь немного влево. Второй — в свободное место справа от него, в точности туда, куда придется отпрыгнуть Валентайну в стремлении уклониться от первого шара.

Оружие настигло свою цель.

Прямо в грудь.

Валентайн взвыл от боли, когда его тело окутало пламя, а потом, одним плавным движением перепрыгнув через всю пещеру, схватил Маркуса за плечи.

Мощные тела столкнулись, как два больших пушечных ядра, отлетев назад в мутный пруд позади. Валентайн отчаянно перекачивался в мелком бассейне, пытаясь потушить пламя, и Маркус воспользовался возможностью, чтобы напасть.

Он глубоко вонзился своими когтями в грудную клетку Валентайна, разрывая плоть и мышцы, пытаясь извлечь сердце. Одновременно нанеся удар в горло вампира другой рукой, он рассек яремную вену Темного.

Валентайн закричал от боли, и его клыки удлинились.

Собрав остатки своих сил, сын Джегера бросился на Маркуса, отчаянно пытаясь вырвать его глотку — забрать своего врага на тот свет вместе с собой.

Но Маркус двигался слишком быстро.

Он дернулся назад, избегая огромных клыков, прежде чем они вонзились в его горло, и поднял Валентайна вверх, схватив за рубашку двумя мощными кулаками. Швырнув его через всю пещеру, он услышал, как сломались кости вампира, когда массивный торс сильно ударился о стену.

Валентайн упал на пол пещеры, приземлившись в сидячем положении.

Кровь лилась из горла Темного, его позвоночник был слишком поврежден, чтобы держать его прямо. Давясь собственной кровью, Валентайн отчаянно боролся, чтобы остаться в живых. Оба вампира были воинами. И благодаря векам тренировок и молниеносным рефлексам, ни один не собирался сдаваться так легко.

Темный быстро возвел невидимый барьер вокруг своего тела — пульсирующее силовое поле плотных волн энергии — в отчаянной попытке удержать Маркуса достаточно долго, чтобы регенерировать. Он терял кровь слишком быстро, как того и хотел Маркус... лишит своего врага жизненной силы и возможности сопротивляться. Отрубить голову или вырвать сердце, чтобы предотвратить регенерацию. И, наконец, сжечь его тело так, чтобы он никогда не смог воскреснуть.

Маркус смотрел, как Валентайн инстинктивно выпустил свои резцы и вонзил острые клыки глубоко в собственную руку, быстро наполняя ее ядом, пока она не начала опухать словно рыба-шар. Используя острый коготь на другой руке, он сделал глубокий надрез на опухшей плоти, заставляя яд вытекать на поверхность, и затем приложил ее к горлу, будто припарку.

— Ты не убьешь меня этой ночью, Древний, — Валентайн заикался, захлебываясь словами.

Он все еще давился собственной кровью, но издавать низкое, протяжное рычание ему удавалось все так же. Его горло начало заживать, а потеря крови уменьшилась.

Маркус разбивал барьер, словно сумасшедший, впавший в приступ ярости, он быстро разрушал один мощный слой за другим, пока всё препятствие, наконец, не исчезло.

С яростью настолько огромной, что вся гора покачнулась, он атаковал, чтобы убить.

Его руки стали малиново-красными пятнами света. Его когти кромсали артерии Темного, когда он наносил сотни рваных ран задолго до того, как Валентайн смог поднять ослабленную руку, чтобы защититься.

Кровь хлынула, словно два мощных потока, прямо из плеча Валентайна и внутренней стороны его бедра. И тогда Маркус бросился к горлу своего врага, решив вновь открыть сонную артерию... в последний раз.

Неожиданно огромная рука схватила изувеченное тело, выдернув Валентайна вверх, в то время как потолок пещеры начал обваливаться. Маркус рефлекторно прикрыл голову, мысленно отклоняя падающие камни, быстро осматриваясь вокруг, пытаясь понять, что произошло.

Когда камнепад прекратился, Сальваторе Нистор стоял на коленях над своим раненым братом среди пещеры, как будто свернутая в кольцо кобра, отчаянно залечивая раны Валентайна ядом из своих клыков. Сальваторе был древним потомком Джегера — тем, кто хорошо обучен черной магии, и его яд был мощным.

Его голова дернулась вверх, и он уставился на Маркуса, в то время как злобное рычание вырывалось из его горла. Откинув назад дикую гриву своих черно-красных волос, он оглушительно взревел в знак предупреждения могущественному потомку Джейдона, а затем вскочил на ноги, как разъяренная рысь, готовая наброситься.

— Может быть, тебе стоит выбрать кого-то своего уровня, сын Джейдона! — его жесткая, угловатая челюсть сжалась, выражая неповиновение и ярость. — Давай лучше играть со мной, Маркус!

Стоя с вытянутыми в разные стороны руками, Сальваторе начал создавать пламя. Но вместо двух огненных шаров, которые затем можно швырнуть во врагов, он окружил свое тело горящими пламенными кольцами, пока сам не превратился в светящийся огненный столп.

Маркус увидел в этом высокомерном проявлении силы отличную попытку запугать, и быстро построил такое же кольцо вокруг собственного тела; только на этом не остановился. Он вбирал в себя пламя, пока оно полностью не поглотило саму его суть, и раскаленная лава не вылетела из его рта, глаз, носа и ушей, демонстрируя гораздо более сложную и смертоносную магию.

Сальваторе и Маркус приняли одновременно атакующие позиции, как два пылающих хищника, желающих ударить первыми. Маркус был уже готов напасть, но остановился из-за внезапного появления Валентайна, который быстро регенерировал с помощью древнего яда Сальваторе. Жестокий вампир без усилий вскочил на ноги возле брата, а затем быстро обошел Маркуса, и рыча замер на противоположном конце пещеры.

Они его окружили.

Маркус стал смертельно тихим. Прислушиваясь. Ожидая.

Пытаясь уловить малейшую вибрацию, которая укажет, какой из двух братьев атакует первым. К его удивлению, первый намек на движение пришел не от них. Это был Натаниэль Силивази, его брат, который молча материализовался в пещере, источая смертельную силу.

Он был совершенно спокоен и готов к бою, стоя спина к спине с Маркусом.

— Прости мое неповиновение, брат, — пробормотал Натаниэль, — но такая возможность была слишком привлекательной. Кроме того, я не хотел оставлять тебя в парных танцах без пары.

Маркус злобно усмехнулся и оглянулся через плечо, чтобы оценить состояние своего младшего брата. Было совершенно очевидно, что он выпил огромное количество крови: мышцы бугрились от чистой силы, глаза ярко мерцали, а кожа практически сверкала.

Натаниэля будет не остановить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я всегда могу посадить тебя под домашний арест позже, — проворчал Маркус, глубокий смешок эхом отозвался в его груди.

Он перевел взгляд на Сальваторе и Валентайна и слегка поклонился.

— Потанцуем, парни?

Прежде чем они смогли нанести удар, темный злорадный смех заполнил залу, и в поле зрения появилась пятая фигура. Глубокий, звучный голос принадлежал Зареку Нистору. Оказавшись рядом со своим близнецом, он стал осматривать его тело, чтобы оценить степень последних травм.

— По-моему, начинать вечеринку до прихода всех гостей, считается плохим тоном, — прорычал он.

Маркус усмехнулся, более чем счастливый приветствовать глупого вампира на бойню.

А потом раздался шестой голос:

— Я не могу с тобой не согласиться, — Кейген Силивази спокойно стоял у входа в зал, сложив свои мощные руки на груди. — К счастью, кажется, что теперь мы все в сборе.

Сальваторе усмехнулся:

— Все, кроме Шелби, конечно же, — он вздохнул. — Ах, да, Валентайн, сделал ли ты что-то, чтобы... воспрепятствовать... младшему Силивази прийти этой ночью? — его смех был злым. — Кстати говоря, я должен скоро пойти и навестить моего нового племянника, насколько я знаю, его мать была просто восхитительной.

Натаниэль, Маркус, и Кейген взмыли в воздух одновременно, со сверхъестественной скоростью мчась на своих врагов. Столкновение было ужасным. Плоть и кости. Когти и клыки. Кровь и пот. И когда любое оружие пошло в ход, ярость стала живым, дышащим органом пещеры.

А затем стены пещеры просто выгнулись и взорвались, вышвыривая всех шестерых вампиров в открытую долину под внезапно почерневшее, жестокое небо, где собиралась начаться война невиданного размаха.

Война, которая подарит новый смысл словам Кровавая Луна.

Молния сверкала, и гремел гром.

И тогда Великий заговорил:

— Сегодня не будет никакого сражения! — голос звенел, словно при столкновении кимвалов, когда Лорд Соверен дома Джейдона, Наполеан Мондрагон, спустился с неба.

Его дикие красные глаза пылали властью, лицо, словно гранитное изваяние, кричало о могуществе и решимости. Глубокие морщины на лице Древнего, как и его поразительные черные с серебряными прядями волосы, яростно развевающиеся на ветру, придавали ему призрачный вид всезнания и бессмертия.

Наполеан был избранным монархом потомков Джейдона и противником слишком могущественным, чтобы ему могли противостоять потомки Джегера. Его слова были законом среди Светлых Вампиров, а его легендарная доблесть в войне заслужила неоспоримое уважение среди Темных. Он оставался смертельно тихим, ожидая ответа от старших братьев.

Сальваторе Нистор ответил шипением. Он посмотрел на Наполеана и скрестил руки на груди, прежде чем взглянуть вдаль, как будто все обдумывая.

Маркус понял, что его грозный враг оценивал ситуацию со стратегической точки зрения, что, в общем-то, имело смысл. Никто не прожил бы столько, сколько Сальваторе, будучи безрассудным.

— Я не боюсь драться с тобой, Наполеан, — нахмурился Темный, его слова были правдой лишь отчасти.

«Тогда ты идиот», — думал Маркус. Но то, что темный сын Джегера явно не боялся смерти, было хорошо, потому что Маркус был более чем готов подарить ему ее.

— Но сражаться с тобой, Маркусом, Натаниэлем, и Кейгеном... — голос Сальваторе затих.

Наполеан молчал, ожидая решения врага, в то время как Маркус изучал лицо Сальваторе. Древний Темный должен был знать, что им не выиграть — с Наполеаном или без него.

И в отличие от Валентайна, Сальваторе был не тем, кто идет на ненужный риск. Тем не менее, Маркус мог только надеяться. Он дал обещание отомстить за смерть Шелби, и у него не было намерения позволить Валентайну уйти, не тогда, когда его прикрывали братья, или защищал Наполеан.

— Мы согласны отступить, — признал Сальваторе, наконец, голосом полным презрения, — но только если вы гарантируете безопасный отход.

Наполеан обратился к Маркусу.

— Воин, что скажешь ты?

— Никогда! — прогремел Маркус. — Если судить мне, Сальваторе может гореть в аду вместе со своим братом.

Сальваторе зашипел, глаза засветились красным, но он ничего не сказал.

«Просто сделай одно движение, — подумал Маркус. — Если это угодно богам — только одно движение».

Наполеан задумчиво посмотрел на Маркуса, а затем проплыл вниз, пока не оказался на одном уровне с огромным вампиром, и они двое уставились друг другу в глаза, как могущественные викинги на древнем поле боя.

— Маркус... — монарх говорил спокойно, но твердо, обдумывая каждое слово. — По нашим законам ты имеешь право на месть с вашей стороны, но разве ты не видишь небо?

Маркус, что-то пробормотав, неохотно поднял голову.

Ужасные полосы молний фиолетового и белого цвета сверкали в небесах, насколько хватало глаз — гневные огненные кнуты, растущие со страшной силой. Бесконечные линии пересекали небо с востока на запад и обратно, неумолимые разряды выстреливали в землю с яростью, ударяясь о ее поверхность с такой невероятной мощью, что земля содрогалась под беспощадным штурмом. Огонь и сера падали с небес, вспыхивая по всему лесу, в то время как гром продолжал греметь и рычать.

Наполеан махнул рукой в сторону долины.

— Разве ты не видишь эту землю?

От чудовищного вида плотных черных туч, сливающихся в потрясающую воронку гнева, перехватило дыхание. Тепло и влага были втянуты в сильный водоворот энергии, ветра и ярости. Казалось, будто все облака на сто километров объединялись в темном заговоре с целью начать войну с землей и ее жителями.

Ветер свирепствовал.

Древние сосны и кипарисы наклонялись, почти ломаясь пополам, в то время как гигантские березы и осины переламывались, словно веточки под натиском злой силы.

И воронка еще даже не коснулась земли... пока.

— Торнадо приближается к городам и деревням, — голос Наполеона был спокоен и сух.

Маркус выругался и от досады прокусил нижнюю губу клыками. Он быстро встретил пристальный взгляд Натаниэля, прежде чем повернуться, чтобы посмотреть на Валентайна, который высокомерно улыбался с торжествующим выражением победы в глазах. Чувствуя отвращение, Маркус признал:

— Мы тоже отступим, — а затем его глаза стали холодными, как два темных осколка льда, — пока.

Он встретил темный пристальный взгляд Валентайна последний раз.

— Знай, сын Джегера, твои дни на этой земле сочтены. Нет места, где бы ты мог спрятаться, никто не защитит тебя, так что наслаждайся отсрочкой, это последнее, что ты получишь.

Его глаза выжгли клятву в этой мерзкой душе. Это обещание было абсолютным.

Губы Валентайна приподнялись в оскале, но Сальваторе мудро положил руку на его грудь.

— Слова ничего не значат, брат, — произнес он, и в его голосе звучало высокомерие. — Уходим, — он развернулся, чтобы встретиться со светящимся свирепым взглядом Маркуса. — Мы надеемся снова встретиться в скором времени.

Маркус зашипел и сузил глаза.

— Буду ждать с нетерпением, Темный.

Наполеон взмахнул рукой.

— Довольно.

Словно три злых духа, изгнанные с кладбища, братья Нисторы исчезли в ночи, и земля стала успокаиваться.

Небо очистилось.

Молнии исчезли.

И торнадо унесло свой гнев.

Маркус был взвинчен, когда вернулся в свое жилище на севере Лунной Долины, расположенное высоко среди горных хребтов. В отличие от поместья Натаниэля, дом Маркуса был простым, элегантным и традиционным.

Трехэтажный фермерский домик с широким изогнутым крыльцом и резными перилами, полный симметричных комнат с великолепными высокими потолками, украшенными искусной резьбой.

В каждой комнате стоял камин. Включая шесть спален наверху. Традиционный камин из белого кирпича в гостиной, старая дровяная печь на кухне и очаг в библиотеке, вымощенный из больших камней, собранных в реке, протекающей менее чем в пятидесяти ярдах от заднего крыльца.

Несмотря на простоту в целом, все в доме Маркуса строилось вокруг природы: начиная от бесконечных потрясающих видов, открывающихся с задней террасы, и заканчивая тем, как замысловато он был возведен вокруг растущих сосен и осин, которые естественно вписывались в архитектуру дома.

Старинные статуи, картины, фотографии и другие произведения искусства украшали каменные полки, стены и лестницы. Они раскрывали историю его долгой жизни, таили в себе что-то значимое для каждой из прожитых им эпох, но при этом были совершенно простыми, как он и любил.

Дом как всегда встретил его успокаивающим безмолвием. Кроме звуков бегущей среди скал воды и ветвей, падающих в ручей за домом, ночью стояла мертвая тишина. Маркус на мгновение остановился, вбирая в себя свежий воздух, перед тем как тяжелыми шагами подойти к деревянной двери.

Неожиданно из-за угла послышались шаги.

Он развернулся и встал в боевую стойку. Его дыхание было таким же тихим, как и ночь. Возможно ли, что Валентайн или Сальваторе так быстро пришли, чтобы встретить его? Или все трое братьев ждали в засаде?

Волосы на его шее встали дыбом, клыки заострились, а ногти удлинились, превращаясь в когти. А затем он проанализировал запах и понял, что это человек.

Женщина.

Знакомая.

Джоэль Паркер.

Крик удивления пронзил тишину, когда экономка завернула за угол и увидела его, присевшего, словно животное с удлинившимися клыками и когтями, взглядом выражающее смертельную угрозу. Женщина охнула и прикрыла рот двумя руками.

Хотя она знала, кем был Маркус, он никогда не терял контроль, и теперь она явно выглядела потрясенной таким воплощением. Ее сердце громко забилось, пропустило удар, а затем, остановившись еще раз, вернулось к нормальному ритму.

— Джоэль? — раздраженно воскликнул Маркус. — Почему ты гуляешь так поздно? Я мог убить тебя, — он нахмурился. — Ты знаешь, сколько время? Солнце взойдет через пару часов.

На протяжении столетий Силивази, как и другие потомки Джейдона, налаживали близкие отношения с некоторыми человеческими семьями. Часто эти люди работали с ними

или помогали заботиться о домах, бизнесе и повседневных делах. Джоэль Паркер была дочерью его главного управляющего, Кевина Паркера, который смотрел за конюшней недалеко от Лунной Долины в течение летних туристических месяцев.

Маркус знал ее отца почти пятьдесят пять лет, с тех пор как тот родился, так же, как и Кевин знал, кем и чем был Маркус. Силивази так хорошо заботились о семье Паркеров, что те решили пустить корни в долине несколько веков назад, передавая эстафету от одного поколения другому, строя свои дома в окрестных горах, стараясь держаться вместе и яростно защищая друг друга.

Джоэль выросла, осознавая сложную взаимосвязь между двумя видами, их специальные потребности и проблемы, которые могли возникнуть, а также всю важность хранить знания о том, кто такие Силивази, в секрете. Впервые она пришла работать на Маркуса в шестнадцать, и в течение последних шести лет убирала его дом два раза в неделю. В свою очередь, просто из чувства дружбы и верности, Маркус помог Джоэль закончить колледж и купить ее первый дом. В дополнение к щедрой зарплате, которую он ей выплачивал.

На самом деле это было не так благородно, как казалось на первый взгляд.

Жизнь длиной в вечность дала возможность накопить огромные богатства. Растущая стоимость инвестиций и товаров, земли и золота, произведений искусства и артефактов позволяла им оставаться богатыми. Кроме того, Лунная Долина была золотой жилой для потомков Джейдона.

В буквальном смысле.

Помимо многих местных предприятий, которые принадлежали вампирам (горнолыжный курорт и домики под аренду, казино и ресторан, конюшни и открытые туры отдыха, даже горячие ключи и отель) источником их основного дохода был минеральный завод. Крупное предприятие, где создавались уникальные ювелирные изделия ручной работы из неисчерпаемых ресурсов драгоценных камней, добываемых глубоко в многочисленных местных пещерах, и... золота.

— Прошу прощения, мистер Силивази, — пробормотала Джоэль, запахивая свою кофту и потирая ладонями руки, чтобы согреться.

Мягкая бежевая ткань свободно лежала поверх белой блузки, заправленной в струящуюся юбку до колен, и бледные оттенки одежды идеально сочетались с ее карими глазами.

Джоэль откинула прядь своих медово-светлых волос с лица, и отвернулась, давая Маркусу минутку, чтобы прийти в себя.

Снова взяв себя в руки, Маркус просто смотрел на свою экономку, ожидая объяснений. Было достаточно легко просто вручать чек, выписывать большой платеж для ипотечной компании, даже оплачивать ежемесячные счета за обучение в колледже, но, помимо пары светских бесед и случайных замечаний о его бизнесе, Маркус не говорил с Джоэль. Конечно, он просматривал воспоминания Джоэль время от времени, опасаясь за ее безопасность, но это было не то же самое, что знать ее. Маркус Силивази не сблизился с людьми.

Когда Джоэль, наконец, оглянулась, Маркус был расслаблен, стоя как ни в чем не бывало на крыльце, откинувшись на высокую квадратную подпорку и скрестив руки на груди, молча ждал объяснений.

Джоэль расправила плечи, словно пыталась собраться с духом. А потом долго смотрела в его темные глаза, опустила свой взгляд ниже, к его губам, и... вздрогнула...

Маркус нервно переступил с ноги на ногу, думая, не видны ли до сих пор кончики его

КЛЫКОВ.

— С твоей семьей все в порядке, Джоэль?

— Да, — поспешно ответила она. — Да, конечно.

Маркус снова замолчал и просто приподнял брови, все еще ожидая ответа.

Джоэль закрыла свои миндалевидные глаза на нескольких долгих секунд, глубоко вдохнула, набирая больше воздуха в легкие, и снова попыталась собраться с мужеством.

Когда в очередной раз ни слова не слетело с ее губ, Маркус решил, что пришло время скользнуть по поверхности ее мыслей. Она спорила сама с собой...

«Я смогу это сделать. Я сделаю это. Я должна это сделать!»

Молодая встревоженная женщина рассеянно вела внутреннюю борьбу, совершенно не осознавая, что Маркус может «слышать» каждое слово.

«Если ты не сделаешь этого сейчас, Джоэль, остаток своей жизни будешь чувствовать себя несчастной, тоскуя изо дня в день, словно старая дева, не в состоянии спать по ночам, пока, в конце концов, не умрешь из-за разбитого сердца. У тебя нет другого выбора!»

Ты уже перепробовала абсолютно все, чтобы это пережить.

О Боже, Маркус Силивази! Что с тобой не так?

Он вампир!

Он твой босс!»

Джоэль покачала головой, как обезумевшая.

Маркус откашлялся, напоминая о своем присутствии.

Она сразу же открыла глаза, выдохнула и заставила себя пробормотать следующие слова:

— Я, эм... ну... это просто... я хотела... поговорить с тобой, — она снова вздохнула с несчастным видом.

Маркус нахмурился.

— Прости? — он почувствовал себя не в своей тарелке.

Джоэль отвернулась на миг и прислонилась к узким перилам, как будто они могли предложить ей дополнительную поддержку.

Когда она повернулась обратно, ее щеки стали цвета весенних роз.

— Мне надо кое-что тебе сказать, — она произнесла каждое слово отдельно. — Кое-что, что я должна была сказать уже давно. И если не сделаю этого прямо сейчас, сегодня, — у меня никогда не хватит смелости попробовать еще раз.

Темные глаза Маркуса сузились, смотря прямо ей в душу. Он вопросительно приподнял брови и продолжил просто стоять, так как, даже прочитав ее сбивчивые мысли, понятия не имел, что она собиралась сказать, и ждал вопросов о том, каково быть вампиром. Но в то же время знал, что ее отец скорее всего объяснил ей все подробности, поскольку это было очень важно, учитывая, сколько лет две семьи жили в такой непосредственной близости.

— Хорошо, — начала она дрожащим голосом. — Итак, я знаю, что все вы связаны этим... Проклятием Крови. И есть только одна женщина во всей Вселенной, с которой ты сможешь быть, когда появятся Знак и звезды... и все такое... — Джоэль откашлялась. — И я знаю, что ты никогда не сможешь полюбить человека... и ты действительно, действительно старый, но... — ее голос сорвался, глаза наполнились слезами, и она начала задыхаться.

— Джоэль? — Маркус совершенно запутался.

Что она пытается спросить? И почему вдруг интересуется Проклятием Крови? Может, у нее есть вопросы о том, что произошло с Шелби? Или ее семья уже получила известие о

Натаниэле и Джослин? И, что более важно, почему она оскорбляла его? Какое отношение его возраст имел к чему бы то ни было?

Старый — не очень-то вежливо с ее стороны.

— Маркус, — сказала Джоэль раздраженно, пытаюсь сдержать слезы, — ты что на самом деле такой слепой?

Он, возможно, что-то пробормотал, но не был уверен.

Она вздохнула.

— Разве ты не видишь, что я влюблена в тебя? Что я всегда была абсолютно и безнадежно влюблена в тебя? Что я не могу больше есть, спать или дышать, настолько я в тебя влюблена! — слезы потекли по ее нежному лицу, и она отвернулась, смущенная, но, видимо, по-прежнему полная решимости.

Маркус смотрел на ее маленькую, хрупкую спину в оцепенении. Слышал слова, но не мог понять. За многие века своей жизни он слишком хорошо узнал, какую власть их вид имел над человеческими женщинами, что стало одной из причин, почему он жил в таком одиночестве — почему у него было так мало страстных интерлюдий — но эта женщина точно знала, кто он. Кроме того, Джоэль Паркер была очень, очень молода.

И была человеком.

Маркус вздохнул.

— Джоэль, ты молода. Ты еще не знаешь, что чувствуешь. И не встретила человека, который выбьет у тебя почву из-под ног. В любом случае, ты не моя судьба. И да, существует только одна женщина, к которой я уйду в тот же момент, как увижу Знак. Больше, что я могу сделать, это причинить тебе боль, — он замолчал, что-то обдумывая. — Я найду другую экономку. Тебе не обязательно продолжать работать в такой... неудобной ситуации. Мне жаль, я не имел ни малейшего представления.

Джоэль развернулась, явно ошеломленная. Убитая горем. В абсолютной панике.

— Я признаю, Маркус, что не ожидала, будто ты признаешься мне во взаимной бессмертной любви, — ее голос поднялся, по крайней мере, на октаву. — Но не думала, что буду уволена! Или что ты просто так скажешь, что не хочешь меня, и мне нужно уйти, потому что я не твоя судьба, — она спрятала лицо в ладонях, почти в истерике.

— Это не то, что я конкретно...

— О мой Бог! — выпалила она. — Что я наделала? — ее плечи задрожали, а затем она начала неудержимо рыдать, снова поворачиваясь к нему спиной.

Маркус посмотрел на небо, почти ожидая увидеть Кровавую Луну, учитывая ту интенсивность эмоций, которая исходила от нее.

Он почти желал этого. Все что угодно. Лишь бы остановить страдания бедного ребенка... лишь бы она перестала плакать.

Нежно положив руку ей на плечо, он прошептал:

— Джоэль, ты должна остановиться. Я сотру твои воспоминания об этой ночи. Если хочешь, я могу полностью стереть твои чувства ко мне. Возможно, направить их на кого-то более подходящего? Есть ли кто-то, кого еще ты могла бы...

Джоэль развернулась и посмотрел на него, на этот раз еще более уязвленная, чем раньше. Без преамбул она ударила его так сильно, как только могла, прямо в грудь открытой ладонью.

Потрясенный, Маркус попятился назад. Хотя он вряд ли почувствовал удар, низкое предупреждающее рычание инстинктивно вырвалось из его горла.

— О Боже мой! — закричала она. — Ты только что зарычал на меня? Ты зарычал на меня! У тебя действительно нет сердца, не так ли? Ты как пещерный человек! — она осела на землю, закрыла лицо руками и всхлипнула. — Ты ведь и в самом деле такой, знаешь? Все считают, что у тебя нет такта. Ты редко проявляешь сострадание. Большую часть времени ты просто чертовки пугающий, рычишь на всех и каждого, приказываешь своим братьям как тиран, сметаешь все на своем пути в надежде, что от тебя будут держаться подальше, — она покачала головой. — Но я не могу... потому что люблю в тебе все. Даже те ужасные... отталкивающие... неприятные черты, из-за которых все остальные тебя боятся, — слезы полились рекой.

Маркус увидел и услышал достаточно.

Наклонившись, он взял ее за руку и развернул лицом к себе.

— Посмотри на меня, Джоэль. Ты... — его чарующий голос гипнотизировал.

— Нет! — закричала она, борясь с его контролем над своим разумом. — Не смей! — она зажмурилась и указала пальцем на его лицо. — Не смей трогать мои воспоминания! Я серьезно, Маркус! Держись подальше от моей головы, ты меня слышишь? Пожалуйста, не делай этого... Я умоляю тебя.

Впервые Джоэль прямо попросила его о чем-то, не говоря уже о том, чтобы умолять. Именно в тот момент он понял, насколько серьезной она действительно была.

Не найдя слов, он углубился в ее сознание. Возможно, если он поймет ее лучше, поймет, откуда взялись ее чувства, то узнает, как правильно реагировать.

Маркус Силивази был потрясен тем, что обнаружил.

Все эти небольшие удобства в его доме, то, как тщательно организованы памятные сувениры, любимые книги расставлены в алфавитном порядке в библиотеке, ничего не было случайным. Все это — проявление доброты Джоэль из-за ее глубокой привязанности к нему.

Она знала обо всем, что он делал, обо всех местах, куда он ходил, и обо всех, с кем он был.

И это продолжалось... годами.

Джоэль узнала все, что нужно, о Проклятии Крови, о его прошлом, и провела бесчисленные бессонные ночи, фантазируя о вещах, слишком не скромных для ее возраста. Это было не просто какой-то детской одержимостью. Женщина влюбилась в него, даже без малейшего намека на интерес с его стороны. Он никогда не замечал ее... как женщину.

Он спокойно стоял. Размышляя. И, наконец, заговорил ровным тоном.

— У нас не может быть никаких отношений, Джоэль. Это просто невозможно. Скажи мне, если ты полна решимости продолжать работать у меня, и при этом не готова отказаться от своих воспоминаний, то чего ты хочешь от меня?

Джоэль опустила голову, совершенно униженная. Она уперлась лбом ему в грудь.

— Я хочу, чтобы ты дал мне шанс, — она плакала.

Молодая женщина посмотрела вверх, загипнотизированная глубиной его глаз, пытаюсь заставить себя сказать, что было на самом деле у нее на уме.

— Я много думала об этом — действительно много. И вот в чем дело: ты всегда один, Маркус. Всякий раз, когда не работаешь или не приглядываешь за своими братьями. Я знаю, что у тебя много обязанностей, но ты все еще... мужчина. Тебе должно быть одиноко.

Она прижалась своим мягким телом ближе к нему, почти инстинктивно. Было не ясно, пыталась ли она утешить себя или соблазнить его.

— Я знаю, что веду себя как ребенок, но это не так. Я взрослая женщина. И прекрасна

понимаю, что ты оставишь меня в тот момент, когда встретишь ту, что предназначена для тебя, — она запнулась, ее голос дрогнул при одном упоминании кого-то, кого мог бы любить Маркус. — Но кто говорит, что это произойдет в моей жизни? А что если нет? Вероятнее всего, нет. В любом случае ты не должен быть один сейчас.

Положив руки осторожно по обе стороны от его талии, Джоэль подняла голову, задержавшись страстным взглядом на его темных глазах.

— Если у меня будет только пять лет или даже год, я отдам весь свой мир, чтобы быть с тобой, Маркус.

Она протянула руку, чтобы коснуться его волос, как будто не могла ничего с собой поделать. Как будто всегда хотела этого, и, возможно, ей никогда не выпадет еще один шанс.

— Ты можешь даже обратить меня, если хочешь, — это был шепот. — Чтобы я стала похожей на тебя, — ее сердце замерло в груди, ожидая его реакции.

Маркус заглянул в тоскливые глаза Джоэль, видя ее как будто в первый раз... воспринимая гораздо более серьезно, чем за несколько минут до этого. Она была настоящей красивой женщиной, с мягкими, скульптурными чертами; полными, пухлыми губами и заманчивым женским телом. Все в ней казалось нежным, как фарфор... и таким же изысканным.

Он поймал ее запястья своими мощными руками и отодвинулся, продолжая удерживать, словно в тисках.

— Я не могу превратить тебя, Джоэль, даже если захочу.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

Маркус покачал головой.

— Джоэль, ценой трансформации... ценой бессмертия для человека является его душа. Только наши избранные могут измениться и при этом избежать проклятия. И даже для них цена — первенец. Я бы никогда так не поступил с тобой. И не позволил тебе сотворить с собой такое.

Джоэль сморгнула вновь подступающие слезы.

— Тогда позволь мне быть твоей любовницей, — прошептала она соблазнительно... и со страхом.

Несмотря на железную хватку, которой он удерживал ее запястья, ей удалось прижаться к нему своим телом и запечатлеть несколько мягких поцелуев на его горле.

Она глубоко вдохнула его запах и мягко прикусила шею прямо за ухом... все время прижимаясь к нему и откровенно пытаясь возбудить.

Руки Маркуса как тиски сжались вокруг ее запястий, и его тело стало неподвижным, словно статуя. Глубокое, дикое рычание подкатило к горлу.

— Не двигайся! — предупредил он. — Ни. Единым. Мускулом.

Его клыки удлиннились, в то время как первый жар раздразненного хищника разгорелся в крови. Он слышал, как бился пульс на ее шее — громче, чем когда-либо прежде. Чувствовал запах сладкого нектара ее крови и почти наслаждался ощущением, которое испытал бы, если бы взял ее тело, абсолютно не сдерживаясь... осушил ее... забрал разум... медленно... изысканно... отнимая при этом жизнь.

Пара вампира и человека, кроме избранной судьбой, была неестественной. Зов зверя слишком трудно подавить, когда мужчина настолько возбужден — полностью лишенный запретов и всякого контроля.

Маркус возбудился, в его паху мгновенно стало тяжело, в то время как он боролся с

мощным красным туманом, заволакивающим сознание. Она прикусила его шею.

Раздразнила его.

Укусила.

Невольно он провел зубами по ее нежной коже вперед и назад, когда глубокий, гортанный звук, что-то между рычанием и стоном, вырвался из его горла. Он хотел выпить ее кровь. Ему нужно было выпить ее кровь.

Всего один глоток.

Маркус боролся со своими инстинктами, зная, что Джоэль была в смертельной опасности, играя с огнем: с силой далеко за пределами ее понимания или контроля. Она не собиралась провоцировать его инстинкты хищника, скорее, только хотела быть с ним... быть любимой. Узнать его во всех смыслах этого слова.

В одном Маркус был уверен: она не ожидала умереть от его рук.

Джоэль замерла. Как он и приказал. Не смея пошевелить ни единым мускулом. Даже не смея дышать.

Маркус втянул клыки и зашипел, как змея.

— У тебя есть хоть какое-либо представление о том, что я такое?

Его темные глаза горели, как огненно-красные угли с призрачно-синими центрами, и в них не осталось ни капли человечности. Отпустив ее запястья, он оттолкнул ее и сам отскочил назад.

— Маркус, мне так жаль! — воскликнула она. Ее маленькая фигура тяжело приземлилась на землю и медленно поднялась обратно. — Боже, ты, должно быть, думаешь, что я ужасный, эгоистичный человек.

Маркус отошел почти на десять шагов, присел, как дикое животное, скрываясь в тени огромной ели. Его голова была низко опущена к земле, и непослушные пряди густых черных волос упали вперед, скрывая лицо, выражающее панику. Он боролся со зверем внутри всеми силами.

Эта глупая женщина не подозревала, на что он способен.

Либо ее отец не смог научить ее, либо не достаточно ясно объяснил его истинную природу. В любом случае ей нужно было бежать.

И прямо сейчас.

Медленно, с изяществом и грацией, он поднял голову, словно голодный волк. Его губы обнажили клыки, подергиваясь с едва скрываемой угрозой, и глаза стали холодными и отстраненными.

Используя всю мощь своего голоса, чтобы контролировать ее разум, он отдал ей приказ:

— Беги!

Джоэль Паркер бежала, будто испуганный олень в ночи.

Она промчалась вниз по крутой, грунтовой дороге, вылетела в конец дорожки, поскользнулась на гравии и, наконец, забралась в свою машину — где быстро заперла все двери.

Как будто замки помогут.

Дрожа и рыдая, она спешно возилась с ключами. Ее мечта была разрушена. Ее сердце разбито. Ее мир перестал быть безопасным.

На следующее утро Джослин проснулась поздно от запахов готовящегося завтрака и свежесваренного кофе, доносящихся из большой кухни внизу. Встав с дивана, где Натаниэль оставил ее накануне ночью, она направилась в столовую первого этажа и осторожно вошла в смежную комнату.

— Ты, должно быть, Джослин.

Высокая женщина с темно-рыжими волосами и голубыми глазами стояла у большой печи, выложенной каменными плитками. Она переворачивала блинчики и жарила бекон, и ее искренняя улыбка освещала комнату.

— Я Колетт, — произнесла она, — очень приятно с тобой познакомиться.

Джослин настороженно следила за незнакомкой. Она выглядела как человек, но кто мог точно сказать?

— Где Натаниэль?

Колетт положила последний блин на тарелку и выключила газовую горелку.

— Натаниэль ушел вчера поздно вечером. Не хотел тебя будить, когда вернулся, поэтому попросил меня побыть с тобой, пока он будет спать. К тому же его экономка уехала этим утром по делам, а из Натаниэля ужасный повар.

Джослин нахмурилась.

— Ты имеешь в виду, он попросил тебя следить за мной, пока он спит...

Колетт твердо встретила изучающий взгляд Джослин.

— Нет, я не думаю, что это было сказано в таком контексте. Это нормально для... мужчин... как Натаниэль, спать весь день. Ночью у них намного больше энергии. Я пытаюсь сказать, что Натаниэль не хотел, чтобы ты проснулась одна в незнакомом месте, — она положила два блинчика, полоску бекона и яичницу-болтуню на тарелку и поставила ее на гранитный бар позади. — Вот. Садись. Позавтракай немного.

Джослин неохотно смотрела на тарелку. Она ничего не хотела ни от Натаниэля, ни от этой новой женщины, но должна была признать, что просто умирала от голода. Она ничего не ела с прогулки к Красным Каньонам накануне.

Колетт налила апельсиновый сок в маленький стакан и поставила его около тарелки вместе с новыми серебряными приборами, завернутыми аккуратно в льняную салфетку.

— Ты не хотела бы немного кофе? — она показала на кофейник.

Джослин кивнула и неохотно села за барную стойку, в то время как Колетт налила кофе и села рядом.

— Натаниэль также попросил меня поговорить с тобой, — минута молчания затянулась, прежде чем Колетт продолжила. — Он сказал мне о том, что произошло вчера вечером. О том, что ты видела в каньонах. Он подумал, что тебе, может быть, комфортней разговаривать с женщиной, возможно, это поможет выговориться.

Джослин уставилась на уверенную, радушную женщину, изучая, как микроб под микроскопом: отмечая каждую мелкую деталь, чтобы определить ее разновидность и происхождение. Она носила пару поношенных джинсов Levi's и синюю хлопковую рубашку. Двигалась с изящной непринужденностью и спокойной уверенностью — как будто контролируя все вокруг.

Добрые глаза и искренняя улыбка делали ее вполне нормальной.

— Если ты не возражаешь против моего вопроса то, кто ты такая? — слова прозвучали резче, чем хотела Джослин, но она не привыкла, чтобы незнакомцы говорили с ней так интимно.

К черту все это. Она съела часть яичницы и ждала ответа.

Колетт виновато улыбнулась.

— Прости меня за мою грубость. Мой муж, Крестос, рос с Натаниэлем. Они учились в Университете в Европе вместе. Мы были близкими друзьями последние пару лет, с тех пор как... могу лишь сказать, что я была в том же положении, что и ты сейчас, не так давно.

Теперь Джослин была заинтересована.

— Ты человек?

Голубые глаза Колетт засияли мягким светом.

Она тепло улыбнулась.

— Я была человеком... как ты.

Джослин вздрогнула и продолжила есть свой завтрак.

Несмотря на сомнения в том, стоит ли проявлять дружелюбие, она была благодарна за восхитительную еду и потраченное время.

Колетт продолжила говорить.

— Да, я не знаю тебя лично, но прекрасно понимаю, через что ты проходишь, — она посмотрела вдаль. — Я еще помню свой страх и множество вопросов, — ее голос смягчился. — Трудно принять все это сразу.

Женщина полностью завладела вниманием Джослин — как могло быть иначе? Она села прямо, заправила волосы за ухо и внимательно посмотрела в глаза Колетт, пытаясь найти в них правду.

— Итак, ты говоришь, что была такой же, как я. Ты ничего не знала о... вампирах... пока один из них не свалился тебе как снег на голову, напугав до смерти, и не начал твердить, что ты принадлежишь ему?

Она прошептала слово «вампир», будто стоит только произнести его вслух, и ее запрут где-нибудь в темнице.

Колетт кивнула и наклонилась вперед.

— Как и ты. И должна сказать, я точно так же долго не могла принять этого. Во всяком случае, не в начале. Хотя уже знала Крестоса, когда все произошло.

Джослин допила апельсиновый сок, откинулась назад и обдумала слова Колетт. По крайней мере, в силу своей профессии, она знала, что такое опасность и пугающие ситуации. Все это должно было казаться адом для такого мягкого человека, как Колетт. Она наклонилась вперед.

— Колетт, что действительно произойдет? Если я попытаюсь сбежать?

Колетт не стала уклоняться от ответа.

— Ты будешь в опасности, Джослин, — она понизила голос. — Есть участь гораздо худшая, чем та, которой ты боишься с Натаниэлем прямо сейчас, — она нахмурилась и взяла руку Джослин, сжав ее слегка. — И правда в том, что, скорее всего, ты не убежишь достаточно далеко от Натаниэля, Маркуса, Кейгена и стражей. Тебя вернут быстрее, чем ты успеешь произнести свое имя три раза, — она вздохнула. — Я знаю, это не то, что ты хочешь услышать, но такова правда: бежать — не выход.

Джослин опустила голову и закрыла глаза, осознавая всю реальность своего затруднительного положения.

Это просто не может быть правдой.

Этого не могло происходить.

Только пару дней назад она упаковывала вещи для поездки в долину в своем безопасном доме в Сан-Диего. Хотя большинству людей он таким не казался, она жила комфортной, обычной жизнью.

У нее была работа. Пожилая соседка Ида, о которой она часто заботилась. И ее любимый аквариум с редкими, тропическими рыбками... Потребовались годы, чтобы их приобрести.

«Боже, — подумала она, — мои рыбки умрут, если я не вернусь к концу недели».

Казалось совершенно ненормальным думать об этом, принимая во внимание все остальное, но она — обычный человек с обычной жизнью, который не в силах остановить то, что весь мир собирается измениться. Чудовищность ситуации угрожала сломить ее.

— Джослин... — в голосе Колетт слышалось сочувствие.

Джослин подняла взгляд.

— Сейчас, ты чувствуешь, словно находишься в худшем своем кошмаре. Поверь мне... я знаю. Но я не удивлюсь, если однажды ты оглянешься назад и поймешь, что это лучшее из того, что когда-либо с тобой случалось, — она погладила ее по плечу. — Хорошо, давай я налью тебе еще одну чашку кофе.

Колетт встала с барного стула, сделанного из сосны, как и кухонные шкафы, и, налив Джослин вторую чашку кофе, вернулась к стойке, неся маленький поднос со сливками и сахаром.

Джослин вздохнула и расстроено покачала головой.

— Я так не думаю, Колетт, — она нахмурилась. — Слушай, я понимаю, ты любишь своего мужа. И, очевидно, ты хорошего мнения о Натаниэле, иначе тебя бы здесь не было, но ты ничего не знаешь обо мне.

Колетт запустила пальцы в волосы — мягкие локоны средней длины, подпрыгивающие в такт ее движениям.

— Мне не нужно знать тебя, Джослин. Я знаю о Знаке, о том, что он означает, — она сделала паузу, подыскивая правильные слова. — Джослин, ты — судьба Натаниэля, так же как он — твоя. Твоя судьба была решена задолго до рождения. И неважно, произошло бы это сейчас или через год, или десять лет спустя, твое сердце будет всегда искать его, — голос звучал уверенно, — вампир или нет, его душа дополняет твою.

Джослин нахмурилась и отвернулась.

— Как романтично, — усмехнулась она.

Так или иначе, она не верила, что вписывается в эту сказочную чушь.

Колетт не отступала.

— Тогда, — сказала она бодро, — согласишься ты или нет с тем, что я говорю, ты все-таки должна воспользоваться шансом и задать некоторые вопросы, потому что у тебя больше не будет другой возможности, перед тем как... — ее голос резко прервался.

— Перед чем? — спросила Джослин.

Колетт тепло улыбнулась.

— Перед тем как вы с Натаниэлем будете вместе.

Джослин вздрогнула, почувствовав внезапно легкое головокружение, добавила ложку сахара в кофе, отпила глоток и отвела взгляд, пытаясь собраться с мыслями. Она была детективом, чертовски хорошим детективом. С надежными инстинктами и врожденной

интуицией. Колетт абсолютно права в одном: чем больше информации у нее будет, тем лучше.

Она вздохнула и попыталась посмотреть на ситуацию со стороны.

Поставив кружку на стойку, повернулась к Колетт.

— Что именно это за существа? — спросила она с храбростью, которой не ощущала.

Колетт улыбнулась.

— Они... мы... именно то, что сказал Натаниэль.

Джослин положила локти на стол.

— Тогда расскажи мне больше о вампирах — потому что я все еще не уверена, является ли Натаниэль монстром, человеком или кем-то между ними. Я просто знаю, что у него есть слишком много силы.

Колетт держала свои руки на коленях.

— Не монстр — в этом ты можешь быть уверена. Но и не человек тоже, по крайней мере, не такой, как те мужчины, которых ты знала. Натаниэль — мужчина, в котором есть и свет, и тьма. Он способен на удивительную доброту, но... — она сделала глубокий вдох, — он также способен на жестокую месть и насилие, когда это необходимо. Сыновья Джейдона всегда пытаются уравновесить эти две энергии, — она наклонилась вперед, — по моему мнению, сердца Светлых хорошие, очень хорошие, но их характеры дикие.

— Светлые? — спросила Джослин. — Сыновья Джейдона?

— Да... — улыбка Колетт была терпеливой, — есть два вида вампиров, Джослин, и они оба произошли от очень сильной линии магических существ — не просто людей. Светлые — потомки Джейдона... — ее голос внезапно затих. — Я полагаю, тебе пришлось увидеть одного из Темных вчера вечером, потомка Джегера.

Джослин задрожала.

— Существо в зале. Натаниэль сказал тебе об этом?

Колетт кивнула.

— Он хотел, чтобы мы говорили свободно, — она рассеянно смахнула несколько крупиц сахара с барной стойки в свою открытую ладонь и сбросила их на поднос.

— Вампир, которого ты видела, Валентайн Нистор, — она поежилась. — Поверь мне, нет ничего хорошего в таких как он. Он, определенно, монстр.

Джослин кивнула. Тут не требовалось аргументов.

— Что он сделал с той бедной женщиной... — она положила руки на живот. — Почему ребенок прорвался из ее тела вот так? Она ведь была похожа на человека.

Колетт потерла руки, будто ей вдруг стало холодно.

— Я никогда не видела ритуал Темных. На самом деле я думаю, что ты первая, кто когда-либо его видел... так что, возможно, тебе будет лучше спросить Натаниэля, — она вздохнула. — Но я знаю одно: Темные больше похожи на рептилий, чем на людей, они генетически воспроизводят свое собственное потомство. Другими словами, они не требуют от женщин создавать жизнь, они просто используют их, чтобы поддерживать ее.

— Используют? — Джослин побледнела. — Ты имеешь в виду, как инкубатор?

Колетт кивнула.

— Именно. Просто теплое место, в котором может расти ребенок, — она беспокойно поерзала на стуле. — Из того что я слышала, они относятся к телу женщины, как к оболочке... из которой они вылупляются... как из яйца, — она вздрогнула. — Матерь Божья, наверно, это было ужасное зрелище.

Джослин не ответила — не нашла слов; и Колетт, по-видимому, понимала ее. Болезненная тишина повисла между ними, казалось, на целую вечность, прежде чем Джослин, наконец, заговорила снова.

— Тогда расскажи мне, как ты встретила Крестоса, — ей было необходимо оставаться сосредоточенной.

Колетт вздохнула.

— Я встретила Крестоса в Лунной Долине. Он был нашим гидом во время поездки вдоль реки, — ее глаза загорелись. — Я не буду врать, я подумала, что он самый сексуальный из всех, кого я когда-либо встречала, и, честно говоря, до сих пор так думаю, — она отвернулась и покраснела.

Джослин подумала о Натаниэле: его великолепных чертах и крепком теле.

— Да, они, безусловно... великолепны, — само это признание раздражало ее. — Но вряд ли дело только в этом.

— Верно, — Колетт кивнула, оставив ностальгию, вспыхнула понимающей улыбкой и вернулась к своей истории. — В последнюю ночь нашего путешествия мы допоздна заговорились у костра. И ты можешь себе представить, как я испугалась, когда увидела, что небо изменилось в такую прекрасную ночь.

— Как вчера? — спросила Джослин.

— Именно... черное небо, кровавая луна... все остальное. Только созвездие Крестоса — Ящерица.

Колетт протянула свое запястье, и Джослин наклонилась вперед, чтобы рассмотреть странную картину зигзагообразных линий и мистических знаков, которые преобразовывались в форму ящерицы. Она взглянула на собственное запястье, впервые изучая его внимательно.

— Что означают эти знаки?

Колетт протянула руку и провела пальцем по руке Джослин.

— То, что за сотни лет ты единственная из миллионов людей, избранная для Натаниэля, — она наклонилась вперед. — Ты знаешь, самым трудным для меня было осознать одно: божественность всего этого. Понять, что Крестос не выбирал свою судьбу, как и я. Просто так случилось. И так как он не был виноват в произошедшем, то не мог ничего отменить, — она положила локти на бар. — Если ты позволишь дать тебе совет, Джослин, то не осуждай Натаниэля за то, что с тобой происходит. Так будет проще. Он виноват не больше, чем ты. И правда заключается в том, что это происходит и с ним тоже. И ему, наверное, тоже страшно... хотя он никогда этого не покажет.

Джослин откинулась на спинку стула, внимательно обдумывая слова Колетт. Где-то глубоко внутри она понимала их правдивость. Где-то еще глубже чувствовала Натаниэля, будто он уже был ее частью. Сила страсти в его пронзительном темном взгляде, и пламя, что разгоралось от его прикосновений. Все это было просто... слишком...

Ошеломляющим.

— Что если я не хочу этого, Колетт? — прошептала она. — Что если я не хочу его?

Колетт успокаивающе покачала головой.

— Но ты захочешь, Джослин, — она посмотрела ей в глаза. — Я знаю, мои слова прозвучат как абсурд, но эти знаки на запястье скажут тебе больше, чем я. Смотри, ты можешь себе представить рыб, спрашивающих: «Что если мне не нравится вода?» Или птиц, говорящих: «Что если я не хочу летать?»

Джослин нахмурилась.

— Ты понимаешь, о чем я, не так ли? — Колетт мягко вновь перевернула запястье Джослин и указала на Кассиопею. — Ты не должна спрашивать... или пробовать... быть той, кто ты есть, Джослин. Как ты можешь быть кем-нибудь еще?

Джослин глубоко вздохнула.

— Может быть, Колетт, может быть, но я все еще должна знать... — она заставила себя произнести эти слова. — Что будет со мной? Что будет с ним? Если я не захочу этого. Скажи мне правду, Колетт, что если я откажусь?

Колетт встала с барного стула и жестом указала в дальний угол кухни. Светлые подушки лежали на мягкой скамейке у стены, прямо под большим окном. Оттуда открывался вид на восточные скалы и захватывающие дух пейзажи, растянувшиеся насколько хватало глаз.

Джослин была рада встать. Она последовала за Колетт к большому живописному окну и, свернувшись калачиком в углу, лениво смотрела на обрыв внизу.

После того как они обе устроились, Колетт начала с вопроса:

— Ты когда-нибудь изучала древнюю цивилизацию Ацтеков?

Джослин пожала плечами.

— Да... Я думаю, да. А что?

Колетт вздохнула.

— Тогда ты знаешь, что их культура была полна кровавых жертвоприношений, не так ли?

— Да, — ответила Джослин, не уверенная, что ей нравилось, к чему все шло.

Колетт сделала глубокий, успокаивающий вдох.

— Ну, очень давно, предки Крестоса и Натаниэля делали нечто подобное, они приносили своих женщин в жертву богам. Я думаю, они хотели больше силы... больше магии.

— Больше, чем у них уже было? — спросила Джослин недоверчиво.

— По-видимому, так, — ответила Колетт. — Сначала новорожденные, а затем старшие девочки — ну, ты знаешь, девственницы — пока, через некоторое время, не осталось ни одной женщины.

— Ну, это просто блестяще, — пошутила Джослин.

— Точно, — согласилась Колетт.

Джослин подалась вперед, призывая Колетт продолжать.

Колетт выглянула в окно и вздохнула.

— В то время у правителя их народа было два сына-близнеца — Джейдон и Джегер. Легенда гласит, что Джейдон пытался остановить жертвоприношения, но Джегер сошел с ума от жажды крови и отказался поддаться мольбам брата. В конце концов, оба мужчины были жестоко наказаны... прокляты кровью убитых.

— Кровью... убитых? — Джослин приподняла бровь.

Колетт кивнула.

— Вот как они стали вампирами — прокляты собственной жаждой — вынужденные питаться кровью, чтобы выжить.

Джослин вздохнула.

— Это так нереально, — она заставила себя сосредоточиться. — Продолжай...

Колетт хлопнула ее по руке.

— Проклятие, лишившее их способности иметь дочерей. И Проклятие, требующее плату за их грехи: постоянно отдавать сына, как искупление за дочь.

Джослин прижала руку к груди, чувствуя тошноту. Что-то глубоко внутри нее говорило ей остановить женщину... остановить ее, прежде чем она зайдет слишком далеко.

Джосин знала, что ее судьба ждет где-то впереди, и она словно неслась к ней на скорости сто миль в час через темный туннель, ожидая неминуемого столкновения в конце.

— Джослин?

Она слышала, как Колетт зовет ее по имени, как будто издалека.

— Ты все еще со мной?

Джослин почувствовала внезапный озноб и снова посмотрела на Колетт.

— Да, я с тобой. Итак, как же это... жертвоприношение... работает? — она чуть не подавилась этим словом.

Колетт не сходила с пути.

— Дети вампиров всегда рождаются в паре близнецов, — пояснила она. — Два мальчика за раз. И из первой пары один должен быть... передан... древним духам. Для сыновей Джегера это первенец. Для сыновей Джейдона — Темный.

Джослин покачала головой, не веря, и потеряла виски.

— Я не понимаю, — прошептала она.

Колетт вздохнула и нахмурилась.

— Темные... как Валентайн, — начала она, — они потомки Джегера, и их сыновья — близнецы — оба рождаются чистым злом... Всё, чего ты когда-либо боялась в вампирах... и даже более того. Но Крестос и Натаниэль являются потомками Джейдона, и проклятие частично снято с них. У них тоже рождаются близнецы, как и у Темных, но только один из младенцев проклят... злом. Другой — ребенок света.

Джослин оперлась лбом на свои руки.

Они сейчас мчались через туннель на огромной скорости, и столкновение стремительно приближалось. Пытаясь быть смелой, она решила покончить с этим.

— Что именно ты говоришь, Колетт? Пожалуйста, просто переходи к сути.

Колетт оставалась непоколебимой, как всегда. Она смотрела Джослин прямо в глаза, не моргая.

— Кровавая Луна символизирует, что наступает время для принесения требуемой жертвы. Так происходит, когда один из потомков Джейдона находит свою судьбу, женщину, с которой ему предстоит выполнить условия проклятия. Перед тем как пройдет Кровавая Луна, она даст ему сыновей-близнецов — одного, рожденного от света, другого — от тьмы. И Темный будет принесен в жертву.

И вот оно — столкновение — повсюду летят осколки.

Джослин отпрянула, слишком шокированная, чтобы говорить. Потребовалось мгновение, чтобы в полной мере осознать слова Колетт, но как только это случилось, она услышала более чем достаточно.

Она вскочила со своего места, капельки пота выступили в ложбинке между ее грудей, плечи и руки заметно дрожали, когда нечто среднее между недоверием и паникой начало охватывать ее.

— Тогда это то же самое! — крикнула она. — Ты меня обманула! И он тоже!

Колетт выглядела шокированной.

— Я ему нужна, чтобы размножиться для его жертвоприношения. Так же, как тому...

существо... в пещере! Точно так же, как тому монстру! — она была в истерике, ее голос выдавал панику.

Колетт категорично покачала головой. Она вскочила, схватила Джослин за плечи и осторожно потрясла ее.

— Успокойся, Джослин. Если ты не прекратишь кричать, то разбудишь Натаниэля, и тебе придется говорить с ним, а не со мной. Это то, чего ты хочешь?

Взгляд женщины говорил Джослин, что Колетт гораздо больше боялась сама встретиться с Натаниэлем, чем того, что Джослин разбудит его.

Колетт понизила голос и ослабила хватку на плечах Джослин.

— Ты так не права, Джослин, я не очень хорошо все объяснила, и это моя вина, я прошу прощения. Но поверь мне... Натаниэлю ты нужна не только чтобы... размножаться. Ты ему нужна, потому что он уже вечность жил в одиночестве, у него никогда не было ничего и никого, чтобы назвать своим. Ты ему нужна, потому что ты его судьба... судьба... партнер... вторая половинка души. И да, ты можешь дать ему то, что никто во Вселенной никогда не сможет или не захочет: сына, чтобы любить, семью, чтобы лелеять, и будущее, ради которого стоит жить. Ты ему нужна, чтобы любить. И ты ему нужна чтобы... существовать... — голос Колетт был наполнен убеждением.

Джослин сглотнула.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что я нужна ему, чтобы жить?

Колетт вздохнула, помрачнев.

— Джослин, у Натаниэля есть тридцать дней с ночи, когда он увидел Кровавую Луну, чтобы отдать темного ребенка, или он будет уничтожен, и никто не сможет спасти его. И то, через что прошла Далия, покажется прогулкой в парке по сравнению с его смертью. Таково Проклятие Крови. Их наследие. Наше наследие. Оно не может быть изменено.

Грудь Джослин сжалась, и ее сердце заболело. Она не могла дышать.

— Это то, что случилось с братом Натаниэля? — спросила она, ее ум начал соединять все воедино. — Он сказал, что похоронил брата вчера... и та женщина в пещере... она была женой его брата... — понимание озарило ее сердце, как солнце, восходящее над горизонтом. — О Боже, — она опустила обратно на подушку, тяжесть в ее груди была невыносимой. — О Боже.

— Джослин? Ты в порядке? — спросила Колетт.

Голова Джослин кружилась. И она была уверена, что упадет в обморок: редкое, практически неслыханное явление для нее. Такое не просто принять сразу. Предполагалось, что у нее будет ребенок от мужчины, которого она не знала. От вампира. Нет, двое детей! И пожертвовать одним из них, просто отдать его в руки тому злобному... туману... который она видела в пещере. Немыслимо! И что это вообще за дело с тридцатью днями?

— Тридцать дней! — воскликнула она, когда слова, наконец, достигли ее мозга. — Это невозможно! Даже если бы я была достаточно безумна, чтобы... никто не может завести ребенка за тридцать дней.

Колетт прикусила нижнюю губу; на этот раз она молчала.

— Что теперь? — потребовала Джослин.

Колетт покачала головой.

— Не смей! — крикнула Джослин. — Ты уже и так много мне рассказала, теперь расскажи все остальное!

— Было бы лучше, если бы Натаниэль...

— Натаниэль не женщина! — крикнула Джослин, начиная терять контроль, ее голос дрожал от гнева. — Натаниэлю никого не нужно рожать! Колетт, что ты от меня скрываешь?

Колетт схватила Джослин, на этот раз за предплечья, с мольбой в глазах.

— Пожалуйста, успокойся, Джослин, — она нервно огляделась. — Натаниэль будет так зол на меня.

— К черту его!

— Джослин, — Колетт говорила, как с загнанным в угол зверем. — Успокойся. Ты беспокоишься не о том. Поверь мне, тебе на самом деле не придется никого рожать, из всего, с чем ты должна столкнуться, эта часть легкая.

— Легкая? — спросила Джослин недоверчиво.

Колетт вздохнула.

— Когда ты решишь... если ты решишь... иметь детей с Натаниэлем, весь процесс займет всего сорок восемь часов.

Джослин не просто изумилась; она остолбенела. И была полностью готовой к тому, что кто-то разбудит ее в любой момент от этого странного, фантастического сна. Руки закрыли живот в бессознательной попытке защититься.

— Как это возможно? — она запнулась, ужас начинал затмевать все в ее голове.

— Сядь, Джослин, — приказала Колетт, ее собственное лицо заметно побледнело.

Джослин села.

— Прежде всего, да, с момента, когда ты решишь иметь детей, весь процесс займет сорок восемь часов, но это не страшно и не больно. Натаниэль погрузит тебя в состояние похожее на сон, так что ты не будешь чувствовать никаких быстрых изменений в своем теле. Ты не будешь напугана или потрясена.

Джослин подняла руку, чтобы ее остановить.

Этого было достаточно.

Она не могла больше слушать.

Неожиданно Колетт стала суровой и настойчивой.

— Что касается родов, их у тебя не будет. Это так просто, — ее голос был тверд. — Ты видела его силу, Джослин. Ты знаешь, что он может делать, что его вид может делать. Среди прочего они могут растворять свою физическую форму, проходить сквозь стены, проходить сквозь твердые объекты — все в этом роде. Когда время придет, Натаниэль призовет твоих детей из тебя. Ты не родишь своих сыновей, Джослин, они просто дематериализуются и пройдут через матку, когда их призовет отец. Ты даже не почувствуешь ничего.

Джослин смотрела на нее с широко раскрытыми глазами, как ребенок, слушающий причудливые сказки взрослого о волшебных существах и о том, что происходит под покровом ночи. Она повернула голову в сторону и просто дала словам омыть себя рекой абсурда, мягко протекающей сквозь нее... Прокладывающей свой путь в постоянно расширяющиеся неведомые земли, уносящей с собой весь здравый смысл и любые рассуждения.

Она оглядела комнату, ожидая, что сейчас кто-то в белой стерильной форме войдет через заднюю дверь и утащит ее... но сначала сделает ей тяжелую инъекцию какого-нибудь успокоительного. Джослин ущипнула себя, чтобы убедиться, что в самом деле не спит: да, она была еще в сознании и не отказалась бы от успокоительного.

— Джослин... — прошептала Колетт с состраданием во взгляде.

Джослин моргнула, возвращаясь в реальность.

— Я человек, Колетт, другой вид. Как я могу иметь ребенка от... одного из них?

Колетт мягко покачала головой.

— Для одного дня достаточно, Джослин. Я думаю.

— Точно, — Джослин продолжала, — ты больше не человек, не так ли?

Колетт посмотрела в сторону.

— Не так ли?

— Нет.

— Ты... изменилась... до или после того, как у тебя появились дети Крестоса?

Колетт закрыла глаза и едва слышно прошептала:

— До.

Джослин опустила на сиденье.

— Натаниэль должен сделать меня такой, как он?

— Это единственный путь, — подтвердила Колетт.

Джослин рассмеялась, почти истерично.

— Боже мой, он собирается превратить меня в вампира, — она вытерла слезу в уголке глаза и обхватила себя руками, пытаясь сдержать нахлынувшее внезапно веселье. — Хорошо, давай посмотрим, поняла ли я тебя верно: к концу Кровавой Луны я собираюсь проспать свои два дня беременности, а затем Натаниэль позовет наших не рождённых детей.... Интересно как? По сотовому? — она хихикнула. — Эй, я знаю, может быть, он просто напишет им с BlackBerry, — ее голос становился громче, как и ее истерический смех. — И все это, чтобы мы могли выплатить долг куче мертвых, обозленных женщин, прежде чем мы улетим в закат, как нечистые, кровососущие существа ночи — в комплекте с клыками и парой неживых детей. Я тебя правильно поняла, Колетт? — Джослин откинулась на скамейке, обхватив руками живот, и смеялась, пока не заболели бока.

Колетт нахмурилась.

— Не с парой неживых детей, Джослин, а красивых, прекрасных, и замечательных... если ты захочешь их. Детей, которые никогда не будут болеть или умирать. Которые будут любить и уважать тебя, вероятно, больше, чем стали бы твои человеческие дети... и конечно дольше... так как ты тоже будешь бессмертной. И да, тебе придется пройти через короткую беременность и совершенно безболезненные роды. И когда все будет сказано и сделано, ты спасешь жизнь невероятного мужчины... который с готовностью умрет за тебя. Того, кто никогда не будет обманывать тебя или изменять тебе. Того, кто будет любить твоих детей всем сердцем, жить для твоего счастья, и, вероятно, спасет тебя в ответ. Да, я бы сказала, что это повод для истерики.

Джослин наблюдала, как Колетт снова села на скамью рядом с ней. Она выглядела больше разочарованной, чем злой, в то время как они обе смотрели в окно в тишине. Через некоторое время она снова заговорила:

— Скажи, Джослин... я, по-твоему, похожа на нечистое, кровососущее ночное существо?

Джослин замерла. Неуверенная. И немного устыдившаяся.

Колетт отвернулась и подошла к маленькой встроенной полке за пределами кладовой. Она взяла тонкую, красиво оформленную рамку с картиной и принесла ее в уголок.

— Это Кейтаро и Серена Силивази со своими пятью детьми, — сказала она, вручая портрет Джослин. — Родители Натаниэля... его семья. Картина написана почти четыреста восемьдесят лет назад, — она указала на высокого, красивого молодого мужчину с

ослепительной улыбкой и светящимися глазами, он стоял с левого края. — А это Шелби Силивази, младший брат Натаниэля. Тот, которого похоронили вчера, — она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Шелби был самым добрым существом, которое я когда-либо встречала, будь то человек или вампир. Он учил сноубордингу на горнолыжном курорте, а в свободное время давал частные уроки детям с ограниченными возможностями. Я не думаю, что когда-либо видела Шелби без улыбки на лице или слышала от него что-то плохое. У него была вся вечность впереди... — Колетт помолчала. — Просто поддержи ее, Джослин. Посмотри на них. Реши для себя, монстры ли эти люди.

Джослин выпрямилась, чувствуя себя ужасно из-за того, что потеряла контроль.

— Колетт, мне очень жаль, я никогда не имела в виду, что...

Колетт махнула рукой и потянулась погладить свободную прядь волос Джослин, перед тем как положить ладонь на ее дрожащее плечо.

— Джослин, это нормально — бояться. И злиться. И все такое. Просто знай, что это не игра для Натаниэля... или его семьи. И ты, безусловно, не просто какой-то инкубатор.

Джослин почувствовала всю тяжесть слов Колетт, когда в очередной раз посмотрела вниз на картину.

— Они все выглядят ровесниками.

Колетт улыбнулась.

— Бессмертие может сделать это. Двое стоящих справа — это Кейтаро и Серена.

Пара была ошеломляющей. У мужчины была густая грива черных волос, таких же, как у Натаниэля, а у красивой женщины элегантные черты и изящные руки и ноги. Джослин постучала по картине.

— Я узнаю Маркуса и Натаниэля... и теперь Шелби... но кто эти двое других?

Колетт смотрела через ее плечо и, указывая, говорила:

— Рядом с Шелби Накари. Они с Шелби близнецы. А мужчина, стоящий слева от Натаниэля, это его близнец, Кейген.

Джослин изучала картину в мельчайших подробностях.

— Почему у Маркуса нет близнеца?

Взгляд Колетт смягчился.

— Шелби и Накари самые молодые, родившиеся последними. Натаниэль и Кейген родились в середине. Но Маркус был одним из первенцев.

Джослин все еще не понимала.

— Я не понимаю.

— Близнец Маркуса был... Темным... тем, кого они должны были отпустить.

Джослин посмотрела вверх и поморщилась.

— О...

Она спрашивала себя, мог ли Маркус быть темнее других своих братьев из-за такого близнеца.

— И это так со всеми семьями? Со всеми вампирами?

— Со всеми Светлыми, — ответила Колетт. — Потомками Джейдона, — пояснила она.

— Сколько детей у вас с Кростосом? — спросила Джослин, стараясь быть вежливой: независимо от того, что она думала о Натаниэле и ее собственной ситуации, Колетт ничем ей не была обязана и приложила реальные усилия, чтобы ответить на все вопросы... настолько честно, насколько это возможно.

— Только один, — ответила Колетт. — Он сейчас в академии.

Джослин больше ничего не спрашивала.

Она узнала более чем достаточно для одного дня, мысли спутались. Можно было подумать обо всем позже — побеспокоиться и проанализировать.

Она знала, что ее выбор не будет таким быстрым и легким, как казалось поначалу. Ей еще не приходилось держать жизнь другого человека в своих руках... по крайней мере, не так. Одно дело — держать преступника на прицеле, когда его или ее действия, в конечном счете, определяют исход. Но здесь совсем другое, такое, что вызвало бы жаркие дебаты на курсах этики в колледже.

И Колетт была права.

Существовало что-то мистическое между ней и Натаниэлем. Она уже чувствовала это. Было страшно подумать, что в какой-то момент придется с этим разбираться.

— Колетт? — у нее был еще один вопрос.

Как обычно Колетт была бесконечно терпеливой.

— Да?

— Если я не останусь с Натаниэлем... после того как все будет сказано и сделано, я просто не смогу... Натаниэль... заставит меня?

Колетт колебалась, явно обдумывая вопрос.

— Я не знаю, что Натаниэль готов или не готов сделать, Джослин. Так же как я не знаю, какое влияние могут оказать на него Маркус или Наполеан... или любые другие, если предположить, что все сведется к этому... Но я знаю, что он никогда не навредит тебе так, как ты думаешь. Будет он использовать внушение или контроль над разумом... или какую-либо другую форму соблазнения, я действительно не знаю. Трудно сказать, что будет делать человек, когда его жизнь находится под угрозой. Надеюсь, для вашего общего блага, до этого не дойдет.

Джослин не была уверена, что это тот ответ, которого она искала, но, как и все остальное, что сказала Колетт, он был честным.

Она с благоговением провела пальцами по краям масляной картины, словно уже знала людей, так красиво запечатленных на ней. В одном она была совершенно уверена: лицо молодого человека с блестящей улыбкой — Шелби Силивази — будет преследовать ее еще долго после ухода Колетт.

Несмотря на весь ее страх, отвращение и отчаяние, она с трудом могла вынести мысль о том, что то, что случилось с Шелби, произойдет с Натаниэлем.

Сама возможность заставляла ее желудок сжиматься.

Когда Натаниэль вошел в кухню, Джослин все еще сидела в укромном уголке, уставившись на панорамный вид из окна, прижимая руками колени к груди.

— Ты в порядке? — спросил Натаниэль, останавливаясь в дверях. Его большая фигура заняла все пространство.

Джослин посмотрела через плечо и окинула его взглядом.

— А ты как думаешь?

Натаниэль вздохнул.

— Что я могу сделать?

Джослин усмехнулась, хотя в ее смехе не было никакой радости.

— Я не думаю, что ты можешь просто отпустить меня. Возможно, позвонить мне лет через двадцать?

Натаниэль улыбнулся и сделал неуверенный шаг вперед.

— Ты знаешь, что я не могу.

Джослин нахмурилась и прислонилась к окну.

— Ты правда думаешь, что через двадцать лет тебе будет легче? — спросил он.

Джослин пожала плечами.

— Наверное, нет, но, по крайней мере, я бы не переживала все сейчас...

Натаниэль не знал, что ответить. В конце концов, что он мог сказать? Джослин неожиданно оказалась в совершенно чужом мире, и сейчас от нее требовалось гораздо больше, чем многие существа — люди или вампиры — могли бы переварить за такой короткий промежуток времени. Боги, он хотел подойти к ней и обнять ее.

Показать ей, кто он такой. Заставить ее увидеть, что их совместной судьбы не стоит бояться. Но как он мог убедить ее, когда не был уверен сам?

— На что это похоже? — спросила она.

— Прости? — Натаниэль прислонился к стене и скрестил руки на груди; он был достаточно осторожен, чтобы оставаться на безопасном расстоянии от стола — не желая подходить слишком близко.

Она повернулась, чтобы посмотреть на него с нестерпимой грустью в глазах.

— Быть тобой. Каково это, иметь так много власти над другим человеком? — она снова засмеялась, все тем же неискренним смехом. — Я имею в виду, ты быстрее меня, сильнее меня и, насколько я могу сказать, полностью способен управлять мной, если захочешь. Так что мне просто интересно, на что это похоже... быть тобой?

Натаниэль нахмурился и потер подбородок, пытаясь не принимать близко к сердцу ее слова.

— Может быть, я и такой, как ты сказала, но все же ты та, кто держит мою жизнь в своих руках. Это ты будешь определять, смогу ли я когда-нибудь иметь семью... жить так, как только мечтал. Это тебя я ждал на протяжении тысячи лет, — его голос затих, когда реальность его слов настигла ее. — Здесь и сейчас, *mea draga*, все карты у тебя в руках.

Джослин обернулась к нему лицом; она была удивлена его словами.

— *Mea draga*?

— Моя дорогая.

— О, — сказала она, мимолетно встречаясь с ним взглядом, нервно потерла руки и начала говорить что-то еще, возможно, желая еще раз поспорить, но затем, по-видимому, передумала.

Ее взгляд скользнул по небольшой картине маслом, лежащей на столе рядом с ней.

— Я действительно сожалею о твоём брате, — искренне сказала она. — Терять семью, должно быть, трудно.

Натаниэль кивнул.

— Спасибо. Это... очень тяжело. Ты никогда не теряла никого?

Джослин изучала свои ладони.

— Нет. Никогда не было того, кого можно потерять.

Натаниэль закрыл глаза. Боги, если бы она только подпустила его к себе. Позволила держать ее. Прикоснуться к ней. Его член затвердел, и он почувствовал себя зверем из-за такой примитивной реакции. Он вздохнул.

— Теперь есть, Джослин. Есть кто-то.

Ее взгляд был полон трепета, страха и неуверенности.

— Ты знаешь так же хорошо, как и я, что все не так просто. Ты не можешь ворваться в мою жизнь... или мое сердце... независимо от какого-то древнего проклятия. И ты не можешь притворяться, что заботишься обо мне, когда мы только встретились.

Натаниэль не мог больше оставаться в стороне.

Двигаясь молча, он скользнул в уголок, опустился на колени перед ней и потянулся, чтобы взять ее руки в свои. Она начала отстраняться, но колебалась, как будто знала, что это бесполезно. И, конечно, так и было. Нежно прижимая ее тонкие пальцы к своим губам, он поцеловал каждую ее руку.

— Ты можешь в это не верить, Джослин, но я забочусь о тебе... больше, чем ты знаешь. И если бы я мог забрать у тебя это бремя, я бы так и сделал.

В ее взгляде читался скептицизм.

— Если бы ты мог, ты бы отпустил меня?

Натаниэль покачал головой.

— Ты поняла меня неправильно, — он ласкал центр ее ладони пальцами. — Если бы я мог забрать твой страх, твою неуверенность, облегчить ситуацию, я бы это сделал. Но ты моя судьба, знаешь ты это или нет. Как я могу куда-либо отпустить тебя?

Джослин просто смотрела на него, ее красивые карие глаза смягчились, невзирая на дискомфорт.

— Боже, ты так говоришь, будто это правда.

Он отпустил ее руку и мягко провел по линии подбородка пальцами, слегка обхватывая щеку. Она была так невероятно красива — и сильнее, чем он мог себе представить. Эта женщина-воин была просто создана специально для него.

Хотя его сердце болело при виде ее дискомфорта, он не мог не поблагодарить богиню за то, что она, наконец, привела ее домой.

— Ты знаешь, что я хочу больше всего на свете, ангел?

Ее губы чуть-чуть задрожали, и он убрал руку с ее лица.

— Что?

— Сделать тебя невероятно счастливой однажды: забрать всю печаль из твоих глаз и провести остаток своей жизни заслуживая твое доверие.

Глаза Джослин расширились, и она быстро отвернулась, уставившись в очередной раз на бесконечные каньоны.

Натаниэль скользнул на скамью позади нее, и затем осторожно обернул свои руки вокруг ее талии. Он приготовился к ее сопротивлению, ожидая, что его отвергнут, но, когда она просто замерла, как испуганный олень, вложил столько тепла и уверенности в свои прикосновения, сколько смог. А потом осторожно — так осторожно — он положил подбородок на ее шелковистые волосы и просто смотрел в окно вместе с ней, позволяя тишине охватить их обоих.

Через некоторое время ее напряженность стала спадать, и, к его удивлению, она прислонилась к нему. Это едва ли было полным объятием — и далеко от полного одобрения — но он примет это.

Когда она подняла руку и рассеяно положила на его плечо, Натаниэль закрыл глаза и затаил дыхание.

Он не смел нарушать этот момент словами.

Джослин покорно сидела на гладком, современном черном диване внизу в гостиной. Натаниэль властно прижимал ее к себе и с нетерпением ждал, вместе с Маркусом и Кейгеном, появления Накари. Александра, экономка Натаниэля, только что прошла к двери, чтобы поприветствовать его.

Джослин разгладила складки на своей светло-зеленой юбке из хлопка, наблюдая, как шлейф струится по ногам. Подобранный к ней топ с V-образным вырезом и рукавами три четверти сидел на ней идеально, мягко очерчивая плавные женственные изгибы. Это был один из десятка нарядов, купленных Натаниэлем в модном высококлассном каталоге, который Александра оставила для него позднее в то утро. Их немедленно доставили на дом, чтобы у Джослин была возможность выбирать.

Утро прошло в дружественном молчании, несмотря на напряженность ситуации, ошеломляющие последствия произошедшего между ними и того, что постановили «небесные боги».

Зная, что она уже выписалась из местной гостиницы утром, когда пошла к каньонам, Натаниэль просто сделал несколько звонков, чтобы вернуть ее автомобиль в прокат, и настоятельно порекомендовал, в не совсем мягкой манере, предупредить своего босса, что надолго задержится в Лунной Долине. И вот так она стала его пленницей.

Запертая глубоко в скрытой долине скалистых гор с мужчиной, чье желание удержать ее крепко с каждым часом.

Она пообещала, что не будет пытаться сбежать. Что больше не сделает попыток самоубийства. И что останется с ним, когда он будет приветствовать близнеца Шелби, его самого младшего брата, Накари, в своем доме. Натаниэль объяснил, что Накари вернулся из Древнего Румынского Университета его народа. Изначально обучение проходило в самом замке, где жил Король Сакариас, и огромное сооружение стало секретным кампусом в трансильванских Альпах в Европе. Исторический памятник, где потомки Джейдона проводили все свое время со второго столетия по пятое, изучая древние искусства, историю и законы своего народа.

Это был университет, где они совершенствовали навыки владения оружием, оттачивали психические силы, учились манипулировать физическими законами природы... и, в конечном счете, выбирали одну из 4-х дисциплин курса.

Двое, Натаниэль и Маркус, выбрали самый распространённый путь — путь Воинов, тогда как Кейген решил стать Целителем. Но желание Накари стать Мастером Магом удивило всех. И они не знали, чего ожидать от встречи с ним.

Накари вошел в просторную современно-обставленную гостиную с оригинальными произведениями искусства и высокими сводчатыми потолками с массивными балками. Его сила и грация ягуара, подавляющая уверенность и тонкий намек на высокомерие сразу бросались в глаза. В Накари Силивази присутствовала некая царственность, и весь его вид кричал о достоинстве и целеустремленности. Он шел с расправленными плечами и высоко поднятой головой. И в нем было что-то еще... Что-то читалось в его красивых неземных глазах цвета глубокого зеленого леса с золотыми искорками, полных темных секретов и обещаний... Явный намек на обладание миром.

Накари убрал прядь черных, прекрасных, ухоженных волос со своего лица и повернулся,

чтобы поприветствовать братьев, сначала старшего.

— С большим уважением я приветствую потомка Джейдона, Древнего Мастера Воина старшего и самого достойного брата, Маркуса, — он положил обе руки на широкие плечи Маркуса и с уважением посмотрел ему в глаза.

Джослин была уверена, что впервые увидела, как Маркус действительно искренне улыбается, его лицо светилось, и этой улыбки было достаточно, чтобы растопить женское сердце.

— Я приветствую тебя, мой брат, потомок Джейдона и Мастер Маг, — ответил он, с трудом выговаривая слова от нахлынувшей гордости, и сжал плечи Накари.

Оба смотрели друг на друга довольно долго, прежде чем обняться.

Джослин была удивлена такой теплотой между ними.

Следующим он официально поприветствовал Натаниэля, используя все его титулы и выражая свое восхищение. Ответив ему тем же, Натаниэль подождал, пока Накари и Кейген закончат ритуал приветствия, и после обмена любезностями указал в сторону Джослин.

— Накари, я хотел бы познакомить тебя с моей судьбой, — он нашел ее руку и перевернул запястье, открывая странный узор из кругов и линий. — Дочь Кассиопеи, Джослин Леви.

Накари выглядел неожиданно удивленным, будто не слышал эту новость, но затем сверкнул самой потрясающей улыбкой, которую Джослин когда-либо видела.

— Здравствуй, сестра, — сказал он почтительно. — Для меня честь встретить тебя.

Джослин была заморожена, попыталась вернуть ему улыбку и тоже сказать «привет», но вместо этого пробормотала что-то неразборчивое. Смутившись, она отвернулась.

Натаниэль наклонил голову набок и с подозрением посмотрел на нее, еле слышно прорычав предупреждение.

Она подняла на него взгляд, удивленная. Натаниэль был живым воплощением древнегреческого бога. Только выше, темнее и гораздо более красив. Конечно же, он не мог ревновать к своему младшему брату. Эта мысль заставила ее улыбнуться.

Натаниэль сел, властно взял ее за руку и откинулся на большие диванные подушки, в то время как Накари спокойно опустился в огромное черное кресло, прямо напротив них, и положил ноги на пуфик.

Глаза Натаниэля загорелись.

— Скажи, Накари, насколько ты остаешься?

Накари наклонился, его глаза вдруг стали насыщенного цвета изумрудов.

— Я думаю, это зависит от того, что произойдет, — он замолчал, разглядывая Джослин, как бы прикидывая, что можно сказать при ней, но, видимо, решив, что она член семьи, продолжил. — Я говорил с Кейгеном этим утром, он рассказал мне о вашем маленьком воссоединении с братьями Нистор прошлой ночью, — он неловко откашлялся. — Из-за того, что произошло с Далией.

Его брови нахмурились, а уголки губ опустились. На миг завораживающие глаза вспыхнули красным цветом, но затем снова стали нефритовыми. Его гнев был настолько сдержанным, и в то же время таким напряженным, что у Джослин перехватило дыхание, а глубоко внутри появилось беспокойство.

— Я намерен отдать дань уважения моему близнецу, — его голос дрогнул, и ему потребовалась минута, чтобы взять себя в руки. — Посетить место захоронения и поговорить с нашим Сувереном до возвращения в университет, но до тех пор, пока нужен, я останусь.

Он обвел взглядом своих братьев.

— Я могу сказать вам больше: Я не покину Лунную Долину, пока Валентайн Нистор ходит по этой земле.

Маркус сдвинулся в кресле и сложил пальцы домиком, размышляя над словами Накари.

— Я тоже решил, что его преступления не должны остаться безнаказанными. Возможно, мы сможем поговорить с Наполеаном вместе.

Кейген кивнул в знак согласия и повернулся к Маркусу.

— Без или с разрешением Наполеана, это наше право на мечь. Я не собираюсь ждать, пока Нисторы направятся на юг вместе с птицами.

Кейген Силивази был единственным из этих привлекательных братьев, кто имел роскошные волосы глубокого богатого коричневого оттенка, а не цвета воронова крыла. Потрясающие темно-шоколадные глаза, отражали серебряный свет, словно поверхность кристального озера под луной.

Натаниэль крепче сжал руку Джослин.

— Тогда мы все в деле.

Братья кивнули, но прежде чем они продолжили серьезный разговор, в холле раздался громкий звонок и странный шорох у дверей.

Маркус вскочил на ноги, но Накари протянул руку и жестом показал ему сесть обратно. Медленно покачав головой из стороны в сторону, Накари закрыл глаза, глубоко вдохнул и выдохнул.

— Ах да, я бы хотел познакомить вас кое с кем, ребята, — он открыл свои потрясающие глаза.

Все, в том числе и Джослин, повернулись в сторону коридора, ведущего ко входу, ожидая пока гость повернет за угол. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он преодолел всего десять футов. Его появлению предшествовал ряд громких стуков, сопровождаемый свистящим звуком.

Было не ясно, зарычал Маркус или ахнул, когда юный гость, наконец, завернул за угол, но в комнате замолчали все, ошеломленно уставившись на представшее перед ними зрелище.

Мальчик лет четырнадцати или пятнадцати словно вышел из старого фильма о графе Дракуле, одетый в длинный плащ с воротником стоечкой и шелковую белую рубашку, заправленную в мягкие черные брюки. Только было не совсем ясно, на самом ли деле он пытался одеться как вампир или маг... или как джентльмен из средневековья, который потерял свой цилиндр.

Как будто самой одежды не было достаточно, чтобы привлечь ненужное внимание к парнишке, его красивая загорелая кожа была белой из-за ужасного грима, а глаза подкрашены так, что казались кровавыми и демоническими. Его правая конечность выглядела как нормальная человеческая рука, но с левой стороны свисало искаженное черное крыло, как у летучей мыши, тяжело волочащееся следом. Стук. Он сделал шаг ногой. Свист. Он подтащил тяжелое крыло за собой. Стук. Он сделал еще один шаг.

Раздраженно молодой человек бросил свой рюкзак и прошел... протащился... в гостиную.

— Как жизнь? — спросил он всех, при этом посылая особенно извиняющийся взгляд Накари.

Кейген нахмурился, не зная, как реагировать.

Натаниэль просто недоверчиво смотрел широко раскрытыми глазами.

Накари поморщился, глядя в пол.

А Джослин, несмотря на всю ее обеспокоенность ситуацией, пыталась сдерживать смех.

Маркус был тем, кто заговорил первым... с отвращением.

— Что, черт возьми, это такое? И почему, во имя всего мира, ты привез это с собой домой? — его хмурый взгляд остановился на Накари, губы сжались.

Накари печально улыбнулся и указал в сторону мальчика.

— Джослин, братья, я хочу представить вам Брейдена Братиану, сына Дарио и Лили Братиану.

Никто не поздоровался, и тогда Брейден с энтузиазмом помахал рукой.

— Привет всем. Как дела?

Маркус издал низкий, протяжный рык, а затем внезапно бросился на мальчика. Его зубы угрожающе клацнули, в воздухе раздалось шипение, в то время как сине-черные глаза начали краснеть.

Брейден отскочил назад, настолько пораженный, что споткнулся о свое крыло и схватился за стену, чтобы удержать равновесие.

— Маркус! — крикнул Накари, посылая брату суровый осуждающий взгляд, затем повернулся, чтобы посмотреть на Брейдена. — Брейден, что случилось с твоей левой рукой?

Брейден посмотрел вниз и нахмурился, прежде чем пожать плечами.

— Я застрял, — а потом он, гордо задрвав подбородок, воскликнул. — Я пытался перевоплотиться в летучую мышь.

Маркус выглядел раздраженным.

— Да что с тобой, мальчик? У тебя что, какая-то форма недоразвитости?

— Маркус! — Кейген перевел свой взгляд на бесстрастное лицо Маркуса и прищурился.

Натаниэль не мог удержаться от смеха, рассматривая наполовину мальчика, наполовину летучую мышь в своей гостиной. Он повернулся, чтобы взглянуть на Накари, и улыбнулся.

— Судя по всему, мальчишка застрял, Накари, — он высоко приподнял брови, ожидая ответа.

Накари хмыкнул, игнорируя своего старшего брата.

— Почему ты пытался сделать это? — спросил он рассудительно... по-отечески. — Ты слишком молод, и пока еще не обладаешь достаточными знаниями или дисциплиной, чтобы перевоплощаться, — это была простая констатация факта.

Брейден снова пожал плечами, морщась.

— Я не знаю. Я думал, что это будет круто, влететь внутрь вместо того, чтобы войти, понимаешь? Учитывая, сколько в твоей семье Древних Воинов и все такое, — он посмотрел вниз, явно удрученный.

Сердце Джослин смягчилось по отношению к бедному, явно запутавшемуся мальчику.

Кейген был тронут. Он ничего не говорил вначале, просто откинулся на спинку стула с кривой улыбкой на лице. Через минуту или две он, наконец, спросил:

— Ты не можешь измениться обратно? — вопрос прозвучал искренне. С любопытством.

— Я пытался, — вздохнул Брейден с расстроенным и решительным видом.

Он дернул несколько раз крылом, явно пытаясь заставить его свернуться, чтобы начать мысленно перестраивать молекулы и снова обрести полностью человеческий облик. Но оно просто подрагивало, хлопая, неловко заваливаясь на сторону. Чем больше он старался, тем непослушней становилось крыло, пока, наконец, не стало дико дергаться, словно зажило своей жизнью.

Видя, что мальчик довел себя до полного иступления, Маркус потерял терпение.

— Остановись уже! — властная команда прогремела в большой открытой комнате, как раскат грома. — За все прожитые века такого недоразумения я еще не видел!

Брейден выглядел уязвленным... абсолютно униженным.

Очевидно, отчаянно желая сохранить достоинство, он решил зарычать на Древнего Мастера Воина. Оскалился, издав самый ожесточенный рык, выпустил клыки и впился в Маркуса взглядом, в глубине его глаз засветился красный... хотя, скорее грязно розовый, но, по крайней мере, цвет изменился.

Когда его левый клык удлинился на полдюйма, правый так и остался около двух сантиметров и до сих пор изогнутым, Маркус махнул рукой, крайне раздраженный видом дерзкого, неуважительного мальчишки, и отправил один заряд молнии из пальцев в самый кончик носа Брейдена. Остановив всего на волосок от того, чтобы спалить его.

— Маркус! — Натаниэль посмотрел на древнего хулигана с выражением полного неверия на лице, а затем и презрения. — Ты хочешь сжечь мой дом, Воин? — обращаясь к своему младшему брату, он попросил. — Накари, сделай что-нибудь для ребенка... пожалуйста.

Пораженный Брейден словно попал в ужасный кошмар, когда понял, что могущественный древний вампир назвал его ребенком.

Накари махнул рукой, и Брейден просто исчез, превратившись в туман из молекул — быстро перемещающихся квантовых частиц, плавающих в воздухе.

Произнеся несколько слов на латыни и в тоже время сделав странные движения руками, Накари мгновенно превратил Брейдена в летучую мышь с идеально удлиненными клыками и двумя нормальными крыльями. Затем летучая мышь плавно превратилась обратно в плохо одетого мальчика.

Натаниэль с удивлением посмотрел на своего младшего брата.

— Магия, да? — он хмыкнул под впечатлением. — Ладно... Как ты это сделал?

Накари просто улыбнулся.

Брейден посмотрел в пол, его глаза увлажнились. Он был уже оскорблен, а теперь еще и ревновал. Как будто надеялся, что сам произведет впечатление на братьев Силивази, а не Накари. Как будто какой-то хорошо отрепетированный план пошел в корне неправильно.

Джослин не знала, встречал ли Брейден когда-либо настоящего древнего вампира, но было болезненно очевидно, что он хотел одобрения Кейгена, Маркуса и Натаниэля больше жизни. Фыркнув от обиды, он мелодраматично откинул плащ и провальсировал длинными смешными шагами через гостиную к единственному пустому креслу. От резкого разворота его плащ взметнулся в воздух так сильно, что ударил его прямо по лицу. А затем он чуть ли не сел мимо.

Кейген прикусил губу, пытаясь удержаться от смеха.

— Так в чем история? — спросил он Накари.

Маркус покачал головой с отвращением.

— Да... расскажи-ка.

Накари хрустнул костяшками пальцев.

— Ну... как вы, ребята, знаете... я, наконец, завершил свои последние годы обучения. В школе магии каждый должен продемонстрировать исключительное терпение, выполнив поставленную задачу, прежде чем они будут приняты в общество магов — хотя они уже считаются Мастерами Магами нашего народа, — он закатил глаза и покачал головой. —

Джанкилу Лузански дали управлять виртуальным гаремом прекрасных женщин, с заданием не сходить со своего пути... три месяца, — он ухмыльнулся. — Все мы знаем про его слабость. А Нико Дюрсиака послали в Трансильванские горы, чтобы найти одну из потерянных скрижалей Сакариаса; он не будет допущен в общество, пока не вернет ее. Все это очень смелые, достойные задания, — он посмотрел на Брейдена и вздохнул. — Но мне? Нет... Мне было поручено наставлять молодого Брейдена в течение одной полной луны. Его родители приехали в Румынию на отдых на несколько месяцев и решили остаться в гостевом крыле замка. Они пытались найти, чем бы занять Брейдена, когда вдруг одному из старейшин пришло в голову, что этот молодой человек мог бы... помочь мне... в моей эволюции. Судя по всему, они чувствовали, что мне нужно немного больше смирения, — он потер лоб в ужасе. — И вот мы здесь...

Кейген усмехнулся.

— И почему интересно они так подумали, Накари?

— Я не могу себе представить, — добавил Натаниэль, его голос был полон веселья.

Оба брата рассмеялись, но Маркус лишь фыркнул.

— Хорошо, это твоя история. А какая у него история? — он презрительно посмотрел на мальчика.

Брейден выпятил грудь и вызывающе поднял подбородок, но, когда слеза скатилась по его щеке, не смог скрыть своей обиды.

Маркус побледнел и наклонился вперед, насколько мог, чтобы убедиться, что на самом деле это видит.

— О Боже! — сказал он презрительно. — Ты что плачешь? — он смотрел на него совершенно потрясенно.

— Маркус! — на этот раз Джослин попыталась сделать ему выговор... со злостью.

Маркус немедленно повернул голову в сторону, чтобы встретить ее обвиняющий взгляд; глаза вспыхнули, и он был шокирован ее тоном.

Джослин не отступала.

— Перестань быть таким неандертальцем!

Она прокричала слова смело... А потом сразу же спряталась за Натаниэля, позволяя его широким плечам скрыть ее от темноволосого тирана на случай, если тот решит запустить еще одну молнию, но уже в нее.

Кейген и Накари громко рассмеялись, в то время как Натаниэль повернулся, чтобы прикрыть ее своим мощным телом, властно обняв за плечи.

Джослин позволила себе укрыться за его рукой, нуждаясь в защите и чувствуя его постоянное присутствие. Когда она, наконец, набралась смелости, чтобы взглянуть на Маркуса из-за груди Натаниэля, то с удивлением обнаружила слабую, веселую улыбку на его точеном лице, его сине-черные глаза светились теплом, когда он смотрел на нее.

— История Брейдена? — напомнил Кейген.

Накари пересел в более удобное положение и откашлялся.

— Вы, ребята, помните Дарио Братиану, не так ли? Он раньше вел дела на одном из наших тропических курортов на Гавайях.

Кейген кивнул.

Маркус фыркнул.

— Тропические курорты? — прошептала Джослин Натаниэлю, слова слетели с губ, прежде чем она смогла остановить их.

Натаниэль повернулся к ней лицом.

— Лунная Долина — наш основной дом, и многие из наших предприятий находятся прямо здесь, но у нас есть различные временные акции и недвижимость по всей территории Соединенных Штатов, в Европе и Южной Америке. В них дела ведутся в основном группами по управлению имуществом, но периодически кому-то из наших мужчин надоедает однообразие, поэтому он временно идет работать на другое предприятие.

Когда Джослин думала, что ничего уже не сможет удивить ее в этих почти человеческих, но жестоких существах, она ошибалась. Она кивнула и повернулась к Накари.

— Прости, что прервала.

Накари махнул рукой.

— Ничего страшного, — он снова заерзал в кресле. — Так вот, Дарио познакомился с матерью Брейдена на Гавайском курорте, на тот момент у нее уже был Брейден от первого брака, — он посмотрел на Брейдена. — Я думаю, ему исполнилось около пяти лет.

Брейден кивнул.

— Во всяком случае, оказалось, что Лили была истинной судьбой Дарио.

Накари посмотрел на Джослин.

— У Лили был знак Пегаса на запястье, и Кровавая Луна явилась им однажды ночью. Поэтому, когда они, наконец... когда она дала ему сыновей... Пришлось выяснять, что делать с Брейденом.

— Что с ним делать? — спросила Джослин, потрясенная.

Ее тело напряглось под рукой Натаниэля, стоило только напомнить о ее предназначении. Это было унижительно.

— Не так, — исправился Накари. — Как они собирались... строить жизнь вместе... с человеческим сыном.

Натаниэль усилил хватку вокруг плеч Джослин и притянул ближе к себе, явно почувствовав ее растущий страх.

— Все хорошо, ангел, — прошептал он, его слова были наполнены мягкостью и нежностью. — Ты значишь для меня гораздо больше, чем можешь себе представить.

Джослин смотрела прямо перед собой на Накари, но чувствовала теплое дыхание Натаниэля возле уха, как светящийся луч тепла, тонко ласкающий кожу.

— Поэтому, когда Дарио проконсультировался с Наполеаном, — продолжал Накари, — Наполеан сказал ему, что есть хороший шанс, что Брейден может быть обращен.

— Обращен? — спросила Джослин, не удержавшись, и снова перебивая.

— Да, — ответил Накари терпеливо. — Трансформирован... Перевоплощён... Изменен от человека к нашему виду.

Джослин нервно заерзала. Вот оно, снова, постоянное напоминание о том, с чем она столкнулась. Она повернулась, чтобы изучить Брейдена, чтобы попытаться прочесть его выражение лица, зная, что он уже прошел через эту... трансформацию.

Брейден слушал с интересом, словно наслаждался тем, что он, наконец, в центре внимания: каждый думал о нем, но никто не рычал и не бросал молний в лицо. Он не выглядел обеспокоенным напоминанием о своем перевоплощении.

Накари посмотрел на Джослин, ожидая еще одного вопроса.

Когда она промолчала, он продолжил свой рассказ.

— Как я уже говорил, раз Лили биологическая мать Брейдена, они оба делят одну и ту же Небесную кровь. А так как Лили была еще и истинной судьбой Дарио, стало возможным

обратить Брейдена под защитой Пегаса... без какой-либо опасности, что он потеряет свою душу.

— Пегаса? — спросила Джослин.

— Созвездие моего отчима, — вставил Брейден. — Мое Единорог, — он гордо поднял голову.

— Ты уверен, что не осел? — пробормотал Маркус.

Брейден высунул язык и закатил сильно подведенные глаза.

Маркус усмехнулся и наклонился вперед, игнорируя наглый жест.

— Я никогда не слышал ни о чем подобном. А ты, Кейген?

Кейген покачал головой и смахнул темно-каштановые волосы с глаз.

— Нет, я не слышал. Каждая история о попытке обратить человека, не являющегося судьбой, была связана с Темными. И никогда хорошо не заканчивалась... — его голос затих, когда он поймал испуганный взгляд Джослин.

Она начинала чувствовать себя хрупким оленем, пойманным в свете фар. Рука Натаниэля скользнула нежно вверх и вниз по ее руке в успокаивающей ласке.

— Значит, такое возможно? — спросил он, глядя на Брейдена с любопытством.

Маркус посмотрел на ребенка с подозрением.

— По-видимому, нет. По крайней мере, не успешно.

Слова были сказаны без эмоций, но Брейден почти рухнул под тяжестью оскорбления. Он опустил голову на руки.

— Маркус, — прошептал Накари, на этот раз смягчив осуждение в голосе, как будто более мягкий подход мог возыметь больший эффект. — Брейдена обратили успешно. Без сомнений. Но он рос как человек, и для него первые пять лет жизни играли большую роль в формировании, как для нас первые сто. Его тело обладает всеми инстинктами нашего вида, но мозг борется против них, настаивая на использовании привычных нейро-путей и других, больше не использующихся... и все же автоматических реакций... Делать то, что для нас естественно, — для него постоянная борьба.

Накари успокаивающе улыбнулся Брейдену.

— И, как большинство людей, Брейден нетерпелив. Он не понимает, что эти вещи занимают много времени и практики... но он к этому придет со временем.

Лицо Брейдена осветилось.

Джослин нахмурилась, явно запутавшись.

— Я не понимаю. Как может мать Брейдена... превратиться... без каких-либо проблем, в то время как Брейден сталкивается с такими трудностями? Я имею в виду, они оба провели свои годы становления как люди, не так ли?

Она, очевидно, спрашивала не о Лили. Суть была в том, что она провела всю свою жизнь в качестве человека, и ей нужно было услышать, что судьба вампира всегда обращалась успешно. Всегда.

Накари посмотрел на Натаниэля, словно спрашивая разрешения говорить.

Маркус об этом не беспокоился.

— Потому что кровь Брейдена был лишь частично Небесной — половиной Лили Другая часть была человеческой — половиной его биологического отца.

Джослин приподняла бровь, все еще не понимая.

— Кровь Лили никогда не была точно такой же, как у других людей, с самого начала. Она была создана для Дарио, так что она родилась... совместимой, — объяснил Маркус.

Джослин прокручивала слова огромного мужчины у себя в голове.

— Что ты говоришь? Как может наша кровь быть другой? Я человек. Моя кровь человеческая, — впервые она заставила себя удержать зрительный контакт с пугающим взглядом ожесточенного вампира.

— Это означает, что, в то время как у тебя может быть много вопросов о нашем виде, ты уже гораздо ближе к нему, чем ты думаешь, — сказал он прямо.

Джослин побледнела, потрясенная самой идеей, что, видимо, раздражало Маркуса.

— Ты не настолько человек, насколько ты считаешь, Джослин! Вот и все, — голос Маркуса был сильным и непоколебимым.

— Маркус! — на этот раз Накари, Натаниэль, и Кейген сказали это в унисон.

Натаниэль мягко провел рукой по волосам Джослин, накручивая небольшие пряди волос на пальцы.

— Небесная кровь — это священная кровь, Джослин. Избранная Древних. Это означает что ты родилась другой... особенной... Вот и все.

Джослин вздохнула и обратила внимание на Маркуса, который наблюдал за Брейденом.

— Ну, я все еще думаю, что что-то пошло не так. Я никогда не видел, чтобы кто-то настолько сильно хотел быть вампиром, и у него так ужасно получалось!

На это Брейден встал, расставив ноги на ширине плеч, скрестил руки на груди и закрыл глаза. Ко всеобщему изумлению на его месте появилась маленькая летучая мышь. Пролетев в угол комнаты, он просто завис там вниз головой, повернувшись спиной ко всем.

Маркус боялся спросить, но, очевидно, не мог с собой ничего поделаться.

— Что, черт возьми, он делает сейчас?

Накари просто вздохнул.

— Он дуется.

«Я в пещере бэтмена!» — мысленно прокричал Брейден.

С рукой Натаниэля, твердо лежащей на ее руке, Джослин была в состоянии слышать телепатические слова так же ясно, как и все остальные в комнате. Она покачала головой, просто наблюдая за разворачивающейся драмой.

— Пещера бэтмена? — спросил Кейген вслух.

«Да, ты знаешь, летучая мышь плюс человек — равно бэтмен! Как Бэтмен и Робин!»

Маркус явно был сыт по горло этим странным ребенком. Он встал и скользнул прямо к висящей летучей мыши.

— Бэтмен и Робин не были вампирами, Брейден!

Изящными движениями руки он создал непреодолимый барьер вокруг маленького висящего грызуна, блокируя его в углу, как заключенного в камере... Перекрывая все передачи звука и мыслей. И только чтобы пока не видеть это недоразумение, он создал барьер невидимости, что сделало его полностью изолированным.

Накари начал вставать, чтобы прийти на помощь молодому мальчику, когда вдруг отшатнулся, как будто был поражен в грудь невидимой рукой, и сел обратно на свое место. Когда он поднял голову, Маркус уставился на него холодными, пустыми глазами, и жестокое, гортанное предупреждающее рычание исходило глубоко из его горла.

— С меня хватит этого ребенка, — прорычал он. — Мальчик глуп, неуважителен и ужасно не дисциплинирован. И если он хочет быть с настоящими вампирами, ему лучше узнать свое место.

Было совершенно ясно, что Брейден останется в углу, пока Маркус не отпустит его.

Накари окинул Маркуса выразительным взглядом и, скрестив руки на груди, опустился глубоко в кресло.

Никто не посмел сказать ни слова.

Незнакомец появился поздно вечером.

Хотя они переместились на верхний балкон, чтобы насладиться свежим ночным воздухом, четверо братьев все еще говорили, вновь узнавая о жизни друг друга, и вспоминали старые времена. Молодой Брейден спал в своей... пещере бэтмена... где они благополучно оставили его по-прежнему висеть вниз головой, в то время как Маркус, Кейген и Накари комфортно расположились на шезлонгах, а Джослин прислонилась к перилам. Натаниэль стоял неподалеку на случай, если у нее возникнут какие-то более дикие идеи, чем прыжок через перила.

— Простите, сеньор Силивази? — голос экономки Натаниэля отвлек его внимание от Джослин.

— В чем дело, Алехандра?

— Шериф округа и другой джентльмен хотят видеть вас, — ее глаза вспыхнули с беспокойством, когда она указывала на двух мужчин, стоящих немного позади.

Прежде чем Алехандра успела отойти, оба господина вышли на террасу. Они слегка задели ее, проходя мимо, и остановились в паре шагов от Натаниэля и Джослин. Раздраженная экономка, закатив глаза и пробормотав что-то по-испански, развернулась и ушла, чтобы вернуться к работе.

Маркус, Накари и Кейген немедленно встали, но Джослин была первой, кто заговорил.

— Тристан! Какого черта ты здесь делаешь?

Натаниэль быстро обернулся и встал прямо между своей судьбой и высоким, крупным человеком, который возвышался рядом с местным шерифом, излучая зловещую ауру власти и силы.

— Ты знаешь этого мужчину? — спросил Натаниэль, внимательно глядя на Джослин.

Она кивнула, ее рот приоткрылся... лицо стремительно побледнело.

— Мне действительно жаль, что приходится беспокоить тебя, Натаниэль, — произнес шериф Томпсон. — Но боюсь, что тебе придется ответить на несколько вопросов друга твоей девушки.

Натаниэль знал Джека Томпсона уже много лет, и, не считая очень важных вопросов, шериф всегда давал ему и остальным Силивази полное господство над долиной.

— О чем?

— Всего один или два вопроса о ее визите, — мужчина взглянул на Джослин, а затем кивнул Маркусу. — Рад видеть тебя, Маркус.

Маркус склонил голову в сторону шерифа, но ничего не сказал.

— И тебя, Кейген.

Кейген последовал примеру брата.

Шериф вздохнул, заметив нарастающее напряжение между братьями Силивази, удивленной женщиной и высоким белокурым незнакомцем.

— Приятно видеть вас дома, Накари, — он отвел взгляд, — я сожалею о вашей утрате.

Накари кивнул, не выражая никаких эмоций.

— Спасибо, Джек.

«Натаниэль, — произнес он телепатически, — разрушь свою связь с Джослин».

Натаниэль немедленно переместился, разрывая контакт со своей судьбой. Ситуация

становилась опасной, и братьям была нужна открытая линия связи, чтобы не волноваться о Джослин, которая могла их подслушивать.

Как только Натаниэль сдвинулся, Накари закончил свою мысль:

«Блондин — охотник!»

Натаниэль кивнул, почти незаметно.

«Я уже знаю, Накари».

Низкое рычание донеслось с другого конца террасы.

«Это оборотень, ясно! Я чую его даже отсюда».

Маркус уже встал в боевую стойку.

Натаниэль поднял руку, предупреждая своих братьев, чтобы отступили назад.

— Вы двое знаете друг друга? — спросил он Джослин, следя за высоким белокурым мужчиной с четким, безошибочным предупреждением в глазах.

Охотник улыбнулся с беззаботным видом. Он носил пару поношенных синих джинсов, потертые, коричневые ковбойские сапоги и простую черную рубашку на пуговицах. Его взъерошенная копна светлых волос, спадающая на спину завитками с золотыми и темно-рыжими прядями, напоминала гриву льва. Глаза были странного, запоминающего цвета лесного ореха, и он менялся от проникновенно-желтого до темно-янтарного... когда его пристальный взгляд смотрел слишком покровительственно на Джослин.

Джослин продолжала таращиться на крупного мужчину, как будто боялась ответить на вопрос.

— Мы... мы... работаем вместе. Тристан мой напарник в Сан Диего.

Натаниэль и Маркус обменялись заинтересованными взглядами.

«Почему этот охотник знает твою женщину?» — мысленно спросил Маркус.

«Хороший вопрос».

— Тристан? — Натаниэль повторил имя, ожидая официального представления.

Это сделал шериф.

— Натаниэль, это Тристан Харт. Тристан, это Натаниэль Силивази.

Охотник хитро улыбнулся.

— Приятно познакомиться... Силивази, — низко прорычал он и вместо того, чтобы предложить рукопожатие, сложил руки на груди.

— Аналогично, — прошипел Натаниэль.

Мышцы его спины и плеч сводило от напряжения, губы подрагивали, чтобы не обнажить клыки.

Шериф, следящий за обоими мужчинами со страхом, сделал глубокий вздох. Его короткие каштановые волосы взмокли на лбу чуть ниже шляпы с полями, он начал понимать, что назревает проблема.

— Тристан беспокоился за...

— Джослин, — закончил Натаниэль.

Он хорошо знал, что Джек Томпсон не дурак; шериф должен был понять, что вступил в центр пороховой бочки.

— Джослин... — повторил шериф, предварительно улыбнувшись ей.

Он потер подбородок тыльной стороной ладони и оценил всех четырех братьев своими тусклыми карими глазами, пытаясь определить степень волнения каждого. Тогда он откашлялся и постучал носком жесткого черного ботинка по полу, терпеливо наблюдая за Натаниэлем, чтобы увидеть его реакцию.

Натаниэль заставил себя расслабиться.

— Как давно вы вдвоем работаете? — он обратился напрямую к Джослин.

Джослин моргнула, словно вышла из транса.

— Около трех лет, — ее голос был едва слышен.

Тристан улыбнулся еще раз, со слишком большим удовольствием.

— Достаточно долго, чтобы знать, что мой напарник не сбежал бы на какой-то горный курорт и не пришел бы в дом полный незнакомцев, — его взгляд остановился на Джослин. — Джосс, я пришел сюда с шерифом, чтобы забрать тебя.

Натаниэль почувствовал, как сжались мышцы его живота. Он утихомирил свой разум и успокоил дыхание, несмотря на желание вырвать глотку высокомерного мужчины.

Джослин побледнела, ее глаза немедленно встретились с глазами Натаниэля.

Маркус устремился вперед и встал рядом со своим братом. Накари расположился сбоку с другой стороны, а Кейген бесшумно скользнул к дверному проему, блокируя единственный выход своим сильным мускулистым телом.

Взгляд шерифа нервно метался от одного мужчины к другому, когда он тихо отстегнул ремешок на своей кобуре.

— Ладно, теперь, парни... давайте... все успокоимся.

Тристан улыбнулся, отбросив назад густую гриву волос, и кашлянул. Незамедлительно окружающий лес отозвался жутким звуком: послышалась серия длинных, жалобных завываний в ответ Тристану, раздаваясь от одного конца каньона к другому.

«Он заполнил нашу долину охотниками!»

Маркус нахмурился.

«Люди не готовы к такой атаке», — предупредил Накари.

Натаниэль впился взглядом в Тристана и молниеносно обнажил клыки.

— Моей леди не нужен такой эскорт. Итак, почему бы вам просто не развернуться и не убраться отсюда? — он предлагал ему выход... всего один выход.

Он повернулся к шерифу.

— Джек, я думал, ты умнее.

Джек Томпсон вздохнул.

— Натаниэль, если гражданин делает заявление, я должен рассмотреть его, — беспокойство в его голосе было очевидным.

— Какого рода заявление? — прошипел Кейген.

— Мм... о пропавших людях, — ответил неохотно Джек.

— Ну, как видишь, здесь нет пропавших, — низкий голос Накари источал яд.

Джослин, нервно заправив волосы за ухо, смотрела под ноги, плечи дрожали. Натаниэль мягко провел подушечками пальцев по ее щеке и нахмурился, когда ее тело напряглось в ответ на его прикосновение.

Тристан проследил взглядом за нежным жестом и посмотрел с негодованием на Натаниэля.

— Я думаю, что леди может говорить сама.

Натаниэль предупреждающе зарычал.

Джек посмотрел вниз, прежде чем перевести взгляд прямо на Натаниэля.

— Натаниэль, ты не возражаешь, если я поговорю с... Джослин... напрямую, не так ли? — в его глазах была просьба. — Чем раньше мы закончим, тем раньше я оставлю вас одних, парни.

Натаниэль медленно наклонял голову из стороны в сторону, напрягая мышцы спины и шеи. Он изо всех сил пытался успокоить восстающее чудовище внутри себя, желая остаться объективным. Он не мог определить возраст оборотня, но тот был довольно внушительным. Защита Джослин зависела от того, насколько быстро мужчина мог изменять форму. Если Тристан примет решение ударить ее первой, чтобы ослабить Натаниэля... Даже рядом с братьями, оборотень слишком близко к его женщине. Напарник или нет, Тристан — охотник, и он сделает все необходимое, чтобы убить свою добычу. Вдобавок ко всему, в долине не нужен мертвый или раненый шериф, а у них точно не было бы времени, чтобы принимать во внимание человека, если жизнь Джослин находилась в опасности.

Натаниэль поделился своими мыслями с братьями:

«Если этот оборотень — напарник Джослин, то он, должно быть, учуял ее Божественную кровь, когда встретил, и присоединился в надежде, что она приведет его к одному из нашего вида».

Накари установил зрительный контакт с Натаниэлем.

«Прошел почти век с тех пор, как последняя стая оборотней побывала в нашей долине».

Раса вампиров всегда была предельно осторожна, прячась от своих постоянных врагов — человеческого общества и оборотней. И у братьев Силивази остались яркие, но ужасные воспоминания о том, что произошло в прошлый раз. Натаниэль заставил себя сфокусировать внимание на настоящем.

Посл раздавшегося из леса звука, требующего ответа, Накари продолжил.

«Я насчитал по крайней мере двадцать мужчин. Тристан, очевидно, их Альфа, и он разместил солдат по всей долине, чтобы застраховать безопасное отступление с Джослин. По какой причине, я не уверен: она выполнила свою миссию, привела охотника к его добыче — зачем забирать женщину сейчас?»

«Возможно, у него нет намерения начинать войну, — предположил Маркус. — Возможно, он приехал только, чтобы убить Натаниэля. Если он сможет забрать Джослин и... избавиться от нее... он убьет Натаниэля вместе с ней. Возможно, этого достаточно. Смерть одного Древнего Мастера Воина была бы большим подвигом. И высокой честью в пределах Общества Оборотней».

«Я тоже так думаю, — согласился Кейген. — Оборотни желают войны с нами не больше, чем наши Темные братья; бета мужчины не идут ни в какое сравнение с нашими воинами. Фактически, понадобилась бы половина его солдат, чтобы победить одного Натаниэля. Нет, опытный оборотень-охотник сначала продумывает стратегию. Этот стремится поразить одного Древнего Воина самым, возможно, легким способом... забирая его женщину».

Непроизнесенное имя повисло в воздухе.

Шелби.

Натаниэль посмотрел на Джека Томпсона.

— Спрашивайте все, что вам нужно, шериф.

Джек Томпсон прочистил горло.

— Я прошу прощения за беспокойство, мисс... Джослин... но ваш друг думает, что вас удерживают здесь без вашего согласия.

Джослин с трудом сглотнула, очевидно, рассматривая все возможные варианты; ее взволнованный взгляд метался между Тристаном и Натаниэлем, как будто она пыталась вычислить потенциальные результаты.

И Натаниэль мог чувствовать запах ее страха, когда она сделала шаг назад.

— Нет, офицер... я в порядке, — ее голос был дрожащим и неубедительным.

— Вы уверены? — спросил шериф, уловив ее сомнение.

Джослин кивнула, уставившись в пол.

— Да... конечно.

Тристан сразу же двинулся вперед, и все братья почти кинулись на него. Шериф Томпсон тут же выхватил свой пистолет из кобуры.

— Отойдите назад, Тристан. Леди сказала, что она в порядке.

Тристан проигнорировал предупреждение шерифа и остановился, едва касаясь плеча Джослин, вглядываясь в ее глаза.

Его золотые зрачки сузились.

— Джослин, слушай меня внимательно. Ты можешь уйти отсюда. Я точно знаю, чего ты боишься, и я клянусь своей жизнью, тебя никто не остановит. И ты не должна переживать за мою безопасность, — он посмотрел сначала на Натаниэля, потом на Маркуса, Накари и, наконец, Кейгена, прежде чем вернуться к Джослин.

— Моя кровь не будет пролита сегодня, как и твоя. Верь мне.

Натаниэль обнажил клыки и издал низкое, гортанное шипение, не заботясь об ошеломленном взгляде на лице шерифа Томпсона: он сотрет его память позже.

Шериф вскрикнул и отскочил назад, держа пистолет потной рукой. Его взгляд метался по террасе, следя за каждым Силивази.

— Что за черт!!! — заорал он.

Хорошо... возможно, лучше будет это сделать сейчас. Натаниэль махнул рукой и стер память шерифу, возвращая его к вопросу Тристана.

— Пойдем со мной, Джосс, — повторил Тристан.

Джослин колебалась, и впервые Натаниэль видел нерешительность в ее глазах. Она заламывала руки — видимо, пытаясь взвесить чудовищность прошедших сорока восьми часов в течение нескольких секунд — ее растущая связь с Натаниэлем боролась с сильным чувством самосохранения.

Глаза Маркуса вспыхнули красным, и он сдвинулся с места.

— Не будь так уверен в себе, охотник.

Он был таким же напряженным, как свернутая в кольцо змея, готовая напасть в любой момент.

Шериф опустил свое оружие, очевидно, стараясь разрядить обстановку.

— Охотник? — повторил он, не поняв истинного значения слова. — Вы приехали сюда на сезон охоты? — его тон был низким и удивительно ровным, явно для того, чтобы успокоить мужчин.

Тристан элегантно улыбнулся, его голос был полон высокомерия.

— Точно, шериф. Я алчный охотник, — он уверенно встретил угрожающий взгляд Маркуса.

Угол рта Маркуса приподнялся в злой усмешке, и низкое шипение, похожее на шипение гремучей змеи, слетело его губ. Он жаждал, чтобы оборотень сделал движение.

— Ну, — возразил шериф, — тогда вы знаете, что у вас должно быть разрешение, если планируете охотиться в первом сезоне; мы не слишком любезничаем с браконьерами здесь, — это была жалкая попытка разрядить обстановку.

— Конечно, — ответил Тристан, — столько правил и ограничений, чтобы их все

запомнить... Кажется, только медведи и волки могут охотиться свободно в эти дни.

Он прищурился и пристально посмотрел на Натаниэля.

Натаниэль изогнул брови.

— Насколько я помню, многие породы волков сегодня являются вымирающими видами.

— Возможно, потому что они так легко выслеживают и убивают друг друга, — прорычал Маркус.

Тристан пожал плечами.

— Возможно... но таков закон выживания в стае, — он оглянулся и потер подбородок большим пальцем, задумчиво осматривая всю долину. — Не было бы интересней, если бы волки охотились на людей? Я думаю, что если бы был вожаком стаи, то поставил бы по одному волку у дверей одиноких женщин, и у домов, где есть дети, в районе мили... просто чтобы держать моих врагов в напряжении.

Шериф Джек Томпсон прикусил нижнюю губу и разочаровано покачал головой.

— Что за чертовщину вы несете? — вопрос был явно риторический. Он повернулся к Тристану. — Мы не охотимся на волков в этих горах, и наши волки не охотятся на нас, поэтому, если ты серьезно говоришь о первом охотничьем сезоне, то лучше бы это была лань или олень.

Тристан отсалютовал шерифу.

— Я бы никогда не нарушил закон, сэр.

Натаниэль мысленно связался с Наполеаном Мандрагором и сразу же отправил ему информацию. Присутствие сильного лидера ощущалось мягкой, но явственной энергией в воздухе вокруг них. Суверен, как опытный генерал, находился на задворках мыслей Натаниэля, терпеливо ожидая, чем закончится ситуация.

Шериф повернулся к Джослин.

— Мисс, вы бы хотели уйти с нами?

«Она уйдет только через мой труп», — прорычал Маркус, ясно давая понять братьям, что произойдет, если она примет неверное решение.

Джослин бросила быстрый взгляд на Натаниэля, в ее красивых карих глазах засветилась тревога, и затем она повернулась назад к Тристану.

— Как ты нашел меня здесь? Только мой информатор знал, где я.

Тристан пожал плечами.

— Я знаю. И капитан собирается надрать тебе зад за такой тупой ход, но, к счастью для тебя, я знал, кто твой информатор. Всегда знал.

Джослин выглядела удивленной словами своего напарника и искренне раздираемой всей ситуацией. Еще раз Натаниэль нежно положил руку на ее плечо.

— Джослин, этот человек не тот, кто ты думаешь.

Джослин выглядела потрясенной.

Сконфуженной.

И более чем просто напуганной.

Она откашлялась и заставила себя посмотреть на Натаниэля.

— Я знаю Тристана уже три года, — она остановилась, словно пыталась найти в себе силы. — А тебя не более трех дней, — покачав головой, Джослин повернулась спиной к Тристану и посмотрела прямо в лицо Натаниэля. — Возможно, лучшее, что я могу сейчас сделать — это уйти ненадолго. Одна. Туда, где смогу все обдумать без постороннего... влияния, — она устала в пол, стыдясь.

Натаниэль чувствовал себя так, словно весь воздух разом выбили из его легких. Его глаза горели, и он знал, что они становятся красными. Он думал, что был готов принять такое решение, особенно учитывая тот факт, что они так мало времени пробыли вместе, но слышать, как эти слова слетают с ее уст, было совсем по-другому.

Он смотрел на ее густые каштановые волосы с невероятно мягкими, шелковистыми локонами... бледно-зеленые крапинки в ее карих глазах... красивый изгиб шеи, мягкий, нежный выступ ее подбородка и почти аристократические линии высоких скул. Эта женщина была его судьбой, он ждал ее на протяжении сотен лет, и единственное препятствие между ними — это мир и жизнь после смерти. Тем не менее, она решила отправить его на смерть так просто...

Перед его братьями.

Перед его смертельным врагом.

Никогда ни воин, ни охотник, ни сын Джегера не ранили его так глубоко.

Натаниэль не пошевелился, даже не моргнул.

— Делай, что должна, — он убрал руку с ее плеча и отвернулся.

«Она никуда не пойдет», — отрезал Маркус, едва сдерживая ярость.

«Маркус, ты слышал охотника, — умолял Накари. — У него волки у домов наших людей, готовые напасть на женщин и детей, если ему будут каким-либо образом угрожать. Мы должно учитывать это».

«А что насчет твоей плоти и крови? Твоего брата!» — потребовал Маркус.

«Моя кровь и плоть? — вскипел Накари. — Прямо сейчас, даже когда мы говорим о Натаниэле, плоть от плоти моей, кровь от крови моей и близнец от души моей лежит глубоко в холодной бесплодной земле, и я уверен, что все хорошее, светлое и достойное во мне лежит там, вместе с ним, поэтому не напоминай мне о моем брате, Маркус! Я прекрасно знаю, что поставлено на карту».

«Решение должно быть моим, — сказал Натаниэль, Древний Мастер Воин. — Накари и Кейген оба ожесточенные бойцы, но Накари был обучен как маг, а не воин, а Кейген — наш целитель. Если наши мужчины вступят в бой этой ночью... если я или Джослин будем ранены... он должен быть где-то, где безопасно, далеко от боевых действий. Я не могу рисковать жизнями наших людей из-за моей собственной».

Джослин выглядела так, будто физически была поражена его словами.

— Натаниэль, я... Я честно не знаю, что должна делать.

— Ты знаешь, как переставлять одну ногу перед другой, — настаивал Тристан. — Возьми меня за руку и позволь отвести в тот мир, которому ты принадлежишь. Не бойся.

Шериф выглядел ошеломленным. Удивленным тем, что она на самом деле думает об уходе. Он изучающе посмотрел на Натаниэля... затем на Тристана... и, наконец, снова на Джослин, прежде чем, запинаясь, сказал:

— Мадам, вы... — он откашлялся. — Хотели бы вы... предъявить обвинения?

— Обвинения? — зарычал Маркус, теряя хладнокровие. — За что? Я уверяю тебя, Джек ты не хочешь, чтобы эта семья стала твоим врагом.

Натаниэль положил руку на плечо Маркуса. Джек Томпсон съежился и отступил, его колени почти тряслись, пока он ждал ответа от Джослин.

— Нет! Нет... абсолютно нет, — сказала Джослин, ее глаза наполнились слезами. — Тристан, просто давай уйдем, — ее слова прозвучали шепотом, когда она потянулась к руке охотника.

На этот раз уже Маркус и Накари удерживали за плечи Натаниэля.

«Натаниэль? — голос принадлежал Наполеану Мондрагону, их верховному правителю. — Я предупредил стражей и призвал совет Мастеров Воинов. Женщины и дети уже в безопасном месте, и Джульен Лакаста, наш лучший следопыт, уже на пути к твоему дому, чтобы... вернуть Джослин».

«Он намерен убить ее», — сказал Натаниэль холодно, полностью осознавая, что решение, которое он принял, приведет к тому, что он пожертвует собой и жизнью Джослин ради своего народа.

Свою смерть он мог принять.

Но не ее.

Последовала небольшая пауза.

«Нет, я не думаю, — пробормотал Кейген. — На самом деле я уверен, он не станет, по крайней мере, не сразу».

«Откуда ты знаешь?» — потребовал Маркус.

Кейген вдохнул.

«Его запах. Не просто запах волка, а альфа-самца, который метит свою территорию. Он посылает сигналы своим бетам... давая понять, что она принадлежит ему. Потому что я чувствую его возбуждение. В первую очередь он хочет ее».

Натаниэль бросился вперед и схватил оборотня за горло до того, как Тристан смог двинуться... до того, как его братья смогли удержать его... вдавливая пальцы глубоко в горло мужчины.

Он придвинулся так близко к охотнику, что их носы почти соприкасались, и его трясло от усилий сохранять контроль. Лес мгновенно ожил под звуками воя разгневанных волков, а Наполеан заполнил разум Натаниэля теплым обволакивающим спокойствием, в то время как Накари начал плести заклинание, чтобы усмирить ярость брата.

— Тронешь хоть один волос на ее голове, и я разорву тебе на куски, охотник. Бог свидетель, я буду срывать кожу с твоего тела по одной полоске за раз, и вырву твое сердце через горло. Мы поняли друг друга?

Шериф Томпсон выглядел растерянно.

— Господи, Натаниэль! Отпусти его, — он начал поднимать свое оружие, но Маркус двигался так быстро, что шериф не увидел его приближения.

Он вырвал пистолет из руки шерифа, вынул обойму, и бросил его Кейгену раньше, чем Джек понял, что произошло.

— Не вмешивайтесь, — прорычал Маркус. — Женщина уходит, — он разжал руку Натаниэля на горле Тристана и оттащил своего брата назад.

Натаниэль стряхнул с себя ярость и опустил глаза, чтобы взглянуть на Джослин в последний раз. Его челюсть была сжата, губы не скрывали удлинившиеся клыки.

— Это все, шериф?

Джек Томпсон выглядел как человек, который только что сошел с американских горок и все еще не мог поймать равновесие. Он оглядел балкон в поисках пистолета и заметно побледнел, увидев, как Кейген протягивает его ему.

— Что-за-черт... — эти слова он пробормотал себе под нос и поспешил забрать оружие, а затем просто стоял в оцепенении, уставившись на всех четырех братьев Силивази, будто видел их впервые.

— Это все, шериф, — повторил Натаниэль.

Джек Томпсон указал на дверь и быстро подтолкнул Джослин и Тристана вперед. Тристан криво улыбнулся, и его глаза сверкнули янтарем.

Не удержавшись, Джослин оглянулась на Натаниэля в последний раз. Когда их глаза встретились, она выглядела так, будто только что увидела призрака... как будто была в трауре... и весь ужас происходящего отразился на ее лице.

Медленно отворачиваясь, она прижала руку к животу и почувствовала, как слеза катится по щеке.

Серебристый внедорожник едва отъехал, когда полный паники голос Накари раздался с первого этажа из гостиной.

— Маркус! Ты отпустил Брейдена?

Натаниэль и Маркус вошли в комнату одновременно.

— Нет, я как раз собирался прийти за ним, — ответил Маркус. — А что?

Сердце Накари пропустило удар, но его голос оставался твердым.

— Его здесь нет.

— Что ты имеешь в виду, его здесь нет? — Маркус вспыхнул, быстро пытаясь убрать свою сдерживающую клетку.

Накари разочарованно вздохнул.

— Я маг, Маркус. Я знаю, как убрать клетку. Его здесь нет!

Маркус отступил, явно в шоке, рассматривая пустое пространство собственными глазами. Клетки уже не было. Ограждение было открыто. И летучая мышь исчезла.

— Кейген! — позвал он.

— Нет, — ответил Кейген, быстро входя в комнату, — я тоже его не освобождал.

Желудок Накари сжался.

— Мы должны найти его!

Все четверо мужчин начали обыскивать дом, быстро переходя из комнаты в комнату.

Через несколько минут они снова встретились в фойе, и Накари наклонился, чтобы поднять красный спортивный рюкзак Брейдена.

Сразу за молнией был сложенный лист бумаги: «Я не кукла! И я вернусь, когда вы все сможете меня уважать».

Накари скомкал бумагу, бросил ее через фойе и подошел к окну.

— Где, черт возьми, этот следопыт? — он сплюнул.

Он даже не пытался скрыть свое беспокойство, когда уронил голову на руки. Священная Луна, ребенок был под его опекой...

Его голос выдавал волнение, когда он встретился с понимающим взглядом Натаниэля.

— Святые Небесные Создания, Натаниэль...

Джослин и Брейден пропали.

И лес был полон охотников.

Старый уединенный домик располагался в глубине древней долины, будто напоминание о былых временах. Скромный вид деревянных досок легко вписывался в нетронутую природу лесов Лунной Долины.

Текстура и прямые линии резко контрастировали с гладкой каменистой поверхностью торчащих скал, расположенных по бокам сзади. Тогда как простое крыльцо казалось мягким продолжением кристально голубой реки, протекающей вдоль фасада.

Джослин, обернув тяжелый шерстяной плед вокруг плеч, потягивала горячий чай, который для нее приготовил Тристан. Она сидела на прочной дубовой скамье у обшарпанной стены заброшенного домика и грела руки об кружку, пока он ходил за дровами.

Она с любопытством наблюдала, как ее напарник, высокий блондин, шел по лесу, нервно оглядываясь по сторонам, смотря то направо, то налево, словно загнанный зверь в ожидании нападения.

Тристан был, мягко говоря, сам на себя не похож с тех пор, как они прибыли в домик. Тревожно вышагивал взад и вперед по деревянному полу, сделал несколько таинственных телефонных звонков со своего спутникового телефона и неоднократно потирал руки... сжимая и разжимая кулаки... как будто готовился к поединку.

Джослин понятия не имела, что делать с откровением о том, кем он был и чем занимался на самом деле.

Современный охотник на вампиров.

Прекрасно зная, на что способны Натаниэль и его братья, Тристан сделал все, чтобы замести следы: они сменили, по крайней мере, три машины после ухода из дома Натаниэля, затем пошли пешком. Забрались глубоко в восточный лес по пересеченной местности, сели на плот в конце ущелья и проплыли последнюю часть пути по бесконечному, извилистому водному каналу.

Спустя секунду после их ухода пошел снег, и неожиданно быстро поднялся яростный шторм. Множество кристаллических хлопьев замерзшей воды внезапно закружились в воздухе. Такая метель пробирает до костей, дороги замечает тяжелыми сугробами, и все становится белоснежной пустошью за довольно короткое время. Любые следы, которые они могли оставить, сейчас были погребены под выпавшим снегом. И любой запах развеял сильный ветер.

Наняв частного пилота, чтобы утром на вертолете их увезли из ущелья, Тристан пояснил, что это будет самый безопасный способ покинуть Лунную Долину, пока деньги, власть или влияние семьи Силивази не создали им проблемы. Но, судя по усилившемуся шторму, полет на любом вертолете, возможно, придется отложить.

Джослин потягивала теплый чай с медом и лимоном и пыталась справиться с мыслями. Ее голова шла кругом, в животе завязывался тугой узел, когда осознание того, что она сделала, доходило до нее все больше и больше... Она оставила Натаниэля.

Оставила его умирать.

И обрекла на ту же ужасную участь, что постигла красивого молодого мужчину на той картине — его брата, Шелби. Хотя она знала, что не обязана заботиться о мужчине, которого никогда не встречала, и абсолютно никто не имел права вырывать человека из

привычной жизни и заставляя его вступать в отношения, часть ее сердца разбивалась из-за сделанного выбора.

И взгляда Натаниэля.

Память о тех темных, преследующих ее глазах, взгляде, полном... боли... пронизывающем до костей. Она ушла, безжалостно оставив его на произвол судьбы, когда он считал, что между ними существует что-то особенное, если не божественное.

Джослин глубоко вдохнула холодный горный воздух. Ледяные снежинки кружились вокруг нее, жаля теплую кожу, когда ветер обдувал открытые щеки и шею. Она еще сильнее закуталась в свой плед и повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Тристан возвращается с охапкой дров.

— Почему ты все еще здесь? — спросил он, глядя на небо. — Тут холодно. Тебе лучше зайти внутрь.

Джослин кивнула и, проследовав за ним в крошечный трехкомнатный домик, остановилась перед камином, чтобы согреться, в то время как Тристан бросил в огонь несколько бревен.

— Тристан, — сказала она, потирая руки. — Я думала... обо всех годах нашей совместной работы. Мы стали напарниками только из-за работы? Из-за меня? Или все дело было в поиске вампира?

Тристан поворошил подкинутые дрова длинной железной кочергой и оперся о каминную полку, перенеся большую часть своего веса на одну руку.

— Джослин, я не знаю, что ты хочешь услышать. Правда заключается в том, что я охотник на вампиров. Всегда им был. Наша совместная работа в Сан-Диего была просто прикрытием, чтобы помочь мне найти эту долину.

Джослин уже знала, каким будет его ответ, но теперь, когда он произнес слова вслух, предательство ранило с новой силой. Она доверяла Тристану свои тайны на протяжении нескольких лет. Свою жизнь. Всегда полагалась на него, знала, что он прикроет ей спину, и постепенно между ними появилась связь, которая больше не казалась настоящей. Она покачала головой, пытаясь осознать реальность того, что он рассказывал ей.

— Все три года, Тристан... Я доверяла тебе.

Тристан вздохнул.

— Мне жаль, Джослин.

— Да... наверное, — в ее голосе слышалось сожаление. — Скажи мне еще кое-что, ладно? Наше сотрудничество хоть что-нибудь значило для тебя? Наша дружба? Или это все тоже лишь часть плана?

Тристан провел руками по своей гриве волос, пытаясь смахнуть их с лица.

— То, что мы напарники, много значит для меня, Джослин. Лгать тебе было самой сложной задачей. Знай, что как только я понял, что ты у Натаниэля... — он посмотрел на нее так, как никогда прежде, словно она принадлежала ему. От этого ей стало не по себе. — Я мог думать только о том, как добраться к тебе. Спасти тебя. Увезти как можно дальше от этого монстра. Я должен был обеспечить твою безопасность прежде, чем рассматривать возможность охоты на него.

Джослин сделала шаг назад, когда смысл его слов дошел до нее.

Тристан, казалось, почувствовал ее беспокойство.

— Действительно ли мы такие разные, Джосс? Я имею в виду, подумай об этом: сколько дружеских отношений ты заводила с информаторами? Сколько раз ты работала под

прикрытием или строила отношения с кем-то, с кем ты просто... заигрывала... для того, чтобы добраться до подозреваемого? Я охотник. Ты агент правоохранительных органов. Мы делаем то, что должны.

Джослин покачала головой.

— Так вот что это было, Тристан? Заигрывание? Это не то же самое, и ты это знаешь! Мы были напарниками.

Неожиданно Тристан шагнул вперед и взял ее лицо в свои большие ладони. Он провел по ее скулам подушечками больших пальцев и наклонился, чтобы поцеловать: поцелуй был нежным, мягким и совершенно неожиданным.

— И мы все еще можем ими быть, — сказал он низким, хриплым шепотом.

Джослин ахнула, глаза ее расширились.

— Тристан! Что ты делаешь?

Он улыбнулся.

— То, что хотел сделать со дня нашей встречи, — в его голосе не было ни капли сожаления.

Джослин потеряла виски, пытаясь сосредоточиться на ситуации. Разбираться с этим новым... романтическим откровением... придется позже.

Она и так была уже на пределе. «Я мог думать только о том, как добраться к тебе. Спасти тебя. Увезти как можно дальше от этого монстра. Я должен был обеспечить твою безопасность прежде, чем рассматривать возможность охоты на него», — она проигрывала в голове слова Тристана. Охоты на него.

Охоты на Натаниэля!

Ее живот скрутило, и сердце пропустило удар.

— Подожди минуточку! Когда ты говорил, что нужно спасти меня перед тем, как охотиться на Натаниэля, что именно ты имел в виду? Ты говоришь о том, что попытаешься... убить его?

Тристан вздохнул и посмотрел ей прямо в глаза, его золотые зрачки потемнели от решимости.

— Натаниэль — вампир, Джослин, гораздо более опасный, чем ты предполагаешь. Да, конечно. И не попытаюсь, а убью его.

Джослин отшатнулась, как от удара, и страх стал завладевать ею, приходя на смену замешательству... когда тяжесть того, что Тристан действительно делал в долине, наконец, обрушилась на нее. Человек, которого она считала своим напарником, пришел в Лунную Долину с одной и только одной целью — поймать сильное, умное существо с красивыми глазами, страшной силой и неожиданной мягкостью... и убить. Кожа на внутренней стороне ее запястья начала гореть, а в сердце зародилась боль.

— Ты не серьезно, Тристан. Он, может быть, и вампир, но не зло. Ты не можешь просто убить его.

Тристан смотрел на нее с намеком на насмешку в глазах. В их глубине было еще что-то темное, едва заметное. Быть может, ревность? Гнев или презрение? Взгляд босса, которому бросил вызов подчиненный? Было не ясно, что именно он чувствует, но его решимость закончить свою работу — убить Натаниэля — была непоколебимой.

— Он зло, Джослин, и завтра утром, после того как ты улетишь отсюда, я сделаю то, для чего приехал, — он поймал ее запястье своей рукой, властно удерживая, словно в тисках, и посмотрел прямо в глаза. — И тогда я вернусь к тебе, и мы станем партнерами... как и

должны были.

Джослин затаила дыхание, а затем пронзительно и высоко закричала. Она дернула свое запястье, но оно не сдвинулось с места.

— Тристан, отпусти меня! — она произнесла это как приказ... когда в действительности это была мольба.

Тристан медленно отпустил ее запястье, но не отвел прямой, нестигаемый взглядом.

— Не смотри на меня так, Джослин. Твоя симпатия к этому вампиру начинает раздражать. Знаешь ли ты, что он убил семерых заключенных в тюрьме в Калифорнии недавней ночью?

Джослин нахмурилась и покачала головой.

— Невозможно... когда?

— Воскресенье. Около четырех утра.

Джослин смотрела на пылающий огонь, наблюдая за светящимися оранжевыми языками пламени. Шипящие искры разлетались по всему очагу и, мерцая, исчезали в трубе.

Ее жизнь... все, что она считала правдой до этого момента... так же, как эти искры, исчезало перед глазами. Таяло. Увядало. Просто сгорало в пламени, пока реальность продолжала укладываться в голове.

Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить: субботний вечер... и четыре утра воскресенья. Что произошло в ту ночь?

Ах, да... Натаниэль увидел ее воспоминания о Валентайне и Далии и впал в такую ярость, что Маркусу пришлось успокаивать его. Фактически, Маркус приказал ему выйти и... поест.

Обжигающие слезы навернулись на глаза, несмотря на то, что она пыталась отрицать напрашивающийся вывод. Это была правда. Натаниэль мог легко убить десяток человек в своей разрушительной ярости. И не проявил бы ни капли милосердия к банде преступников, особенно если они совершили преступления против женщин, невинных жертв, как Далия. Тем не менее, она по-прежнему не могла принять вердикт Тристана; все еще не могла поверить, что он был злом.

Джослин видела зло... и он не был им.

— Тристан, — осторожно сказала она, пытаясь воззвать к его лучшим качествам, — я прошу тебя... как твой напарник, — слова застряли в ее горле, потому что она знала, что это больше не так. Однако, может быть, их прошлое сможет переубедить его на каком-то подсознательном уровне. — Как твой друг... Не делай этого... не иди за Натаниэлем. Идем со мной, когда я завтра уеду, и оставь Натаниэля и его семью в покое.

Тристан шагнул вперед, его тело было так близко, что он возвышался над ней. Его когда-то знакомые глаза светились бледно-желтым, а застывшие черты лица выражали неодобрение.

— Я ожидал большего от тебя, Джослин. После всех этих лет, преследуя и останавливая плохих парней, я думал, что ты будешь презирать убийцу... любого рода. А теперь ты предлагаешь обменять свою компанию на его безопасность?

Джослин покачала головой в негодовании.

— Что ты имеешь в виду, обменять свою компанию?

Он наклонил голову и провел губами по ее уху, его длинные, растрепанные волосы упали вперед.

— Ты просишь меня уйти с тобой, только потому что боишься за Натаниэля. Если у

меня и была мысль сохранить ему жизнь, можешь поверить, ее уже нет. Знай, я отрублю его голову и вырву сердце, прежде чем отправлю в мир мертвых.

Он медленно провел вдоль ее тела подушечкой указательного пальца, прочертив прямую линию от подбородка к пупку... останавливаясь чуть выше пояса юбки.

— И у меня будешь ты, его небесная невеста, — промурлыкал он возле ее уха и прикусил шею, словно животное.

Джослин вздрогнула и отшатнулась, ошеломленная и в замешательстве, сбитая с толку постоянно сменяющимися событиями. Сердце замерло в груди, в голове появились мысли о бегстве от человека, которого она считала одним из своих ближайших друзей в течение последних трех лет. Она положила руки на его грудь и мягко попыталась оттолкнуть. Ей нужно было пространство, но не хотелось злить его. Что вообще происходит с этим человеком? «О... нет, — подумала она, — Тристан, вообще, человек?»

В конце концов, что за человек знал о вампирах и охотился на них? И почему его глаза потемнели, когда настроение изменилось? Откуда взялся этот хриплый рык? И какое ему вообще есть дело до ее небесной крови?

Внезапно раздался стук в дверь.

Тристан отступил назад, расстегнул свое длинное шерстяное пальто, раскрыв его достаточно широко, чтобы она увидела край пистолета, и указал ей на старый коричневый диван у камина, жестом приказывая присесть.

После того как она села, он окинул ее резким предостерегающим взглядом и, прижав палец к своим губам, подошел к входной двери.

Стук повторился.

— Тристан,пусти меня! Я только что запер сарай. Здесь чертовски холодно! — голос принадлежал Уилли Джексону, давнему информатору Джослин.

— Это Уилли! — воскликнула Джослин. — Что он здесь делает? Как, черт возьми, он нашел эту хижину?

Когда Тристан обернулся, чтобы посмотреть на нее, она увидела ответ в его беззаботном пожатии плечами и слабой улыбке.

— Еще один охотник? — спросила она, уже зная правду. — Вы двое работаете вместе?

Тристан не ответил. Ему не пришлось.

Джослин недоверчиво покачала головой. Она не знала, что чувствовала сильнее — предательство, страх за себя или страх за Натаниэля. Как, во имя всего мира, ей выбраться? Ее голова начала кружиться.

— Что в сарае? — спросила она.

Тристан нахмурился.

— Правду?

— Я не вижу никаких оснований для тебя лгать мне сейчас, — ее голос выдавал боль.

— Арсенал, — сказал он колко. — И при том опасный, так что держись подальше от этого сарая, Джосс.

— Джослин.

— Что? — спросил он раздраженно.

— Мое имя Джослин.

Джослин пересела подальше, вдруг почувствовав себя еще больше в ловушке, чем раньше, осознав, что ей было намного безопаснее с Натаниэлем. Что он сказал ей? Этот человек не тот, кто ты думаешь...

Натаниэль знал.

Он знал, что Тристан охотник...

И если это так, то он придет за ней... она была уверена в этом. В конце концов, его жизнь зависела от этого, и, возможно, теперь и ее жизнь тоже.

Тристан изучал ее пристально, как будто пытаясь прочесть мысли, и затем нахмурился, не утруждая себя ответом на ее последний комментарий. Он открыл дверь и отступил, когда Уилли ворвался внутрь из холода. Густой поток белых хлопьев начал дуть вслед за ним, создавая миниатюрный вихрь снега в проходе, перед тем как Тристан закрыл тяжелую деревянную дверь.

Уилли дрожал. Он направлялся к огню, когда заметил Джослин на диване и улыбнулся.

— Привет, коп, — в его голосе слышалась нотка удовлетворения.

Джослин усмехнулась.

Уилли посмотрел на Тристана, потом на Джослин, а затем обратно на Тристана. Он снял капюшон куртки со своей блестящей, быстро лысеющей головы и провел мозолистой рукой по растрепанной бороде.

— О, да ладно тебе. Не злись, Леви. Ты думала, что играешь мной, но тебя переиграли и ответ. Ничего такого ведь, верно?

Джослин уставилась на него, ее терпение было на исходе.

— Это не игра, Уилли, — она повернулась, чтобы посмотреть сердито на своего... напарника. — Я все это время... охотилась... на торговцев людьми, пока вы двое охотились... на вампиров! И использовали меня в качестве приманки! Что если бы меня убили там?

Уилли сделал шаг ближе к огню и провел ладонями вверх и вниз по предплечьям. Пламя отражалось в его грязно-карих глазах.

— А что если бы меня убили из-за того, что я выдал информацию о торговцах? Не помню, чтобы ты особо беспокоилась обо мне, коп.

Джослин покачала головой с явным отвращением.

— Ты не прав, Уилли. Я всегда защищала свои источники.

Уилли улыбнулся лукавой, озорной улыбкой.

— Ну, ты довольно неплохо выглядишь, Леви, — его глаза встретились с глазами Тристана. — Вы двое в порядке? Или я что-то прервал?

Тристан улыбнулся и посмотрел на Джослин сверху вниз.

— Нет, мы в порядке. Мы действительно в порядке.

Джослин усмехнулась.

— Что насчет торговли людьми, Тристан? Женщины... трупы... подозреваемый, за которым мы следили последние несколько месяцев? Во всем этом я тоже осталась не у дел?

— На самом деле нет, — ответил Тристан, как ни в чем не бывало. — В этом расследовании ты была прямо у цели: Лука Джованни — глава организации по торговле людьми, и он продавал женщин для убийств... только не какому-то больному психопату. Он продавал их вампирам, понятия не имея, кто они. Лука знал, что некоторые из девушек были убиты, но не имел ни малейшего представления, что его клиенты...

— Кучка кровососущих упырей, — Уилли сплюнул в огонь, потом вытер рот тыльной стороной ладони и посмотрел в окно. — Эта буря выглядит довольно плохо, Тристан. Нам нужно переждать ночь или две, прежде чем серьезно заняться охотой.

Глаза Тристана сузились, когда он нахмурился в ответ на слова своего поделельника.

— Я думаю, мы сможем согреться... как-нибудь, — его голос был пропитан сарказмом, а во взгляде появился намек на угрозу.

Джослин поморщилась.

— Вы, ребята, никуда сегодня не идете, верно?

Сильный ветер поднялся снаружи хижины и начал выть так яростно, что заглушил тихий голос Тристана, в то время как вихри ледяного снега ударились об оконное стекло, словно горсти маленьких камешков. Джослин услышала только последние четыре слова...

— Мы охотимся сегодня вечером, — тон Тристана был не терпящим возражений.

Она проглотила свой гнев и попыталась сохранить спокойствие.

Людам, подобным Тристану Харту или Уилли Джексону, так легко не победить Натаниэля и его братьев, это уж точно.

Нужно держать свои мысли при себе и найти выход из этой ситуации. Тот факт, что они собирались охотиться, был ей только на руку, как единственная возможность спастись. Даже сейчас, во время размышления над ситуацией, сердцу тяжело было поверить. Тристан. Ее напарник.

Теперь ее величайшая угроза.

Джослин тряхнула головой. Ей нужно было остаться одной ненадолго.

Нужно пространство. Возможность подумать.

— В этом месте есть вода?

— Конечно, — ответил Тристан. — А что?

— А то, что я хотела бы принять душ, — она заколебалась, ожидая реакции Тристана, чтобы понять, насколько строгим было ее заключение.

Когда он не ответил, она настояла.

— Я замерзаю, Тристан. Мне нужно согреться.

Тристан кивнул и подошел к высокому березовому шкафу, который стоял у входа в зал. Он вытащил большое банное полотенце и дорожную сумку туалетных принадлежностей с верхней полки и бросил их Джослин.

— Первая дверь слева. Тебе придется подождать несколько минут, пока стечет вода, чтобы прочистить трубы.

Джослин кивнула и попыталась выдавить благодарную улыбку.

Чем больше свободы Тристан позволит ей, тем лучше. Сопrotивляясь, она только окажется связанной или прикованной наручниками к стулу где-нибудь. Ей лучше играть на их старом партнерстве так долго, как она сможет.

— Спасибо, Тристан, — сказала она. Ее голос был равнодушным, но, по крайней мере, она сумела произнести слова.

Тристан пожал плечами, а затем двинулся в центр коридора и загородил ей путь. Когда она остановилась перед ним, он посмотрел ей прямо в глаза, не моргая.

— Джосс, пойми, ты теперь со мной. Натаниэль не придет за тобой. Не сегодня. Никогда. И даже несмотря на то, что ты, возможно, ненавидишь меня за это... однажды ты поблагодаришь меня. Так что ничего не затевай, напарник, — мы можем пойти легким путем или сложным — и ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понять, что это означает.

Джослин толкнула его в грудь, нырнула под руку и быстро прошла мимо, стараясь скрыть свой страх.

— Да, Тристан... — она отлично поняла, что он имел в виду. — Мы с этим разберемся

позже. Сейчас я собираюсь принять душ. И у тебя есть мое слово... Я не буду пытаться что-то делать.

Джоэль Паркер только устроилась под теплым пуховым одеялом в домике в Лунной Долине, когда услышала тяжелый стук в дверь. Она тихо села и прислушалась, ее чувства обострились.

Женщин семьи Паркер окружили и проводили к домику вместе со всеми женщинами и детьми Светлых вампиров менее чем час назад... прямо перед тем, как ранняя странная метель обрушилась на долину.

Будучи человеком, Джоэль не получила подробных объяснений о том, что происходит, но одного взгляда на стражей — трех устрашающих братьев Олару, которые стояли, как великолепные греческие статуи, у подножия лестницы возле входа в домик, — хватило, чтобы понять — происходит что-то серьезное. И ей нужно следовать приказам.

Джоэль вздохнула и задержала дыхание, надеясь, что, кто бы ни был за дверью, он просто уйдет. С той ночи, когда Маркус напугал ее до полусмерти, — ночи, когда он отказал ей — последнее, что она хотела видеть, — дом, полный женщин и детей. Женщин, связанных браком, которые были любимы и желанны такими мужчинами, как Маркус.

Женщин, которых не просто хотели... но и выбирали.

Каждый раз, когда она видела, как жена улыбалась, или слышала, как муж прощался, в ее сердце словно прокручивался нож. Но ее семья была одной из немногих, установивших длительные и лояльные деловые связи с потомками Джейдона, поэтому она не могла послушаться приказа спрятаться в домике, даже если бы хотела.

Стук повторился, громче в этот раз, а затем послышался глубокий мелодичный голос.

— Джоэль? Джоэль... ты там?

Сердце Джоэль перестало биться в груди, и воздух покинул легкие. Она повернула голову в сторону и закрыла глаза, слушая внимательно, пытаясь определить голос.

Это невозможно...

Еще один громкий и настойчивый стук.

— Джоэль, я могу войти?

Здесь нет ошибки, голос принадлежал Маркусу Силивази.

Джоэль глубже зарылась под одеяло, зная, что Маркус мог пройти сквозь стену в любой момент.

Она не была уверена, хотела ли видеть его... могла ли противостоять новым оскорблениям... но все же он приехал, должно быть, по какой-то причине. Он беспокоился за нее? Она и не надеялась.

Джоэль поправила лямки длинной ночной рубашки из бледного атласа и быстро провела пальцами по волосам. О, черт, в комнате было темно. Все равно ничего не видно.

— Маркус? — позвала она, зная, что он услышит, и не важно, насколько ее голос слаб. — Это ты?

— Да, — ответил он.

Ее сердце пропустило удар. Этого просто не может быть.

— Что тебе нужно?

Она услышала, как он постучал опять, тише на этот раз.

— Открой дверь, Джоэль. Мне нужно увидеть тебя.

Джоэль с трудом сглотнула, сердце билось так сильно, что она боялась, что он его

услышит.

— Хорошо. Подожди, — голос дрожал.

Маркус постучал еще раз.

— Джоэль... Мне нужно, чтобы ты меня пригласила.

Джоэль замерла на мгновение, смутившись. Почему просто нельзя пройти сквозь стену?

— Разве ты не можешь войти без того, чтобы я открыла дверь?

Она не хотела терять чувство безопасности, даже если оно и ложное.

Что если он не беспокоился, а решил все же уволить ее?

— Не в этот раз, дорогая, — ответил он с мягкой нежностью в голосе. — Мне нужно, чтобы ты меня пригласила.

Глаза Джоэль распахнулись. Дорогая. Маркус Силивази только что назвал ее дорогой?

Она медленно убрала одеяло трясущимися руками. Взглянула на свое отражение в маленьком овальном зеркале возле двери и посмотрела в глазок. Изображение расплывалось, но она всегда узнает эти сильные плечи и эту копну иссиня-черных волос.

Дрожа, она щелкнула замком и открыла дверь.

Маркус оперся на дверной косяк... и выглядел сексуально как никогда... И в его глазах было что-то, чего она еще не видела прежде.

— Так ты собираешься предложить мне войти или нет? — он растягивал слова.

Заявление было сознательно провокационным.

Греховным.

Опасным.

Джоэль махнула внутрь комнаты, но он не двинулся.

Нервничая, она прочистила горло и официально его пригласила:

— Входи, пожалуйста.

После чего он зло ухмыльнулся и прошел в комнату.

Джоэль заметила, что не было ничего мягкого или безличного в том, как Маркус двигался: его поведение с нею изменилось.

— Я должен был сам убедиться, что ты в безопасности, — сказал он.

Джоэль сглотнула.

— Ты должен?

— Конечно, должен, — промурлыкал Маркус.

Его глаза потемнели и затуманились, смягчив жесткие линии скул, и затем, к ее сильному изумлению, он провел кончиками пальцев вдоль ее подбородка и просто посмотрел в глаза. Уголки его рта поднялись в порочной улыбке.

Джоэль почувствовала бабочек в животе, и ее колени подогнулись.

— М...Мар...кус, — запинаясь начала она. — Чт...что... ты делаешь здесь?

Маркус прошел по комнате и снял свою запорошенную снегом куртку, небрежно бросив на спинку стула.

Лунный свет падал на королевских размеров кровать, притягивая внимание любовников.

— Ты имела в виду то, что сказала, в ту ночь? — спросил он.

Джоэль выглядела как школьница... пораженная его мужской красотой.

— Да... каждое слово.

Он потянулся и обхватил ее тонкую талию своими сильными руками, прижимая ближе к себе.

— И ты позволила бы мне... любить тебя... даже зная, что это не может продолжаться вечно?

Джоэль показалось, что позвоночник плавится, словно теплое масло, когда он притянул ее к своей совершенной груди. Она остро чувствовала свою грудь напротив его... как атлас, прижатый к стали.

— Да, — прошептала она, не глядя ему в глаза, боясь, что он исчезнет, что все не по-настоящему.

Он уткнулся носом в основание ее шеи, глубоко вдыхая аромат. Она могла чувствовать, как его клыки удлинились, стоило ему потереться ими... ох, так мягко... об ее горло.

Ее живот сжался, и она, ощущая томление глубоко внутри себя, выдохнула, позволив себе раствориться в моменте. Чудо, мечта сбывается.

— Тебе же это нравится, не так ли? — прошептал он, его голос был чистым наслаждением.

Пульс Джоэль ускорился, когда волнение, страх и желание начали объединяться в теплый жар между ног. Ее грудь потяжелела... и соски болезненно напряглись, когда уверенная рука жадно проникла под лямки ночной рубашки... обхватывая и массируя мягкую плоть.

Маркус провел подушечками больших пальцев по твердым соскам, лаская их ленивыми, нежными круговыми движениями...

— И быть лишь любовниками достаточно для тебя? — прошептал он.

Джоэль кивнула, ее глаза заволокло слезами.

— Все равно, если мы можем быть вместе, Маркус.

Конечно, она хотела как можно больше. Всё. Всего его. Но возьмет то, что сможет получить, и не важно, как жалко это звучит.

Внезапно он отодвинул ее от себя, крепко держа за плечи, и встретил ее пристальный взгляд.

— Будь уверена, Джоэль, — его глаза потемнели от жажды, зрачки горели как раскаленные тлеющие угольки. — Потому что пути назад не будет.

Он мельком глянул на ее грудь, и выдохнул...

— Если я начну... то уже не смогу остановиться.

Джоэль вобрала слова Маркуса в свое сердце, словно губка, впитывающая воду... и просто сохранила их там, дорожа этим моментом.

— Я бы никогда не попросила тебя.

Возбужденное рычание поднялось из его горла.

— Я не джентльмен, Джоэль. Я не... как ты.

Джоэль потянулась и погладила его красивую, угловатую челюсть, тая при виде его невероятных... прекрасных губ.

— Я знаю точно, кто ты, Маркус, — она улыбалась, но понимала, что ее беспокойство заметно.

Маркус отступил назад и показал рукой на кровать.

— Тогда ложись, Джоэль, — это была команда, не оставляющая места для отказа.

Джоэль была удивлена... взволнована... напугана.

Ощущая смесь всех трех эмоций сразу.

Нерешительно она взобралась на кровать и повернулась к нему лицом, став на колени. Ночная рубашка собралась в складки вокруг ее ног.

Из его груди вырвался глубокий выдох с хриплым стоном.

— Дай мне посмотреть на тебя, — скомандовал он, неторопливо оглядывая ее тело с головы до пят. — Сейчас.

Джоэль начала медленно распускать завязки длинной ночной рубашки, чтобы открыть мягкие, дрожащие плечи.

Она опускала кружевной материал до тех пор, пока грудь полностью не обнажилась под его пристальным голодным взглядом.

Рычание, которое поднялось из его горла, было гортанным и резким.

Он облизал нижнюю губу.

— Больше.

Его взгляд скользил все ниже, пока не сосредоточился между ее ног. Наконец, он посмотрел вверх, улыбаясь совершенно порочно.

Джоэль дрожала, становясь все более неуверенной в себе.

Ожидал ли Маркус, что она встанет на колени перед ним полностью обнаженной, пока он просто будет стоять там... и смотреть... как голодный волк, готовый растерзать свою жертву?

— Я не ждал, что ты встанешь на колени передо мной обнаженной, Джоэль, — сказал он, легко читая ее мысли. — Я ожидаю, что ты будешь лежать передо мной обнаженной.

Джоэль проглотила свой страх и осторожно подчинилась, не отводя взгляда от его голодных глаз. К тому времени, как ее тонкие трусики упали в сторону, чувство уязвимости достигло высочайшего уровня. Тревога начала подавлять, и она потянулась за одеялом в попытке прикрыть свое обнаженное тело.

И тогда Маркус двинулся, как тихий хищный зверь, скользя в сторону кровати. Он быстро поймал ее запястье, прежде чем она смогла прикрыться.

— Ложись.

Это был неоспоримый приказ.

Джоэль отвела глаза, выдавая свою нервозность. Она знала, что, пытаясь соблазнить его на крыльце, притворялась гораздо более опытной, чем на самом деле, но правда в том... что она до сих пор девственница... все это время берегла себя для него.

Джоэль была неопытна.

И совершенно не готова к тому, что хотел Маркус.

Она надеялась, что он будет нежен и осторожен.

— Маркус, — прошептала она несмело.

— Я сказал, ложись, — он толкнул ее на кровать.

Джоэль лежала там, неуверенно глядя на мужчину, которому поклонялась и которого любила, сколько себя помнила.

Несмотря на неоспоримое чувство удовлетворения — Маркус Силивази стоял над ее кроватью и хотел заняться с ней любовью — она боялась.

Хотела подчиниться.

Хотела понравиться ему... быть именно такой, какой притворялась... быть всем, чего он мог когда-либо захотеть или потребовать. Но вид его возбуждения, выпирающего спереди штанов, останавливал ее.

Он был огромен.

А она была... неопытна.

Взгляд ее суженых глаз притягивало к его паху, пока он медленно расстегивал джинсы и

стягивал их вниз по бедрам... небрежно позволяя своему толстому, тяжелому члену освободиться.

Джоэль попыталась скрыть свой шок и всевозрастающий страх, но знала, что ей это не удалось. Маркус наклонился над ее нежным телом, вид его широких, четко очерченных плеч и плоского, мускулистого живота был захватывающим.

— Ты боишься меня, Джоэль? — спросил он, его глубокий, мелодичный голос превратился в грубое рычание.

Он наклонился и щелкнул по ее соску. Со стоном опустил голову и захватил его в горячий плен своего рта, где пробовал, посасывал... и покусывал... пока она не почувствовала, что может умереть от этих чувственных пыток.

— Я... я... — она пыталась сказать ему, но слова перешли в хныканье, когда его рука проложила путь между ее бедер.

Его прикосновение было сильным и агрессивным, его пальцы проникли глубоко одним толчком.

Инстинктивно она сжала ноги и схватилась за его запястье.

— Маркус... подожди.

Она не знала, чего именно хотела, только отчаянно желала его. Просто... все происходило слишком быстро.

Маркус легко высвободил свое запястье из ее хватки и сжал пучок ее густых светлых волос в кулак. Он положил другую руку на внутреннюю сторону ее бедра и снова раздвинул ноги жестким рывком.

— Расслабься, детка, — промурлыкал он.

— Маркус, — воскликнула она еще более отчаянно, — мы можем... немного замедлиться?

Маркус нахмурился и отодвинулся, пристально глядя ей в глаза.

— Ты хочешь меня или нет, Джоэль?

Растущая страсть и пьянящее тепло мгновенно исчезли, и на сердце стало тяжело. Когда в его голосе появились нотки осуждения, на глаза навернулись слезы.

Она подводила его.

Разочаровывала мужчину своей мечты. Теряла единственный шанс, который у нее мог когда-либо появиться... шанс заставить его полюбить. В присутствии Маркуса она всегда чувствовала себя в безопасности, но сейчас ощущала себя... неполноценной.

— Да, — прошептала она едва слышно. — Я хочу тебя, Маркус.

Он заклеил ее рот неумолимым поцелуем, уговаривая открыться навстречу прекрасным губам. Грубо прошелся языком по контурам ее рта, затем прикусил нижнюю губу и застонал.

А потом он встал на колени перед ней, глядя на нее ненасытными, голодными глазами... явно больше животными, чем человеческими. Наклонившись, Маркус схватил ее тонкую талию и приподнял над матрасом, как будто она ничего не весила, размещая дальше на кровати. Он поймал ее ноги за лодыжки и без усилий раздвинул их... открывая ее своему взгляду... удерживая для своего вторжения.

Она видела могущественного мужчину, который опустился на колени между ее раздвинутых ног. Затаив дыхание, она смотрела, как он обхватывает свою огромную плоть рукой. В его взгляде читалась нечто большее, чем страсть. Возможно, одержимость?

Крайнее удовлетворение.

Он пристроил толстую, округлую головку напротив ее входа, и с силой толкнулся внутрь, стон удовольствия вырвался из его горла, когда их тела встретились.

К своему несчастью Джоэль почувствовала, как сжалась и напряглась, став сухой, а не влажной, в ожидании его вторжения. Она стиснула одеяло в руках, пытаясь совладать с собой... зная, что не готова.

И, что еще хуже, она боялась.

Все происходило не так, как нужно: Джоэль никак не могла принять в себя такой огромный член в столь напряженном состоянии. Беспокойство переросло в тревогу, а потом в панику. Инстинктивно она потянулась, положила обе ладони на его мощную грудь и сильно толкнула... этим жестом прося остановиться.

— Маркус, прости... — ее голос ослаб из-за рыдания, в то время как она пыталась выползти из-под него.

Но Маркус лишь усилил хватку.

Он твердо поймал ее колени и держал их разведенными.

— Маркус! — закричала она, ее горло сжималось от страха.

Когда его глаза, наконец, встретились с ее, она поняла... Когда он сказал, что не сможет остановиться... это было именно то, что он имел в виду.

Мужчина, возвышающийся над ней, — вампир — был совершенно диким, его когда-то сине-черные глаза превратились в ярко-красные. Кончики клыков удлинились, и дыхание стало тяжелым.

Джоэль видела решительную линию его челюсти, чувствовала, как тяжело вздымалась его напряженная грудь, и смотрела на похоть, что обрамляла его глаза. И она понимала...

— Что, детка? — спросил он, его голос звучал незнакомо.

— Я девственница, — всхлипнула она.

Это был еле слышный звук, робкое признание, призыв к пониманию.

Маркус застонал... низко... дико... даже еще более возбужденно. Так, словно ее искреннее признание окончательно лишило его контроля, перевело возбуждение на совершенно новый уровень. Внезапно он толкнулся бедрами вперед, его огромный ствол входил в нее, словно тяжелое стальное лезвие.

Джоэль закричала — ей казалось, будто он разрезал ее прямо посередине.

Жгучая боль пронзила саму ее суть, заставляя врасплох, и она изо всех сил пыталась отдышаться из-за ощущений, которые охватывали все тело. Она извивалась. Изворачивалась. Пиналась ногами. Отчаянно пыталась заставить его выйти из нее.

Сейчас же.

Но это было, словно находиться в тисках: мощь его мускулистых бедер, удерживающая ее бедра разведенными, вес тяжелого тела, прижимающий к кровати, ритм насильственного вторжения... продолжающиеся толчки... проникающие все глубже.

Под диким вампиром Джоэль изо всех сил старалась сохранять спокойствие, чтобы выдержать ужасные ощущения. Даже не имея возможности закричать или попросить его прекратить. Это все, что она могла сделать, чтобы оставаться в сознании, пока он растягивал ее до невозможности, погружаясь все глубже и глубже, и она не стала думать, что ее тело может в буквальном смысле разорваться на части...

Джоэль задерживала дыхание. Морщилась. Прикусывала нижнюю губу и хныкала. Сжимала одеяло в кулаках, пока ее душили слезы. Она так старалась... для него. Ее возлюбленного Маркуса. Пока он брал свое, получая удовольствие с дикой энергией... и

грубой силой. Не заботился, казалось, даже не видел ее боль и ее борьбу.

И только тогда, когда она думала, что это никогда не закончится... что она может на самом деле потерять сознание от этого жестокого акта... боль только возросла от пронзающего укуса.

Как два стальных кинжала, клыки глубоко впились в ее артерию, в то время как он прижался ближе... и пил... как голодный зверь. А потом она услышала горловой рык, когда он взорвался глубоко в ней, не прекращая пить из вены, пока его семя разливалось внутри нее... и он, наконец, не рухнул в изнеможении.

Наконец-то.

Слава Богу.

Это закончилось.

Джоэль лежала совершенно неподвижно под возлюбленным — разорванная, кровоточащая и полная его семени. Напуганная и запутавшаяся, она попыталась отдышаться... сталкивая с себя его тяжелое тело.

Он медленно вытащил клыки из ее горла, выпустил две маленькие капельки яда, чтобы залечить раны, и глубоко вздохнул. Затем положил голову на ее грудь на одно длинное мгновение, перед тем как неторопливо перевернуться на спину.

Джоэль боролась, чтобы сдержать слезы. Она чувствовала облегчение, что это, наконец, закончилось... и была в глубоком замешательстве от того, как реальность отличалась от фантазий. И, помоги ей Господь, она по-прежнему не хотела потерять его.

Лежа там, так тихо рядом с ним, она слушала ровный ритм его сердца и отчаянно пыталась вспомнить все то, что любила в нем. Пыталась найти утешение в том, что он был теперь ее любовником... что взял ее кровь для питания.

Джоэль отчаянно желала, чтобы Маркус обвил ее своими сильными руками и утешил. Чтобы нашел какое-то оправдание, любое, тому, почему потерял контроль. Чтобы сказал, что ему жаль, и он никогда больше не причинит ей боль.

Она хотела, чтобы Маркус все исправил.

И жаждала простоты его дружбы — напоминание о нежности — больше, чем она когда-либо жаждала чего-то в своей жизни.

Она знала, что ей никогда не следовало притворяться более опытной: не перед таким мужчиной, как Маркус. Не перед вампиром... диким существом. Но было слишком поздно, чтобы что-то менять сейчас. Джоэль знала, что ее тело исцелится; но сердцу было необходимо утешение.

Когда Маркус сел и начал искать на полу свою одежду, она почти выкрикнула с отчаянием.

— Куда ты идешь?

Она едва могла сдержать слезы, когда он плавно встал с кровати и начал одеваться.

— Я должен вернуться к своим братьям, любовь моя, — его тон не оставлял места для споров.

Как матрос, выброшенный с судна в бурное море, Джоэль ухватилась за единственный спасательный жилет, который имела. Она выхватила те два коротких слова и держалась изо всех сил: любовь моя. Маркус назвал ее своей любовью. И она держалась за это знание... потому что должна была держаться за него.

Потому что, если кто и тонул в этот пустой, разбивающий сердце момент, то это была Джоэль Паркер.

Валентайн Нистор летел по небу как древняя хищная птица, злорадствуя во власти черной магии, упиваясь бодрящим чувством завоевания. У очень немногих вампиров были знание или умение скрывать собственное присутствие в течение длительного периода времени — не говоря уж об имитации голоса, манерности и внешности другого.

Но он только что сделал это.

И жестоко забрал невинность Джоэль Паркер, притворяясь Маркусом Силивази. Он не только обыграл самоуверенного Древнего Воина, но и застраховал себя еще двумя потомками в процессе: сыновьями, которые никогда не будут принесены в жертву. Тот долг был уже оплачен... Далией.

Валентайн едва мог поверить в свою удачу, решив следовать за Маркусом до дома в ночь, когда они сражались в зале для жертвоприношений. В надежде поймать Древнего врасплох, он наткнулся на гораздо большую ценность. Маркус ощутил его присутствие, но молодая, томящаяся от любви женщина его отвлекла.

Жалкая женщина была такой легкой добычей... настолько желающей... настолько легковерной. Насколько приятной.

Он спустился ниже и проплыл через облако, поддерживая себя свежей человеческой кровью, текущей по венам. Было так трудно остановиться. Удержаться от того, чтобы не выпить ее до последней капли, наблюдая, как податливое тело под ним становится безжизненным. Такая удивительная власть над другим существом. Такое испорченное удовольствие.

Валентайн думал о судьбе их вида — дома Джейдона и дома Джегера — как такое простое, но глубокое обстоятельство, как рождение, могло так существенно изменить судьбу. Светлые вампиры были так высокомерны и горды: прогулки на солнце, возможность иметь душу, быть любимым и желанным женщинами вроде Джоэль. Это было отвратительно.

Он насмеялся над их слабостью. Они были едва на голову выше людей, всегда подавляя истинную силу.

Они никогда бы не поняли порыва убивать, получать удовольствие от беспомощности женщины... превосходство черной магии.

Ликуя, Валентайн закружился в воздухе, пикируя к земле. Возможно, пришло время захватить в плен человека.

Чтобы вырастить трех сыновей, понадобится няня, которая сможет быть поблизости некоторое время. В прошлом такая вещь была невозможна. Было слишком трудно устоять перед острым желанием убийства и ненасытной жаждой крови.

Няни никогда не выживали.

Они никогда не жили достаточно долго, чтобы оказать нужную помощь.

Валентайн вздохнул. Возможно, пришло время найти темного помощника, человеческую женщину, достаточно жаждущую избавиться от души за обещание бессмертия. Женщину, которую он мог бы обратить... и сохранить. Которой мог бы управлять. Которую он мог насильно и жестоко брать при желании, получая удовольствие. Его сердцебиение усилилось.

Какое это имело значение?

Обратит ли он человеческую женщину или пройдет через пятьдесят нянек? Его сын Дэрриан процветал, и скоро, всего через сорок восемь часов, у него будет еще два потомка.

Жизнь прекрасна.
Древний, Джегер, был бы рад.

Тристан и Уилли ушли примерно час тому назад, когда Джослин нашла ключи от сарая. Шторм стал настолько сильным и холодным, а снег тяжелым, что не возникло никакой необходимости связывать ее. Как бы то ни было, они уже столкнулись с белой тьмой, где можно потеряться в десяти футах от собственного дома и никогда не вернуться.

Тристан был достаточно умен, чтобы знать, что любая попытка бегства будет означать верную смерть от сил природы. Без спутникового телефона или радиации Джослин не представляла угрозы. И у нее явно не было никаких возможностей сбежать.

Ее единственный шанс — добраться до арсенала в сарае, но Тристан и Уилли удостоверились, что он надежно заперт, прежде чем ушли... охотиться.

Найти... и убить... Натаниэля.

К счастью, Джослин знала Тристана в течение трех лет, и то, как он действовал. Тристан всегда имел резервный план. И Джослин была уверена, что он не стал бы брать единственный набор ключей к сараю с собой: вопрос только в том, где находится запасной комплект. После длительных поисков — и еще больших размышлений — Джослин смогла обнаружить тайник Тристана в самом неожиданном месте, о котором могла подумать: месте, на которое никто бы и не посмотрел, если бы только не пришлось. Ключи были присоединены к нижней стороне канализационного резервуара, аккуратно закрепленные скотчем к крышке в маленьком полиэтиленовом пакете.

Вздрагивая от обжигающего холодного воздуха, Джослин провернула последний из трех ключей в замочной скважине маленького, полуразрушенного сарая, расположенного меньше чем в двадцати ярдах от места, где река Бухта Змеи протекала у подножия утеса.

Ключ повернулся, и замок открылся. Потребовался только один толчок, чтобы распахнуть тяжелую деревянную дверь. Запах внутри сарая практически заставил ее задохнуться, пока она изо всех сил пыталась сохранить хладнокровие, прикрыв нос рукой, чтобы дышать.

Что это было за зловоние? Мертвое животное? Гниющее мясо? Сарай использовался в качестве дома мясника?

Джослин потянула вверх свой тяжелый шерстяной шарф с шеи, обернув его плотно вокруг носа. Для исследования сарая нужны были свободные руки, но она знала, что не продвинется далеко, если не сможет контролировать этот ужасный запах.

Широкий луч ее фонаря бросал тени всюду по темному строению, когда она медленно пробиралась вперед в поисках хорошего оружия. Возможно, некоторые предметы можно будет использовать для создания ловушки для мужчин, по возвращению. Она не надеялась найти рацию, но была полна решимости обыскать каждый квадратный дюйм захудалого сарая так или иначе, чтобы удостовериться.

Поскольку ее глаза приспособились к тусклому свету помещения, она начала осматривать обстановку.

На старой деревянной скамье лежало множество ржавых инструментов и предметов: пара коробок с патронами, большая коробка спичек, три или четыре рулона ленты и маленькая упаковка ракетниц. Все, что могло пригодиться.

Запчасти старого сельскохозяйственного оборудования валялись по всему полу. Над несколькими запечатанными коробками, скорее всего с просроченными продуктами, на

стенах висели инструменты. На красной тачке со сломанной ручкой лежало два маленьких колеса. У задней стены сарая было две двери, ведущих в смежные комнаты.

Джослин осторожно пробиралась к той, что слева, надеясь обнаружить искомое. Когда она открыла тяжелую дверь, ее сердце упало в груди с глухим стуком, и вопль ужаса поднялся из горла, когда ее глаза остановились на кошмарной картине перед ней: это был Брейден Братиану. Молодой подопечный Накари.

Подвешенный, безжизненный и окровавленный, на массивном деревянном кресте.

Его тело было жестоко истерзано, руки пробиты насквозь тяжелыми железными шипами. Из грудной клетки торчал огромный деревянный кол. Он выглядел более хрупким, чем любая жертва, которую она когда-либо видела.

Сердце Джослин разбилось на тысячу осколков, когда она подумала о том, что, должно быть, вынес бедный молодой человек.

Тристан сделал это? Мысль была настолько отвратительна, что в нее верилось с трудом. И если так, почему? Как кто-то мог получать удовольствие, заставляя страдать беспомощного мальчика?

Даже если Тристан был охотником на вампиров, какая причина могла заставить так издеваться над беспомощным ребенком?

И именно над Брейденом, из всех людей.

Его сердце было таким же чистым, как золото.

Эхо крика Джослин, должно быть, пробудило ребенка, потому что он медленно наклонил голову и посмотрел на нее своими заплаканными глазами, изо всех сил пытаясь сфокусироваться.

Джослин задохнулась, потрясенная тем, что он все еще жив. Это казалось невозможным.

— Брейден.

Она подбежала к тяжелому кресту, отчаянно пытаясь приподнять его, снять тяжесть тела с колев, которые натягивали плоть, вызывая непрерывные муки. Но Брейден был слишком тяжел. Его тело висело мертвым грузом.

Когда Джослин попыталась еще раз переместить его, сдавленный крик вырвался из его горла, словно отзывающееся эхом завывание раненого животного, молодого медведя, пойманного в ловушку.

Слезы Брейдена начали неудержимо течь, и его молящие глаза внезапно стали соответствовать ужасному гриму.

— Джослин? — его голос был не громче шепота.

Он несколько раз моргнул, чтобы убрать кровь, которая сочилась из глубокой раны на голове. Большая часть уже засохла в волосах, но все же несколько алых ручейков стекали по его страдающему лицу.

Джослин должна была бороться, чтобы остановить собственные слезы.

— Это я, Брейден, — прошептала она и погладила его по щеке очень мягко. — Ты помнишь меня? Джослин, жена Натаниэля?

Она не могла придумать другой способ объяснить, кем была. Прояснить, что она друг, а не враг.

Сейчас не время быть гордой и правильной. Сейчас нужно сделать мир Брейдена настолько простым, насколько возможно.

— Помоги мне, — захныкал он, — пожалуйста, сними меня, прежде чем они

вернутся, — его голос был полон отчаяния, и этот звук заставил сжаться ее сердце.

— Я пытаюсь, Брейден... я пытаюсь.

Джослин оценила всю ситуацию, ее ум отчаянно метался в вихре мыслей. Чувства беспомощности, отчаяния и гнева крутились у нее внутри.

Все это время она боролась с подступающей рвотой. Как, во имя всего святого, ему помочь? Она не могла снять его.

И не могла бросить.

Резкий стон вырвался из горла Брейдена, он всхлипнул, стараясь сдержать еще больше слез.

Джослин изучила один из железных шипов в его руках: если кол проник сквозь него полностью, то молоток выбьет его только наполовину. Возможно, был какой-то способ. Она знала, что боль будет невыносима, если попробует, но альтернатива казалась намного хуже.

Оставить его Тристану и Уилли, чтобы они закончили свою работу.

Завершили извращенную больную пытку.

Джослин не могла позволить этому случиться. И не позволит.

Сделав глубокий вдох, она прошептала:

— Держись, Брейден.

А потом потянулась, чтобы проверить тяжелый кол, чтобы понять, насколько он был крепким, и какой инструмент ей понадобится, чтобы его вытащить. Она надеялась, что древесина была гнилой, или гвоздь согнутым, что он каким-то образом уступит, если сильно потянуть.

— Хватит! — Брейден плакал, его муки остановили ее на полпути. Его голос был хриплым от страдания.

— Пожалуйста... пожалуйста... остановись, — его грудь тяжело поднималась от рыданий, — не трогай шипы. Ты никогда не сможешь вытащить их. Пожалуйста, просто приведи Накари. Пожалуйста... — он кашлял между словами.

— Я не могу, Брейден, — Джослин покачала головой, закрыла глаза и провела рукой по лицу. — Я тоже здесь заключенная, — она выглянула через открытую дверь задней комнаты в сарай, ее сердцебиение усилилось, — я не знаю, сколько времени у нас есть, прежде чем они вернутся, но обещаю, что вытаску тебя отсюда... как-нибудь.

К несчастью, это, возможно, будет больно.

Брейдену удалось поднять голову и осмотреть сарай, как будто в попытке предложить решение для нее. Каждое движение приносило еще больше невыносимой боли.

— Ты не сможешь вытащить эти шипы, Джослин, — это была констатация факта... поражения. — Я умру здесь.

Ее сердце разбивалось.

— Нет! Нет, ты не умрешь, Брейден! Мы просто должны подумать.

Чем дольше она рассматривала его раны и его безвыходное положение, тем больше боялась, что он прав. Нужна сверхчеловеческая сила, чтобы достать его с креста, и те шипы не собирались сдвигаться с места. Джослин потеряла лоб. Думай. Думай! Возможно, она могла спустить его, не вытаскивая шипы. Что если она спилит доски вокруг кольев, оставив его руки прикрепленными к дереву, но освободив от основной массы креста?

— Я скоро вернусь.

— Не бросай меня!

— Я не собираюсь бросать тебя, Брейден. Я должна найти инструмент.

Она отчаянно искала в сарае цепную пилу, но нашла лишь старую запятнанную ножовку.

— Черт! — Джослин сжала кулак и ударила им о стену от досады.

На распиливание такого толстого дерева уйдет месяц.

Она обнаружила бритву и нож для нарезки льда в маленьком красном ящике для инструментов и застонала, прикидывая альтернативы. Что если сделать новые надрезы? Увеличить раны так, чтобы руки смогли проскользнуть по кольям. Джослин заглянула в заднюю комнату и выругалась себе под нос. Отличная идея, Джосс! И как это должно сработать? Что она планирует сделать после того, как расширит раны на руках? Разрезать его грудь, чтобы вытащить толстый деревянный кол?

Джослин покачала головой. Она больше не думала рационально: порезать тело бедного мальчика, чтобы снять его с креста, едва ли было хорошей идеей.

— Джослин... Джослин? Джослин! — Брейден звал ее со слезами на глазах. Новый приступ паники заставил его стонать и бесконечно просить о помощи.

— Прекрати сейчас же, Джослин, — сказала она сама себе.

Сосредоточься. Просто успокойся и подумай. Используй свой ум. Что может сделать Брейден, чтобы помочь тебе? Джослин вернулась к Брейдену, успокоившись, с решимостью найти выход.

— Брейден, мне нужно, чтобы ты сосредоточился на минутку. Я собираюсь задать тебе несколько вопросов. Попробовать выяснить способ помочь тебе. Мне нужно знать о... твоих способностях. То, что ты можешь делать. Однажды ночью в доме Натаниэля у него возникли неприятности, и Маркус явился к нему в виде проекции. Ты можешь что-то подобное? Ты можешь явиться так к Накари?

— Нет, я еще не могу создавать проекции, — его голос слабел, и в нем звучало поражение.

Джослин кивнула.

— Натаниэль также может читать мысли других. Что насчет этого? Можешь послать мысли Накари? Или, может быть, перевоплотиться? Колетт говорила, что вампиры могут распадаться на молекулы, чтобы проходить через стены и твердые предметы. Ты можешь сделать что-то такое со своим телом, Брейден?

Брейден медленно покачал головой, совершенно расстроенный.

— У меня нет навыков к перевоплощению. Ты уже знаешь это, ведь видела меня раньше. Особенно, когда мне так больно, — выдавил он слова.

Джослин нахмурилась.

— Знаешь, кого я видела раньше? Очень сильного мужественного молодого человека. Вот, кого я видела. Я видела, как ты бросил вызов Маркусу, когда тот загнал тебя в угол, — то, на что у меня бы никогда не хватило смелости. Я видела, как ты превратился в маленькую идеальную летучую мышь и вылетел из комнаты. Поэтому не говори мне, что у тебя нет навыков, когда я прекрасно знаю, что они у тебя есть.

Ей было ненавистно говорить с ним так сурово, когда он так страдал, но она должна была, чтобы дать ему надежду. Она должна была подтолкнуть его, чтобы он попробовал.

Надежда засветилась в его глазах.

— Возможно, я мог бы мысленно связаться с Накари. И если бы у меня получилось, он бы помог мне распадаться на молекулы, даже на расстоянии. Может быть, придумал какое-то заклинание. Он знает многое о магии...

Сердце Джослин екнуло. Она не могла и надеяться.

И тогда внезапно свет в его глазах исчез.

— Но я говорил, что слишком слаб, — он повернул голову и указал на внутреннюю часть руки, плечевую артерию. — Они забрали слишком много моей крови.

Джослин посмотрела на разрезанную, окровавленную, свисающую с плеча Брейдена рубашку. Почему она не видела этого раньше?

Молодой парнишка потерял слишком много крови. Она сделала шаг назад, закрыло лицо руками и заплакала, не в силах больше оставаться сильной.

Брейден медленно поднял голову, посмотрел на нее. Его успокаивающий взгляд был хищным, словно он изучал добычу.

Желая выжить.

— Если только...

— Если только что? — спросила Джослин. — У тебя есть идеи, Брейден?

Он покачал головой и снова опустил ее.

— Нет, у меня нет идей.

Он лгал. Почему?

Джослин мягко обхватила его лицо ладонями. Его прекрасные ореховые глаза потемнели от боли, на бледной коже были потеки от крови и слез.

— Скажи мне, Брейден. О чем ты думаешь?

Брейден вздохнул и прошептал:

— Кровь.

— Что? — спросила она.

— Если я смогу взять твоей крови, этого будет достаточно, чтобы связаться с Накари. Возможно, даже чтобы он помог мне. Или, по крайней мере, мы бы выяснили, как выбраться отсюда.

К своему стыду Джослин отступила от креста с широко раскрытыми глазами.

Да уж, настоящая сила и мужество.

«Только не это, — думала она. — Что угодно, только не это».

Она с трудом сглотнула, набираясь храбрости.

— Что именно ты имеешь в виду, Брейден? Если я... дам тебе крови, что конкретно ты сможешь сделать?

Брейден всхлипнул.

— Я точно не уверен. Но я знаю, что был бы достаточно силен, чтобы связаться с Накари и попросить о помощи. Около минуты. Возможно, я смог бы удерживать связь достаточно долго, чтобы он смог помочь мне выбраться отсюда. Помнишь? Когда я не мог перевоплотиться? Как он превратил меня в мышь и обратно? Когда я не мог сделать это сам?

Джослин кивнула.

— Я помню.

Брейден опустил голову.

— Но у меня будет не очень много времени, может быть, около тридцати секунд или что-то вроде того, — внезапно золотые радужки его глаз загорелись, когда искра надежды появился в их глубине. — Джослин, Натаниэль тебя уже обратил? Он когда-нибудь пил твою кровь?

Джослин инстинктивно потянулась к горлу.

— Нет, никогда, — ее отказ был непреклонен.

Свет в его глазах погас.

— А что?

Брейден покачал головой.

— Если бы он обратил тебя, вы бы могли говорить телепатически. Ты бы легко связалась с каждым из них. И если бы твоя кровь была в нем, он бы нашел тебя где угодно. Это словно радар — вапмирский GPS. Без этого он никак не сможет найти тебя.

Джослин закрыла глаза. Натаниэль медлил, не обращал и не брал кровь, хотя его жизнь зависела от ее безопасности... от того, останется ли она с ним.

Джослин мягко провела рукой по щеке Брейдена, пытаясь унять его постоянный озноб и мучительную гримасу боли, которая сопровождала каждое сказанное им слово.

Этот мальчик невинен. Сын женщины, которую избрал вампир. Человек. Как и она. Он был обращен. Брейдена втянули в этот опасный мир, не предоставив ему выбор, поэтому как она могла оставить его так мучительно умирать?

И, не дай Бог, что если он не умрет?

Они держали его живым все это время по какой-то причине: что они собираются делать с ним, когда вернуться?

Желудок Джослин сжался. Она не могла позволить себе бояться. Она не могла быть такой эгоистичной.

Когда она думала о своем информаторе, то знала, что это Уилли был в сарае с Брейденом. И, помоги ей Бог, она не хотела ничего больше, чем пустить ему пулю в голову прямо сейчас. Позвать Накари, Натаниэля, Кейгена и Маркуса Брейдену на помощь, и не только, чтобы спасти его, но и чтобы отомстить за него. Если стоимостью этой мести была ее собственная кровь, так тому и быть.

Набравшись решимости, она посмотрела прямо в глаза Брейдену.

— Что мне нужно сделать, Брейден? Как я могу дать тебе кровь?

Брейден поморщился.

— Если честно, я не уверен, что достаточно силен для этого: мой отец и Накари обычно кормили меня, — он смущенно отвел взгляд, словно стыдился того, что рассказал ей этот секрет. — Я пытался несколько раз, но не был достаточно... осторожен при этом. Ты понимаешь, о чем я?

Джослин покачала головой.

— Я имею в виду, — он разочарованно вздохнул, — возможно, тебе будет больно... если я попробую.

Джослин положила руку на живот.

Он мог оставить эту информацию при себе.

— Не говори так, Брейден, — предупредила она. — Поверь мне, так ты не помогаешь. Давай просто вдвоем сосредоточимся на том, что нужно сделать. Я не брошу тебя в этом сарае, поэтому то, что мы собираемся сделать, — единственный выход.

Малиновая слеза скатилась по его щеке, и Брейден отвернулся.

Джослин погладила его по лицу.

— О черт, Брейден. Мы в довольно затруднительной ситуации, верно?

Брейден кивнул и решительно сморгнул слезы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я мог бы попробовать запястье, но там не слишком хорошие вены. Не такой кровоток. Медленный. Из твоей шеи было бы проще... для меня.

Джослин сразу почувствовала, как почва уходит из-под ее ног. Она протянула руку и схватилась за крест, чтобы успокоиться, но, в конечном счете, задела Брейдена, который сразу же застонал от боли из-за резкого движения.

— О дерьмо! Прости... Прости, Брейден!

Черт, им нужно с этим заканчивать.

Брейден всхлипнул и попытался кивнуть.

Джослин сделала еще один глубокий вдох.

— Хорошо... поскольку мы оба решили сделать это, и ты прекрасно справишься, давай для начала проверим, что мы все продумали.

Она хотела удостовериться, что Брейден использует время с Накари с умом. И более того, она хотела быть уверенной, что им не придется пытаться больше одного раза.

— Когда ты свяжешься с Накари, я хочу, чтобы ты сказал ему о степени твоих травм, и убедись, что он понимает, что ты прикован к кресту. Дай ему понять, что я здесь с тобой и никак не могу освободить тебя. Скажи ему, что он должен помочь тебе, и ему нужно сделать это как можно скорее, потому что у вас есть только несколько секунд. И, если у тебя еще останется время, попытайся описать обстановку сарая... инструменты, которые тут есть, возможно, ему в голову придет идея, которая не пришла мне. Ты все запомнил, Брейден?

Брейден выглядел ошеломленным.

И если честно, Джослин пришлось признать, что у нее слишком большие запросы...

Она видела в доме Натаниэля, как этот молодой человек изо всех сил пытался использовать свои способности, но правда была в том, что он не обладал ими в полной мере. Но если она что-то и знала наверняка, то это то, что необходимость была действительно матерью хитрости, и вопросы жизни и смерти хорошо вдохновляли людей на новые таланты.

Она надеялась, что вампиры тоже включены в эту теорию.

— Я постараюсь, — пробормотал он.

Джослин почувствовала, как дрожат колени, и поняла, что нужно действовать решительно, прежде чем ее покинет мужество.

— Хорошо, тогда шея. Где я тебе нужна?

Брейден посмотрел на нее сверху вниз.

— Можешь убрать волосы в сторону? И приподняться. Поднеси свою шею к моему рту.

Несмотря на всю серьезность ситуации, парнишка был смущен, словно стеснялся говорить такое женщине. Джослин промолчала, надеясь, что для вампира не было ничего сексуального в акте кормления. Но когда мысль стала невыносимой, она ее отогнала. Беспокоиться нужно было и о многом другом, но эти мысли она решила держать при себе.

— Ты готов? — спросила она.

Брейден опустил голову на мгновение, будто пытаясь передохнуть и набраться сил. А когда, наконец, был готов, снова поднял лицо и повернулся к ней.

— Да.

Джослин начала приближаться к молодому вампиру, а затем внезапно отшатнулась: юный застенчивый Брейден выглядел довольно... настораживающе. Его прекрасные орехового цвета глаза заволкло тенями чернее ночи, а золотые зрачки сузились, как у хищного зверя, становясь глубокого красного цвета. Его мягкие, пухлые губы образовали оскал и дрогнули. У мальчика практически слюна текла от нетерпения.

Он был уже не застенчивым неуверенным ребенком, которого она встретила в доме, не человеком, который не знал, как быть вампиром. А собой... И собирался погрузить

удлинившиеся клыки ей глубоко в горло.

Джослин вознесла молитву и приблизилась к кресту настолько, насколько смогла.

Не дрожать. Не падать в обморок. Не вырываться.

Повторяла она как мантру.

Не дрожать. Не падать в обморок. Не вырываться.

А потом она поднялась на носочки, убрала волосы и прижалась щекой к щеке Брейдена.

Несмотря на решимость, ее тело дрожало от страха.

Она чувствовала его теплое дыхание на своей шее, сильно контрастирующее с холодом ночи, когда он медленно повернулся в сторону. Уткнулся носом в ее шею, осторожно проводя губами туда и обратно несколько раз, будто пытаясь найти лучший угол, и, как ни странно, на нее снизошло ощущение спокойствия. И потом внезапно, когда она, наконец, расслабилась, гортанное шипение вырвалось из его горла, и он укусил невероятно быстро и точно.

Голова Брейдена резко опустилась вниз, рот вцепился ей в горло, и его острые клыки глубоко проткнули ее артерию, со свирепостью, которой она не ожидала. Мощный укус чуть не заставил ее упасть, боль пронзила шею, перешла на плечи и прошла по всей длине позвоночника.

Ее ноги дрожали. Тело сотрясали конвульсии. Прошло почти тридцать секунд, прежде чем она, наконец, сдалась власти удерживающего ее вампира... И обмякла напротив него, расслабляясь...

Кровь, вытекающая из вены, казалась холодной, и она чувствовала, как он делал мощные глубокие глотки живой жидкости. А затем неожиданно оказалась там: вместе с Брейденом и... Накари.

Она ощутила явное присутствие Натаниэля, Маркуса и Кейгена, каждого из них, как будто они находились рядом в реальности. Брейден передал информацию так, как и поручила ему Джослин... не забывая ничего.

«Жизнь и смерть», — думала Джослин.

Накари ответил быстро и решительно: «Ты будешь пить, пока я не скажу тебе отпустить ее, а затем позволишь мне полностью контролировать твой разум, чтобы я смог освободить тебя прежде, чем мы потеряем связь».

Брейден проворчал утвердительно.

«Джослин? — голос принадлежал Натаниэлю. — Слушай внимательно, любовь моя».

Джослин не знала, может ли Натаниэль услышать ее ответ, и, честно говоря, она была слишком парализована болью, чтобы отвечать, даже если бы могла, но звук его голоса окутал ее сердце теплом и надеждой. До этого момента она и не знала, как скучала, и насколько сильна их связь.

«Накари кормил Брейдена раньше, но никогда не брал его кровь... так что у нас нет такой связи. Мы двигались по вашему следу до реки Бухта Змеи, но река разветвляется в трех направлениях, и буря замела все остальные следы. Как только Брейден будет свободен, мне нужно, чтобы ты взяла ракетницы и выпустила столько, сколько сможешь. Не волнуйся о буре. Даже если мы не сможем увидеть их, мы сможем почувствовать запах фосфора. Просто продолжай стрелять из ракетниц. Я обещаю, мы придем к вам немедленно».

Джослин моргнула, не в состоянии двигать головой, надеясь, что Натаниэль почувствовал ее понимание. Надеясь, что он знал, как по-настоящему ей было жаль, что она вот так просто ушла.

«И Джослин? — это вновь был голос Натаниэля. — Ты должна знать, что Тристан не один. С ним несколько солдат, и они не люди, дорогая. Они ликаны, оборотни. Их может убить только тяжелое ранение или серебряная пуля в сердце. Так что не пытайся бороться с ними. Доберись до ракетниц, тигриные глазки».

Джослин была почти благодарна, что ее удерживали мощные клыки и какой-то вампирский контроль... что Брейден имел полную власть над ее телом в этот момент, потому что, в противном случае, она могла просто потерять сознание.

Оборотни?

Достаточно. С нее хватит.

А потом мощный мужской голос раздался в их головах: «Брейден, это Маркус».

Брейден замер, прислушиваясь.

«Как ты держишься, сынок?»

Джослин услышала, как сердце Брейдена пропустило удар. Маркус назвал его сынок, и он, практически затаив дыхание, прислушивался к следующим словам грозного воина.

«Мне нужно, чтобы ты сделал кое-что для меня: мне нужно, чтобы ты позаботился о Джослин... сделал все возможное, чтобы вы оба были в безопасности, пока мы не сможем проследовать за ракетницами. Я знаю, как это трудно сейчас. Я знаю, что тебе больно, но это то, что делают воины. И я считаю, что под всей этой мишурой ты настоящий воин. Ты можешь сделать это для меня, сынок?»

Несмотря на огромные страдания, его неспособность говорить, ответ Брейдена можно было ясно почувствовать. Его решимость была почти ощутима: он выполнит то, о чем попросил Древний Мастер Воин, или умрет, стараясь.

Следующим заговорил Кейген: «Не забудь использовать свой яд, Брейден. Это поможет стабилизировать твои раны, пока я не смогу осмотреть твои травмы. Мы будем там в ближайшее время, так что держись; знай, что тебе осталось потерпеть еще немного».

И тогда вернулся Накари, его тон был мягким, мелодичным и непоколебимым.

«Достаточно крови, Брейден. Отпусти Джослин и запечатай раны. Я должен действовать быстро, когда возьму под контроль твой разум, поэтому это не будет мягко. Так что не сопротивляйся».

По команде Накари Брейден начал вынимать свои клыки. Его резцы удлинились, выпуская мелкие капельки яда на шею Джослин. Ранки мгновенно исцелились.

Джослин упала на пол сарая, задыхаясь, и схватилась за шею, пытаясь массировать ее, чтобы снять боль.

Она лежала там, чувствуя, как кружится голова, глядя на крест, наблюдая, как Брейден начал мерцать, и раны на его руках и груди стали излучать пульсирующее оранжевое свечение, когда его тело освободилось от проткнувших его кольев. Как воздух, проходящий через пространство, Брейден мягко поплыл к земле.

Вот так просто. Он был свободен.

В момент, когда ноги Брейдена коснулись земли, Джослин услышала голоса, доносившиеся из-за угла.

Злые голоса.

Проклинающие. Гортанные.

Тристан и Уилли.

Они вернулись явно в паршивом настроении, очевидно, потому что не смогли охотиться

в такой сильный шторм. Они казались раздраженными, но решительными... отчаянными настолько, чтобы убить, по крайней мере, одного. А кто лучше подходит в холодных, ограничивающих условиях, чем беспомощный, умирающий Брейден?

Джослин чувствовала отвращение и страх, но Накари был все еще соединен со своим молодым протеже. И понял, что услышал Брейден.

Поскольку Джослин и Брейден отчаянно бежали в укрытие, Накари быстро построил иллюзию Брейдена, все еще висящего на кресте, проткнутого колом, кровоточащего и почти мертвого. Они помчались в смежную комнату, направо от той, в которой Брейден подвергся пыткам, и скрылись в ней.

Задержав дыхание, они спрятались.

Как только Джослин и Брейден вбежали в затхлую заднюю комнату, тут же пригнулись к полу, тихо закрыв за собой дверь. Брейден, поспешив в дальний левый угол, нырнул за большой деревянный ящик, в то время как Джослин, бросившись направо, притаилась под странным, нависшим объектом.

Как только она там оказалась, ее глаза начали привыкать к крошечной темноте в комнате, и массивный объект перед ней обрел форму. Джослин прижала руки ко рту, пытаясь подавить крик — этого просто не могло быть.

Большое деревянное устройство стояло, словно злобный фантом, живое воплощение ужасного темного прошлого. Это была статуя, вырезанная из пыток и боли... сформированная темными руками бесчеловечности.

Древняя гильотина почти пять футов в высоту, с тяжелым железным лезвием, балансирующим на вершине двух соседних квадратных столбов. Массивный клинок удерживал длинный ржавый штырь, а под острым краем находилась твердая платформа... горизонтальная деревянная кровать.

Кровать стояла перпендикулярно лезвию, чтобы голова беспомощного пленника лежала под нависшей сталью — лицом вверх или вниз, в зависимости от желания палача.

Джослин напряженно вглядывалась в темноту. Снова и снова. А потом, в абсолютном ужасе, поспешно начала отползать от этой штуковины, поднимая пыль от бешеных усилий, когда ее каблуки вонзались в землю. Ее глаза продолжали смотреть на беспомощного мужчину, лежащего перед ней в кандалах на деревянном помосте.

Натаниэль называл такую густую гриву короной Королевской Кобры, но какое бы название она не носила, цвет был очевиден: красные и черные локоны непослушных волнистых волос. Признак Темных — длинные, шелковистые пряди цвета полуночи и темно-красного, смешанные в великолепную... и ужасающую гриву.

Глаза вампира открылись, светясь, словно два алых уголька в темноте. К ужасу Джослин, он продолжал смотреть на нее, в то время как она сидела в ловушке у стены, не менее чем в двух метрах от его выступающих клыков.

Джослин прижималась к стене так сильно, как могла... молясь о том, чтобы исчезнуть из поля зрения этого существа.

Но его взгляд оставался прикован к ней.

Его тело покрывали побои и кровь от, наверное, сотни ран — преднамеренных мелких порезов, сделанных с единственной целью — медленно обескровить его. Руки и ноги были закованы в тяжелые кандалы, пара на лодыжках и пара на запястьях. Огромный штырь, чуть ниже его правого плеча, удерживал их на месте.

Существо дернуло за тяжелые кандалы и резко угрожающе зарычало, дико мечась и пытаясь освободиться. Его холодные глаза пронзили ее. А затем он кинул на нее такой демонический взгляд, что Джослин застыла на месте, уверенная, что он вырвет ей горло прямо на этой платформе... в кандалах или нет.

Джослин оглядела комнату в поисках оружия: трубы, молотка — чего-нибудь, что бы дало ей хоть какую-то защиту против этого гневного существа. Хотя платформа выглядела надежной, а монстр казался ослабленным, у нее не было никаких сомнений в том, что он искал способ вырваться на свободу. И она была его целью.

Его вновь обретенным вдохновением.

Внезапно дверь в сарай распахнулась, и глубокий гневный голос Тристана разнесся эхом по всему помещению.

— Джослин! Где ты? Что, черт возьми, ты наделала?

Очевидно, он узнал, что она нашла ключи. Затаив дыхание, она прислушивалась к звуку его шагов, пока он осматривал сарай, яростно разбрасывая вещи на своем пути.

Он ругался как матрос, разбивая предметы о стены, беспорядочно направляя яркий луч своего фонарика в разные стороны... на пол, на потолок, затем снова вниз к углам сарая.

— Мальчишка все еще здесь, — сказал Уилли, — так что она не могла уйти далеко.

Джослин закрыла глаза. Слава богу. По крайней мере, они не знали, что Брейден свободен. Пока она думала об этом, Брейден тихо пробрался по полу к передней части почерневшей комнаты, где присел в ожидании за тяжелой дверью.

Тристан хмыкнул.

— Она недостаточно сильна, чтобы освободить его, иначе, поверь мне, она бы это сделала. Джослин! — его голос стал тяжелым от гнева.

Джослин затаила дыхание и ждала, казалось, вечность, пока шаги Тристана медленно приближались к задней части сарая. Пока его рычание и шипение становились все громче и громче. Ее сердце екнуло, когда она услышала, как дверь в соседнюю комнату открылась... а затем закрылась... понимая, что эти двое теперь направлялись туда, где были они.

Когда Брейден пригнулся за дверью, Джослин съезжилась: мальчик не соперник для Тристана или Уилли, если они те существа, которыми назвал их Натаниэль. Ее глаза расширились от испуга, сердце колотилось от страха и ожидания. Оборотни. Их не существует. Они не могут существовать. Но ведь и вампиры не существовали всего несколько дней назад.

Руки и ноги Джослин начали неудержимо дрожать, когда тяжелая деревянная дверь со скрипом отворилась, и смерть показалась в дверном проеме. Кого она обманывала? Она была детективом. У нее отличные навыки самообороны, но она ни в коей мере не была подготовлена для борьбы с такими существами, которые через несколько секунд будут здесь.

А Брейден?

Напуганный мальчик с огромным сердцем и сильной волей... тот, кто стоит на пороге ужасной, несправедливой смерти. Человек, обращенный вампир, который не мог даже превратиться в летучую мышь без посторонней помощи.

Когда Тристан, наконец, вошел в комнату, Джослин смирилась с неизбежным выводом: они обречены. Она только надеялась, что это будет быстро и безболезненно.

А затем, в своем смирении, скользнула взглядом вниз на гильотину, на злобное существо, лежащее перед ней... того, кто присоединится к ним в смерти.

И ее сердце пропустило удар.

Что она узнала за все годы работы детективом о природе видов? Любых видов. Самосохранение — для них инстинкт... первобытный... сражайся или беги. Не имело значения, были они ворами, совершающими кражи со взломом, охранниками, наблюдающими за заключенными, или полицейскими, на которых напали преступники; в пылу сражения инстинкт самосохранения всегда побеждал.

Несмотря на самые лучшие намерения, один, и только один инстинкт выходил на первый план: инстинкт выживания. Глубокий, первобытный внутренний голос, что кричал: «Оставайся в живых!»

Джослин прижала руки к груди, пытаясь собрать все свое мужество. Это было правдой — волки откусывали собственные лапы, чтобы выбраться из ловушки охотника, а люди поедали своих же мертвецов во время зимы. Независимо от угрозы, независимо от препятствия, которое стояло между живыми существами и их жизнью, если все пойдет достаточно далеко... они переступят любую грань.

Джослин сплотила и заставила себя посмотреть на темного монстра. Абсолютное отвращение на его лице заставило ее вздрогнуть, но она продолжала смотреть в его наполненные ненавистью глаза.

Она не была его врагом. Не сейчас.

Молясь, чтобы у него были способности к телепатии, она протянула дрожащую руку и осторожно положила ее на его голову. Он дернулся, дико зашипев, и пронзил ее взглядом.

«Если тебя не отпустить, ты умрешь сегодня вечером, — сказала она, ее голос дрожал даже у нее в голове. — Может быть, я твой враг, и ты, возможно, хочешь меня убить, но мы оба знаем, что я не угроза. Не здесь. Не сейчас. Не сегодня. И не этот ребенок. Он жертва как и ты». Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, ее рука дрожала напротив его волос.

Непроизвольно подумав о монстре Валентайне в том зале, вспомнив его почерневшую душу... вспомнив зло... она поняла, что торгуется с дьяволом. Но выкинув эти мысли из головы, продолжила настаивать.

«Оборотни пришли, чтобы охотиться как на потомков Джейдона, так и на потомков Джегера — чтобы уничтожить весь ваш вид, не делая различий. Если мы будем сражаться друг с другом, мы все здесь сегодня умрем, но, если мы будем бороться с ними, то можем выжить».

Он продолжал дергаться и шипеть, явно не впечатленный ее монологом, его обнаженные клыки упирались в нижнюю губу, дыхание стало хриплым и рычащим. Его глаза сузились еще больше, пока в них не осталось ничего кроме ярости.

Джослин изучала его лицо, отказываясь смотреть в сторону. «Враг моего врага — мой друг, — она шептала слова, почти как мантру. — Враг моего врага — мой друг... Враг моего врага — мой друг!»

Она знала, что пыталась убедить больше себя, чем яростное существо, лежащее перед ней, — избитого мужчину, беспомощно ожидающего возобновления своей пытки и последующей смерти. И понимала жестокую правду: этот вампир ничего не знал о дружбе. Или лояльности. Или совместной работе с такими, как она. Но он жив, дышит. И это означает, что у него есть инстинкт выживания. Они делили общего врага, и было ясно, что враг, который представлял наибольшую угрозу для его жизни... не она.

Ее аргумент был прерван воем Тристана и его ужасающим ревом ярости, который сотряс все строение. Охотник нанес свирепый удар прямо в лицо притаившегося за дверью вампира, и Брейден увернулся с невероятной скоростью. Он легко ушел от удара, но полностью проигрывал во всех других отношениях.

Его клыки удлинились.

Его глаза горели.

Он бросился к горлу ликана, острые зубы с дикостью рвали плоть, в то время как гортанное шипение эхом отдавалось в ночи.

Джослин застыла... в ужасе.

Она смотрела на происходящее, будто на фильм ужасов, от которого не могла

отвернуться. Все словно проигрывалось в замедленном темпе.

Брейден наносил удар за ударом. Его когти рвали и резали. Он мотал головой из стороны в сторону, рыча, как бешеная собака, пока тянул и терзал плоть Тристана, отчаянно пытаясь вырвать плотку мужчины. И тогда то, что дальше увидела Джослин, наполнило ужасом каждую живую клеточку ее тела.

Тристан. Ее напарник вот уже три года. Человек, которого она знала, с которым работала и которому доверяла... запрокинул непослушную гриву волос назад и испустил неестественный крик — демонический вопль ярости, который так потряс основание разваливающегося сарая, что строение почти обрушилось. Внезапно его кости стали удлиняться. Суставы трещали, и мышцы растягивались до невозможности. Грубый, густой, светло-коричневый мех стал пробиваться через поры его кожи, челюсти выступили вперед так, что стали видны острые клыки и зубы.

Волк был просто огромен, в высоту по крайней мере десять футов. Его мышцы бугрились, а глаза светились дьявольским желтым. Одной сильной рукой он схватил Брейдена за горло и, оторвав зубы мальчика от своей шеи, швырнул прямо в стену сарая.

Голова Брейдена откинулась назад, приняв на себя основную тяжесть удара, хлынула кровь. И тогда Тристан впился страшными клыками в плечо Брейдена, чуть выше сердца, разрывая его, как дикое животное... как лев, поймавший свою газель.

Брейден закричал от боли, и Джослин импульсивно вскочила, чтобы прийти к нему на помощь, когда внезапно его крики умолкли, и вид огромного серого волка,двигающегося украдкой в ее сторону, отвлек ее внимание от зверств, происходящих перед дверью.

Уилли!

Он был полностью превращен, и его светящиеся яростью, голодные желтые глаза смотрели на Джослин. Уилли медленно обошел угол комнаты, преследуя ее по широкой дуге, с таким искаженным оскалом, что он, казалось, улыбался.

Сердце Джослин остановилось.

Конечно же, Брейден был мертв.

А теперь и она.

Ее конец наступит в темном углу почерневшего сарая, в середине леса... от рук отвратительного существа. В наивысший момент страха какая-то часть души приняла судьбу, и, охваченная неожиданным спокойствием, она посмотрела вниз. Опять же, мысль пришла... незвано:

— Враг моего врага — мой друг, — она произнесла слова вслух, так как ей было абсолютно нечего терять.

Смерть от рук вампира, несомненно, будет менее жестокой, чем от бешеного волка.

Не раздумывая и не медля, Джослин нагнулась и вытащила тяжелый штырь, прикрепленный к замковому механизму: единственной гарантии, что кандалы останутся на месте.

Со сверхъестественной скоростью существо вскочило с деревянной платформы и, как свирепая ракета, сократило расстояние между ним и ликаном. Уилли и Темный встретились в воздухе, их тела переплелись в отчаянной борьбе за жизнь, и последующая атака, которая обрушилась на оборотня, была похожа на облако вулканического пепла, сыплющегося с неба. Когти и клыки вампира впилась в горло Уилли с жестокостью и яростью.

Плоть разрывалась. Кровь брызгала. Кости трещали... И отчаянный крик Уилли пронзил воздух.

Джослин не осталась, чтобы посмотреть шоу.

Она отчаянно хотела помочь Брейдену, но знала, что его единственная надежда — их единственная надежда — Натаниэль и его братья.

Почти столкнувшись с гильотиной на своем пути к двери и еле увернувшись от Тристана, она промчалась к скамье, на которой видела сигнальные ракеты.

Практически на бегу Джослин схватила горсть огненных палочек и небольшую коробку спичек... и, не снижая скорости, побежала к входной двери в холодную ночь.

Ледяной ветер выбил воздух из ее тела, и она могла слышать Тристана, который сокращал расстояние между ними, рыча как зверь, но сосредоточилась на сигнальных ракетах... в то время как ее дрожащие руки пытались поджечь спичку.

Он был близко. Слишком близко.

— Черт возьми! — она дрожала, ее пальцы отказывались работать.

Первые две спички не зажглись, и она бросила их в снег.

Тристан, золотистый волк, теперь бежал по снегу на полной скорости. Первобытный крик ужаса пронзил ночь, когда Джослин увидела его клыки и снова повернулась к сигнальным ракетам.

— Зажигайся! Зажигайся! — умоляла, снова ударяя спичкой по коробке.

Один... два... три раза. Маленькое пламя едва замерцало на ветру под ее дрожащей рукой, и хотелось, чтобы оно горело, чтобы снег не отнял эту единственную надежду.

Пламя продолжало гореть, и она зажгла конец фитиля, даже чувствуя теплое дыхание Тристана на шее... обжигающее кожу.

Задыхаясь, он сомкнул челюсти на ее руке. Когда огромные зубы впились глубоко в плоть, он попытался вырвать у нее ракету, но Джослин отказалась отпустить. Она знала, как работать под давлением, была обучена оставаться спокойной под принуждением, и собрала каждую унцию своей воли, чтобы отогнать боль... и удержать ракетницу. Ловко переложив ее в другую руку, она попыталась сдержать мощный приступ тошноты, который угрожал лишить ее сознания.

Когда Тристан выпустил ее пустую руку и бросился на нее с другой стороны, Джослин быстро повернулась к нему спиной, и приняла всю тяжесть удара между лопатками. Ее тело полетело вперед, лицом в снег. Тем не менее, она держала руку с ракетницей над головой, как цирковой акробат, лихорадочно пытающийся не разлить стакан воды... идя по жесткому канату.

Тристан в это время превращался у нее за спиной, волк уступал место человеку. Его сильная рука потянулась к ней, но сигнальная ракета успела взмыть в небо, как метеор. Красные и оранжевые языки пламени взорвались, как фейерверк, снег смешивался с фосфором, когда раскаленные угольки посыпались вниз на их головы.

Тристан был в ярости. В безумной ярости из-за ее неповиновения и боли, которую причинил ему Брейден. Он схватил ее сзади за куртку и поднял с земли одной рукой. А потом, перевернув, как тряпичную куклу, жестоко кинул обратно на белую землю, и его бешеные глаза оказались прямо перед ее лицом.

— Он не успеет вовремя, — прорычал он. — Твой бойфренд. А когда придет, уже не захочет тебя, — он злобно засмеялся. — Вампиры — они такие собственники. Эти ублюдки.

Джослин закричала, когда он оседлал ее, его мышцы сокращались, колени были по обе стороны от ее талии. Он разорвал на ней одежду, превращая ткань в лохмотья, и отбросил в сторону, с жадностью смотря на ее незащищенную плоть.

— Тристан, пожалуйста... остановись!

Она пыталась бороться, но это было бесполезно. Ее голова кружилась, раненная рука была в огне. А Тристан казался одержимым. Животное без совести и милосердия.

Он схватил ее за горло и сжал, выдавливая из нее воздух одной сильной рукой, пока другой рукой срывал оставшуюся одежду. Только когда она начала терять сознание, он выпустил ее горло, лишь для того, чтобы раздвинуть ей ноги.

Тристан был голый после трансформации — из человека в волка и обратно — ничего не сдерживало его разъяренное возбуждение от быстрого, легкого проникновения.

Глаза Джослин наполнились слезами, пока холодный мокрый снег путался в ее волосах, а ледяной холод проникал в мозг. Она чувствовала дыхание Тристана на своем лице, головку его члена напротив ее входа. В последнем отчаянном усилии избежать всех последствий насилия, она отключилась от своих эмоций и посмотрела в небо. Мягкие, кружащиеся хлопья снега блестели как тысячи алмазов под полуночным холстом, слабый оттенок красного и оранжевого все еще мерцал среди шторма, словно огненная радуга.

Она принюхалась к воздуху, пахнущему влагой, холодом и горящим металлом, и попыталась искать звезды. Созвездие.

Может быть, Кассиопею, ее и Натаниэля. Да, было бы хорошо. Найти Кассиопею. Все что угодно, чтобы забыть о том, где она находится.

Но Тристан не собирался позволять ей притворяться, что она была где-то в другом месте. Чувствовала что-нибудь еще, кроме него.

Он потянулся к ее волосам, властно потянул ее голову вперед и приказал:

— Смотри на меня, когда я беру тебя!

Его глаза были дикими от похоти.

Его рот скривился в гневе.

Он зарычал, как зверь, которым и был. А потом толкнулся бедрами вперед.

Натаниэль Силивази спустился с неба, словно ангел смерти, его глаза пылали от гнева и ярости. Невероятно тихо он приземлился позади сумасшедшего охотника, наклонившегося над Джослин.

А затем напал со сверхъестественной скоростью.

Питаемый гневом и мстью, он обнажил свои когти и, просунув руку между ногами существа, вцепился в член и мошонку железной хваткой.

Натаниэль потянул назад в тот же момент, как ликан толкнулся вперед, вырывая кусок плоти одним быстрым движением. То, что осталось от мужественности Тристана, было кровавой кучей плоти и крови, капающей с руки разозленного вампира.

Тристан не ожидал ничего подобного.

Нападение было таким стремительным, что ему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать произошедшее.

Время словно остановилось.

А потом огромный мужчина закричал, настолько мучительно, что земля содрогнулась под ними. Все еще находясь в шоке, он попытался вскочить на ноги, повернуться и бороться, но был слишком слаб. Оставляя за собой реки крови, он упал на колени к ногам смотрящего на него с ненавистью вампира.

Джослин закричала в ужасе от того, что увидела — всепоглощающий гнев, который горел как олимпийский огонь в глазах Натаниэля — вампир стоял там и наблюдал за истекающим кровью охотником, его подобные кинжалам клыки полностью удлинились, рот искривился в беспощадном презрении. Он спокойно сделал шаг назад, как будто ожидая, когда боль полностью охватит тело оборотня.

Тристан наклонился вперед и только тогда рассмотрел свои половые органы. Воздух покинул его легкие, и его лицо вытянулось. Ошеломленный и дезориентированный, он встретил пристальный взгляд Натаниэля. Открыл рот... но не издал ни звука.

Натаниэль наклонил голову.

— Не так ты планировал вечеринку, да? — его голос был словно лед: резкий, холодный, неумолимый. Он приблизил свое лицо к ликану. — Я говорил тебе, если ты хоть пальцем коснешься моей женщины, я сдеру с тебя кожу.

Вампир посмотрел на то, что держал в руке, и нахмурился с отвращением.

— Я полагаю, это подойдет.

И тогда он нагнулся, запрокинул голову Тристана назад, схватив за густую гриву волос, и погрузил свой кулак в раскрытый рот ликана, проталкивая его в горло, погружаясь все ниже, глубоко в полость груди, от натиска мышцы и сухожилия разрывались, а кости и суставы ломались... и кровь выстреливала фонтанами. А потом Натаниэль вытащил свою руку, потянув за сердце с такой грубой силой, что орган поддался так легко, словно был не больше, чем йо-йо на веревочке.

Последние слова Натаниэля сочлились ядом.

— И я обещал, что вырву твое сердце через горло.

Тристан моргнул два или три раза, даваясь собственной кровью, и медленно упал на землю кучей искалеченной плоти. Последнее, что он видел, — собственное бьющееся сердце и то, что осталось от его мужественности, свисающее с руки Натаниэля Силивази.

Джослин задохнулась и попыталась прикрыться. Несмотря на облегчение от спасения, ее первой реакцией было желание отползти подальше: Натаниэль внушал страх, и его вид, источающий такую власть, такой примитивный гнев, наполнял ее ужасом. Он угрожающе возвышался над ней, труп Тристана резко упал к его ногам, кровь капала вниз с рук, темные волосы развевались на ветру... длинное черное пальто облегалo его сильное тело, как кожа пантеры. Мужчина был олицетворением власти и целеустремленности, ада и ярости. Удивительный в своем гневе, он выглядел ужаснее, чем она когда-либо видела.

— Джослин, — Натаниэль произнес ее имя с благоговением, — не бойся, любовь моя. Я никогда не причиню тебе боли.

Он нагнулся, чтобы отмыть кровь снегом, прежде чем взять ее на руки. А затем одним изящным движением преодолел расстояние до крыльца домика, распахнул дверь ударом ноги и внес ее внутрь.

Натаниэль оглядел гостиную, нашел тяжелое шерстяное одеяло и, накрыв Джослин, уложил на мягкий диван. Обхватив ладонями ее лицо, он нежно приподнял ее голову и прошептал, пристально вглядываясь в глаза:

— Святые боги... я никогда еще так не боялся. Ты ранена?

Красный в его глазах уступил место обсидиановому.

Джослин подняла левую руку, на которую напал Тристан, пытаясь выхватить сигнальную ракету; она выглядела плохо. Помимо многочисленных колотых ран, плоть была разорвана до кости, очевидно, сломанной в нескольких местах. Она была так поглощена нападением Тристана — и мстью Натаниэля — что забыла о боли до этого момента.

— Тристан... — она поморщилась.

Натаниэль низко сердито зарычал.

— Я так сожалею, Джослин, — он взял ее руку, осторожно изучая раны.

Джослин боролась со слезами.

— Тебе не за что просить прощения. Это я ушла от тебя.

Она отвела взгляд.

Даже сейчас ей было трудно думать о том, как легко она отвернулась от него. Очевидно, что он не держал зла, и сделал все, чтобы вернуть ее... От этого было только хуже.

Натаниэль потянулся и нежно провел пальцами по ее щеке; его прикосновение походило на теплый бриз, мягкий и успокаивающий.

— Нет, любовь моя, ты сделала то, что любой в твоём положении сделал бы. И ты доверяла ему.

Джослин кивнула, ее глаза блеснули. Внезапно события последних дней прорвались на свободу, как сквозь дамбу, и обрушились на нее — страх от увиденного в пещере с Валентайном, действительность того, что она принадлежала Натаниэлю, и как это отразится на ее будущем, предательство друга и напарника, попытка изнасилования и боль в руке. Она хотела быть сильной; ненавидела свою уязвимость... особенно перед Натаниэлем. Но вес всего этого был слишком велик.

Слезы потекли рекой, ее грудь вздымалась от рыданий. Ее трясло, и она уткнулась головой в ладони, не в силах поднять свою израненную руку.

Натаниэль обхватил кисти Джослин и осторожно убрал их подальше от ее лица. Крепко обняв, он прижал ее ближе к своему сердцу, осторожно, пытаясь не задеть поврежденную руку. Его объятия были сильными и надежными. Внезапно теплый электрический импульс прошел по ее руке, и боль растаяла... как будто он просто забрал ее у нее.

— Meu iubit... — эти слова были просто шепотом. — Моя любимая, ты теперь в безопасности.

Он поцеловал ее лоб, а затем щеки, виски и веки. Он поймал ее слезы губами, а потом нежно приподнял подбородок, его горящий взгляд излучал столько тепла, и она подумала, что расплавится от нежности.

Джослин смотрела в его невероятно красивые глаза, замечая, как сияют зрачки, словно сверкающее полуночное небо. В их глубине таилась огромная сила, а от формы и совершенства его рта перехватывало дыхание: такие идеальные губы — приглашающие... безупречные.

Он смахнул ее слезы подушечками пальцев и наклонился ко рту. Она дрожала от предвкушения, пока греховно-красивый мужчина ласкал ее, как будто она была его миром.

А потом их губы встретились, и мир вокруг пошатнулся.

Его рот подчинял, дразня медленно и мучительно. Это было и поцелуем, и заявлением прав. Обещанием будущих жарких ночей... Клеймом его души, горящим в ней. И она поняла, что с этого момента принадлежит ему... полностью... безвозвратно. Он был прав с самого начала: она всегда принадлежала ему.

Когда Натаниэль отодвинулся, Джослин задыхалась. Он задел ее так глубоко, и это был только поцелуй. Что же, во имя всего мира, произойдет, если они когда-нибудь займутся любовью?

Натаниэль притянул ее к себе и просто держал.

— Если мы когда-нибудь займемся любовью? — его голос был хриплым дразнящим шепотом, отозвавшимся в ее сердце мягким звуком виолончели. — Когда, мой ангел. Когда мы займемся любовью.

Джослин опустила голову и поморщилась, задав риторический вопрос:

— Ты прочитал мои мысли?

Его ответный смех был низким, наполненным весельем и абсолютно не извиняющимся. Он выдохнул, будто наслаждаясь мигмом... будто желая удержать их первый интимный момент так долго, как только сможет, прежде чем резко стать снова серьезным.

— Кейген скоро будет здесь, я знаю, твоя рука выглядит плохо, но она заживет быстро с его помощью. И я не думаю, что останутся какие-то шрамы.

Потом он встал и выглянул в окно.

Лед образовывался по краям оконного стекла, и снег, казалось, шел еще сильнее, если это было вообще возможно. Он повернулся к ней лицом.

— Ты знаешь, это еще не конец... Тристан пришел сюда не один. Скоро здесь появятся десятки ликанов, окружающих хижину.

Джослин прочистила горло, волнуясь.

— Натаниэль? Ты с самого начала знал... кем был Тристан?

— Конечно, — ответил Натаниэль. — Но я мало что мог сделать, не подвергая многих наших людей риску.

Джослин нахмурилась и покачала головой.

— Я не увидела ничего подозрительного, — она чувствовала такой стыд.

Натаниэль пожал плечами. Его взгляд был теплым, а голос мягким и исполненным сострадания.

— Я не думаю, что это имело бы значение, Джослин... если бы ты знала. На самом деле все могло быть гораздо хуже для всех нас, если бы ты сопротивлялась, — он вернулся к

дивану, рассеянно приподнимая одеяло, чтобы прикрыть открытую часть ее плеча, а затем взял ее руку в свою. — Я хочу, чтобы ты оставалась внутри... несмотря ни на что.

Джослин старалась не выглядеть такой напуганной, какой себя чувствовала; двое оборотней — уже на два больше, чем она когда-либо надеялась увидеть в своей жизни. Она хотела спросить о Брейдене, но уже знала...

Она видела это собственными глазами, прежде чем выбежала из сарая: голова молодого вампира была разбита, а шея сломана. И это было до того, как Тристан начал разрывать его грудь... без сомнения, в попытке вырвать сердце.

Словно один из тех странных трюков, когда подсознание играет с человеком, чтобы помочь ему смириться, но сначала отстрочить неизбежное: если она не спросит... если ей не скажут... тогда вплоть до момента, когда придется признать, это не будет реальным. Где-то в глубине души она могла по-прежнему верить... все еще надеяться... думать, что Брейден жив.

По крайней мере, до того страшного момента, когда истина заберет ее надежду: когда ей придется столкнуться лицом к лицу с его неустанной храбростью... и своей собственной жалкой неудачей.

— У тебя есть подкрепление? — спросила она, заставив свои мысли вернуться к более неотложному вопросу, благодаря своему характеру детектива.

Натаниэль улыбнулся, явно пытаясь успокоить ее.

— У меня есть братья, и они все подкрепление, которое мне нужно.

Глаза Джослин расширились. Ее сердце сильно забило в груди.

— Только ты, Маркус, Накари и Кейген? Против десятка... этих тварей?

Натаниэль вернулся к дивану, опустился на колени и поднес ее руку ко рту. Он поцеловал костяшки ее пальцев и мягко прикусил их кончики, в то время как его глаза не отрывались от ее лица.

— Малышка, все будет в порядке.

Джослин положила свою голову на его грудь.

Он остановился.

— После того, как ты ушла, дом был атакован несколькими солдатами Тристана, наши воины и стражи были нужны, чтобы защитить долину. Мы просто не могли отправить более трех воинов, чтобы спасти двоих человек. Мне жаль, что нам потребовалось так много времени, чтобы найти вас.

Джослин кивнула, и Натаниэль посмотрел куда-то вдаль.

Его глаза потемнели, и плечи поникли от глубокой печали.

— Я сожалею, что мы не пришли вовремя, чтобы спасти Брейдена, — это было, как если бы он прочитал ее мысли и попытался дать ей столько утешения, сколько мог.

В ответ на его слова дверь в хижину распахнулась, и Накари бросился внутрь, нежно держа безвольное тело Брейдена. Джослин закричала при виде сломанной шеи Брейдена, и сильный порыв ветра закружился вокруг двоих мужчин, когда Накари вошел из холода.

Маркус зашел следом за ним.

— Черт, этот ветер действительно усиливается, — рывкнул он, хлопнув за собой дверь.

Натаниэль сразу же подошел к Накари и посмотрел вниз, на Брейдена.

— Он был храбрым. Он... — его голос затих, когда он посмотрел на Джослин.

Слезы текли по ее лицу, она сильнее укуталась в тяжелое шерстяное одеяло, прекрасно понимая, что на ней нет ничего, кроме нескольких лоскутков ткани.

Она сразу же встала с дивана, чтобы освободить место для безжизненного тела Брейдена, сжимая одеяло и прижимая к себе свою раненную руку.

— Мы нашли его недалеко от сарая, — ответил Накари. — Похоже, Тристан добрался и до него тоже, — он посмотрел на руку Джослин и отвернулся в сторону. — И там был еще один ликан... охотник... лежащий мертвым в дверном проеме, его тело было изуродовано до неузнаваемости.

— Уилли, — сказала Джослин. — Напарник Тристана.

Маркус нахмурился и спросил с недоверием:

— Брейден сражался с Тристаном и другим ликаном?

— Нет, — ответила Джослин, — там был еще один вампир, с красными и черными волосами. Его пытали в том сарае. Он сражался с Уилли.

Маркус и Натаниэль беспokoйно переглянулись.

— Ты видел того мужчину? — спросил Маркус.

— Нет, не видел, — ответил Натаниэль. — Накари?

Накари покачал головой и положил Брейдена осторожно на диван, словно хрупкий фарфор... стараясь создать максимальный комфорт. В божественных глазах великолепного вампира стояли слезы, и их лесной оттенок стал изумрудным.

Джослин приготовилась к неизбежному, прежде чем снова задать вопрос Натаниэлю:

— Он... мертв?

Накари покачал головой.

— Он потерял огромное количество крови, у него перелом черепа, и его шея сломана... но его сердце все еще бьется.

Джослин затаила дыхание и подошла к Брейдену.

— Мне так жаль, что я не могла помочь ему... у меня просто не было никакой возможности. Он спас меня, — она смахнула слезы с лица, пытаясь восстановить контроль над своими эмоциями. — Если бы не Брейден, я бы никогда не добралась до сигнальных ракет; вы бы видели, как он пошел за Тристаном.

Она повернулась к Натаниэлю, и ее голос дрожал.

— Я сделала это, верно?

Если бы она только не ушла с Тристаном с самого начала...

Натаниэль схватил ее за здоровую руку и притянул к себе.

— Нет, Джослин, Тристан сделал это. Кейген все еще может спасти Брейдена — ты не должна терять веру.

«Я все еще в паре минут от вас, но буду там в ближайшее время. Меня задержал один из солдат Тристана, когда я вернулся за своими запасами», — голос принадлежал Кейгену, и снова телепатическое сообщение было передано Джослин через прикосновение Натаниэля.

«Натаниэль, Маркус, Накари, вы должны быть готовы. Я видел по крайней мере пятнадцать охотников на своем пути; они не более чем в пяти минутах от хижины. Они разбиваются на небольшие группы, чтобы атаковать вкруговую. Маркус, ты не можешь позволить себе ждать моего прибытия. Дай Брейдену столько крови, сколько сможешь, без того, чтобы это тебя ослабило перед боем».

Маркус немедленно отправился в сторону Брейдена и раскрыл свою длинную кожаную куртку. Он вытащил острый стилет из одного из многих внутренних карманов и глубоко порезал запястье одним гладким, вертикальным движением.

Джослин съежилась, глядя, как он встал на колени рядом с бессознательным телом,

заставил рот Брейдена приоткрыться и залил в него темную жидкость. Он даже не поморщился.

Накари начал поглаживать мышцы горла Брейдена рукой, явно используя дополнительную помощь своего разума, чтобы уговорить потерявшего сознание ребенка пить.

— Почему Кейген попросил Маркуса о крови... вместо Накари? — прошептала она Натаниэлю.

Натаниэль смотрел, как его брат отдавал сущность жизни в попытке спасти молодого мужчину.

— Маркус — самый древний и самый могущественный среди нас; его кровь исцелит его быстрее, чем наша.

Натаниэль повернулся к ней лицом, обхватив ее плечи руками.

— Я собираюсь дать тебе кое-что, и хочу, чтобы ты использовала его, если это будет необходимо. Но помни, что я тебе сказал, оставайся внутри! — его глаза удерживали ее своим внушительным взглядом, а потом он полез внутрь своего пальто и достал девятимиллиметровый полуавтоматический пистолет.

От неверия Джослин открыла рот, когда он снова полез в пальто, чтобы достать дополнительную обойму с патронами: внутренняя подкладка из кожи выглядела как военный арсенал — там было так много всего, заправленного в различные ремешки, кобуры и отсеки, что она не смогла даже рассмотреть, как следует.

Остро заточенные стилеты, все с вырезанными вручную ручками и отполированными серебряными лезвиями; чудовищный сорок первый магnum с полированной жемчужной рукояткой; обрез с двойным дулом, который выглядел так, будто он привез его с собой из дикого запада.

У него были АК-47 военного класса, с несколькими дополнительными обоймами, и впечатляющий Карабин М4 с тридцатью патронами, заправленный в какую-то набедренную кобуру. Джослин была не уверена, но могла поклясться, что видела еще и пару полуавтоматических револьверов, заправленные в две голеностопные кобуры, прямо над его тяжелыми кожаными ботинками.

Помимо этого, у него было несколько древних оружий, арсенал из старого мира, о котором она читала, но никогда не видела, все сделанные из твердого серебра. Изогнутый серп, своего рода железные болас, свисающие с цепи, и обоюдоострый боевой топор.

Натаниэль передал Джослин дополнительную обойму для ее беретты.

— В нем серебряные пули, так что целься в сердце. Это единственный способ убить их.

С военной точностью он начал заряжать оружие, в том числе свой АК-47 и полуавтоматические револьверы, пристегнутые к голеним чуть ниже джинсов. С другой стороны пальто он вытащил какой-то кожаный чехол с несколькими карманами специально для боеприпасов, и повесил его на плечо.

Он заправил двенадцатидюймовый клинок с украшенной резной ручкой, которая выглядела как из династии Мин, в заднюю часть пояса; надел кожаный цестус с шипами на левую руку, обхватил карабин М4 правой, и повернулся к своим братьям.

Зачарованно глядя на Натаниэля с широко раскрытыми глазами, Джослин не заметила, что Маркус и Накари делают то же самое, и она определенно не помнила, чтобы видела, как Кейген вошел в хижину. Но он был там, уже на коленях возле Брейдена, проверяя полученные травмы молодого мужчины. Он полез в мягкую кожаную сумку и вытащил

круглую емкость с гибкой герметичной крышкой сверху.

— Наполни ее, — приказал он, бросая ее Маркусу.

Джослин крайне удивленно посмотрела, как Маркус зарычал, обнажив клыки, и прокусил верхнюю часть контейнера. Его длинные резцы выпустили устойчивый поток яда в контейнер. Когда тот, наконец, наполнился, Маркус втянул резцы и бросил его обратно Кейгену.

Затем внезапно его глаза начали светиться красным, и на этот раз удлиннились его клыки, став вдвое длиннее, а волосы на затылке явно встали дыбом. Все трое выглядели как потусторонние демоны... словно одержимые. Они были викингами из другой эпохи, чья единственная цель — смерть врагов... предстоящая бойня.

Натаниэль наклонил голову в сторону, двигаясь больше как животное, чем человек.

— Будь рядом с Кейгеном, — прошипел он приказ, в котором звучала абсолютная власть.

Он пошел к входной двери с Накари, идущим прямо по его стопам. Когда Маркус двинулся за ними, он повернулся, чтобы посмотреть на своего брата, Брейдена, и, наконец, на Джослин. Его глаза были полны предвкушения... и жара... словно у собаки с костью. От этого устрашающего зрелища у нее перехватило дыхание, и она невольно отступила назад и сглотнула.

Из горла Маркуса поднимался низкий рык. Уголок его губ дрогнул в намеке на улыбку, и, покидая домик... он подмигнул ей.

Сердце Джослин пропустило удар.

Натаниэль боролся за свою жизнь... ради тех, кого любил. Он боролся за нее. Накари был силен... и высокомерен... и уверен как всегда: солдат, выполняющий свою обязанность. Но Маркус? Он был ребенком в кондитерской. Он жил ради адреналина и относился к предстоящему сражению как к спорту.

На сердце у Джослин полегчало: эти воины не сдадутся так легко. Даже против всей армии ликанов.

Она дважды заперла парадную дверь и заняла место на полу рядом с Кейгеном, с тяжелым шерстяным одеялом, все еще обернутым надежно вокруг ее плеч, и девятимиллиметровой береттой, заполненной серебряными пулями, в руке.

Хижина была смертельно тихой и устрашающе темной, ее наполнял только мягкий свет, идущий от огня, мерцающего в камине, и отражающийся на противоположной стене.

Кейген тщательно обработал раны Джослин и обернул ее руку в мягкую ткань, используя припарку, сделанную из яда Маркуса. Ей удалось найти старую пару тренировочных штанов и рубашку с длинными рукавами, вероятно принадлежавшую Тристану, в одной из задних комнат. И она уже чувствовала себя лучше, острая боль в руке спадала.

Брейдену, наконец, тоже стало лучше, и он уже спокойно отдыхал.

Его перелом черепа и ранения в груди заживали быстро, и Кейген работал неустанно, чтобы восстановить и соединить сломанный позвоночник в его шее — еще раз введя яд Маркуса в соединительную ткань, обеспечивая повторные инъекции в кость. Кейген наложил шину на шею, чтобы поддерживать ее в одном положении, используя два куска дерева, оторванные от каминной полки.

Звук свирепого сражения, доносившийся снаружи, был более чем тревожен: жуткие

гневные завывания прорывали пугающую тишину, и ужасающие вопли временами пронизывали ночь, когда быстрые залпы огня превращались в звуки сталкивающихся лезвий... разрывания плоти когтями... и ломающихся костей.

А затем безошибочный звук... смерти.

Мучительные крики поражения — бессмертные существа неоднократно доказывали иронию смертности.

Раскаты грома ревели в небесах даже посреди тяжелой метели. Это было внушающее страх явление: удивительный парадокс природы.

Как будто на вселенную обрушилась война противоположностей: гнева и мира, стремительной жары и сильного холода, шепота и крика.

Джослин схватилась за живот и сжала подлокотник дивана, боясь, что земля просто разверзнется под ними, потому что другой раскат грома встряхнул небо с оглушительным грохотом, а молния еще раз поразила землю с невероятной яростью.

Все это время снег продолжал падать тяжелыми хлопьями, бесшумно кружась возле хижины, и иногда мерцающие кристаллы белого льда блекли на фоне оранжево-красных вспышек.

Искушение было слишком сильным. Джослин больше не могла переносить неизвестность или бесконечное ожидание. Двигаясь медленно, чтобы не привлечь внимание к дому, она встала со своего места возле Кейгена и приблизилась к окну.

Она должна была видеть.

Должна была знать, что Натаниэль все еще жив.

Вытирая рукой запотевшее стекло, она всматривалась в ночь, напрягаясь, чтобы мельком увидеть непосредственно само сражение...

И от того, что она увидела, у нее перехватило дыхание. Кровь.

Везде.

Деревья были красными. Алые лужи смешивались со снегом, превращаясь в извилистые реки. Повсюду лежали части тел, случайно разбросанные, будто ужасные статуи в снегу. Головы, конечности и когти валялись словно мусор, и гильзы от патронов усеивали землю.

Джослин смотрела с удивлением, поскольку вампиры то отступали, то нападали под давлением ликанов. Очевидно, что перевес физической силы был на стороне волков. Оборотни непрерывно наступали, полагаясь на свои здоровенные руки и мощные челюсти со смертоносными клыками, чтобы одержать победу. Но вампиры были слишком быстры и имели преимущество — способность скрыться из виду по желанию.

Джослин смотрела, как два ликана приблизились к Накари, один спереди и один сзади. Накари закружился с невероятной скоростью, не спуская взгляда с этих двоих. Он даже не моргнул, легко отслеживая их каждое движение, независимо от хитростей, которые они предпринимали. Волки прыгнули одновременно, рассчитывая на факт, что он не сможет защитить две стороны сразу, но Накари просто исчез... растворившись в воздухе... и тяжелые животные врезались друг в друга с огромной силой, как два грузовых поезда, столкнувшихся на пути.

Как паук, свисающий с паутины, Накари вновь появился выше ошеломленных животных, стреляющий серебряными пулями. Ликаны резко упали на землю.

Джослин с ужасом увидела, как на противоположной стороне ущелья, приблизительно в пятидесяти ярдах от хижины, Маркуса поймали, и бросили на спину на землю. Покрывало меха накрыло его. Было столько волков, что победа казалась невозможной.

Съеживаясь, она прикрыла рот и повернулась, чтобы поглядеть на Кейгена. Он казался абсолютно спокойным, несмотря на то, что она видела; его внимание сосредоточилось исключительно на исцелении шеи Брейдена. Его вера в способности братьев была абсолютной.

Сверхбыстрые движения Маркуса напоминали смазанное пятно.

Он использовал кинжалы или когти? Не было никакого способа это определить. Размытое изображение походило на невидимый блендер, шторм острых лезвий, охватывающий волков, снег и сам воздух вокруг них. Это был водоворот серебра — вращения в каждом направлении — разрезание ликанов на десятки частей... несмотря на то, что они пытались избежать этого и вцепиться в глотки вампиров.

Хотя порезы не убивали, они оставляли волков выведенными из строя; они были неспособны прыгнуть, повернуться или сделать выпад — их большие, мускулистые тела были просто напоминанием о могущественных существах, которыми они когда-то являлись. Покрытый окровавленными частями тел, Маркус вскочил на ноги; он перешел от положения лежа на спине к вертикальному в мгновение ока, как какой-то ниндзя. Он был изящен, его движения — плавными и легкими.

Он поднял ладони, с парой кинжалов в каждой, и начал вырезать сердца своих врагов... одно за другим. Четвертый ликан прыгнул на вампира, необнаруженный и приблизившийся со спины, чтобы нанести неожиданный удар в то самое время, как Маркус вонзил кинжал в сердце третьего ликана.

Маркус получил удар удивительной силы от охотника, но в тот же миг обернулся и выбросил руку вперед в свирепом апперкоте, ударив ликана кулаком с шипами... кулаком, облаченным в древний цестус. А потом посыпался град серебряных пуль, достигнув своей цели с убийственной точностью, и ликан ударился о землю, уже мертвый.

Это был Натаниэль, находившийся на другом конце двора.

Он сидел, взгромоздившись, словно хищная птица, на высокой ветви заснеженной березы, рассматривая сцену сверху, следя за спиной брата, как снайпер. Натаниэль полез в свою куртку за новой обоймой и перезарядил ружье.

Джослин сделала резкий вдох; он был похож на дикаря.

Отчасти воин. Отчасти животное. Ни капли человека. От его вида у нее перехватил дыхание. Она не могла поверить, что он настоящий.

Один за другим ликаны приближались к дереву, пытаясь сбросить Натаниэля на землю. Они старались добраться до него. Она даже видела, как один из них превратился назад в человека, чтобы залезть на смежное дерево, и схватил автоматическое оружие, чтобы выстрелить прямо в Натаниэля.

Ликан начал стрелять, почти опустошая обойму, но опять же, Натаниэль двигался быстрее, чем пули. Он умчался с линии огня и сошел с траектории выстрелов с помощью силы своего движения... вакуума, создаваемого его скоростью.

Как будто в него был встроен радар: словно он контролировал законы физики.

Одним простым прыжком он преодолел расстояние между ним и охотником, приземляясь на соседнее дерево с серпом в руке, словно с серебряным продолжением ладони.

Одним плавным движением он начал вращать оружие, создавая пронзительный звук, похожий на жужжание лопастей вертолета.

Джослин не видела, как оружие достигло цели.

Она вообще не видела какого-либо взаимодействия между двумя смертельными врагами. Просто в какой-то момент оба существа замерли на дереве, словно двое свирепых животных, их дикие глаза встретились; а затем голова охотника скатилась на землю.

Джослин медленно выдохнула, когда реальность обрушилась на нее. Даже со всем, что видела, всем, что узнала о Натаниэле в последние пару дней, она все еще не имела никакого понятия о настоящей силе вампира: о смертельном потенциале, которым он владел. Сыновья Джейдона, несмотря ни на что, были просто непобедимы.

И они знали это.

Неудивительно, что Маркус вышел из хижины, подмигивая и улыбаясь. Это было детской игрой для них.

А потом внезапно Джослин увидела движение у кромки леса, ликанов, сражающихся с... вампирами.

Она пыталась понять, что происходит, и узнать всех участников сражения.

Накари стоял всего в нескольких ярдах от домика, осматривая трупы, окружающие его, разыскивая оставшихся врагов.

Маркус отошел от сарая и направился к Накари, перезаряжая двустволку в своей руке, также осматриваясь во всех направлениях.

А Натаниэль спрыгнул со своего места на дереве.

Тогда кто сражался на краю леса?

Пульс Джослин ускорился, и она с трудом сглотнула.

Там были красные и черные пряди волос — дикий цвет королевской кобры — развевающиеся среди снега на ветру, пока несколько Темных сражались со своими врагами оборотнями.

Джослин смотрела как замороженная, желая закричать, предупредить Кейгена, но была слишком парализована собственным страхом, чтобы издать хоть звук. Она перенеслась обратно в пещеру с Далией и Валентайном; в сарай, глядя в дикие глаза того монстра, привязанного к гильотине; по-прежнему наблюдала, как быстро и легко Темный справился с Уилли в момент, когда она выпустила его...

У этих существ была такая же скорость, такая же способность становиться невидимыми, то же оружие, что и у Натаниэля и его братьев. Они были врагами с теми же способностями.

Через очень короткое время мир вокруг замолчал, и земля перед хижинкой замерла. Там больше не было ликанов. Только кровь. И тела.

В лесу прекратилось жестокое шоу, когда последний из охотников упал, а Натаниэль и его братья теперь шли к домику, каждый из них с различными травмами, ни одна из которых не казалась опасной для жизни, по крайней мере, на расстоянии. И тогда все братья одновременно развернулись спиной к хижине.

Они встали широким полукругом, лицом к своим новым врагам, когда Темные подходили, словно пантеры... окружая... медленно подбираясь все ближе и ближе...

— Кейген! — Джослин, наконец, выдавила его имя, но не раньше, чем начала действовать.

Сработал ли инстинкт от слишком многих лет в роли агента, или просто прямой реакцией на угрозу Натаниэлю, Джослин забыла о боли в руке. И о том, что она человек, а Натаниэль приказал ей оставаться внутри... несмотря ни на что.

Она знала только, что Темных четверо, воинов из дома Джегера, медленно приближавшихся к домику, а братьев Силивази только трое, чтобы их встретить.

Почему она не дождалась Кейгена, она так никогда и не узнала.

Сжав в руке беретту с многолетней уверенностью, приобретенной в тренировках, Джослин направилась к входной двери и побежала в сторону Натаниэля.

Натаниэль обернулся с угрожающим выражением лица, при виде ее приближения в его глубоких красных глазах засветился гнев. Этот пугающий взгляд застал ее врасплох и почти остановил на полпути.

— Вернись в хижину, — прошипел он, медленно поворачиваясь, чтобы прикрыть ее тело своим, становясь между Джослин и темными вампирами.

Джослин застыла на мгновение, не зная, что делать, не желая вызывать гнев Натаниэля после того, как только что стала свидетелем их боя с ликанами, но уже была здесь. Взгляд Натаниэля выражал абсолютную ярость.

Она не какая-то беспомощная девчонка, которая постоянно нуждается в спасении.

Она его судьба.

Его вторая половинка, верно?

Пришло время начать вести себя не только как испуганная жертва. Стать чем-то большим, чем просто пленницей. Если это будет ее новый мир, то она вполне может войти в него с шумом.

Джослин приподняла свой подбородок.

— Нет.

Почему-то в ее голове это звучало гораздо более уверенно.

Она сделала шаг вперед, пытаясь присоединиться к их линии.

Натаниэль двигался, словно ветер, полностью перекрывая ей путь. Он схватил ее за запястье железной хваткой, сжимая с такой силой, что она подумала, что кости рассыпятся. В это время Кейген подошел сзади, и Натаниэль толкнул ее себе за спину, зажав между собой и близнецом.

Джослин поморщилась, но отказалась вскрикнуть от боли: даже просто признать, что это больно. А потом, со смелостью, которой в действительности не обладала, она протиснулась вперед и встала рядом с Натаниэлем, повернувшись лицом к Темным в знак солидарности.

Это теперь и ее семья тоже, и она будет сражаться с ними.

Когда четверо вампиров медленно повернулись, глядя на дерзкую женщину глазами, полными ненависти, колени Джослин начали подгибаться, а ее живот превратился в желе.

Пронизывающие взгляды, казалось, прожигали ее насквозь, а затем хищная улыбка тронула губы самого высокого из мужчин. Он стоял ближе всех к крыльцу и сделал почти незаметный шаг вперед, осмотрел ее сверху до низу, остановившись на мгновение, чтобы усмехнуться над девятимиллиметровым в ее руке.

«О, черт, — подумала Джослин, когда здравый смысл, наконец, пришел на смену доблести, а стремление выжить перевесило ее предыдущий фанатичный импульс... — Что делать?»

Она стояла перед четырьмя сверхъестественными существами: вампирами, обнажившими свои острые клыки. Каждый из них мог двигаться так быстро, что она будет мертва, прежде чем заметит их приближение. Ни одного нельзя было застрелить, и все имели способность стать невидимыми. Тем не менее, она стояла там: держа оружие,

заряженное серебряными пулями, которые действовали только на... оборотней.

Высокий Темный злобно и низко засмеялся, как будто мог читать ее мысли, — а он, вероятно, мог. Их злые взгляды вернулись к мужчинам, и она была уверена, что ее безопасность теперь станет главным приоритетом стратегии Натаниэля. Она поставила его в гораздо более уязвимое положение, чем ранее, и растущее осознание этого вызывало у нее тошноту.

Как будто сражения с ликанами было для него недостаточно, руки Маркуса начали подрагивать, и его глаза загорелись... становясь из красных желтыми, а затем снова красными. Он тронул кинжал внутри рукава своего пальто, позволяя серебряному лезвию бесшумно скользнуть в руку.

— Готовы сыграть тогда же, когда и вы, — прошипел он, его губы растянулись в улыбке.

Высокий вампир повернулся к Маркусу, но неожиданно из-за его спины появилась сильная рука и легла на грудь лидера... останавливая его.

Непонимание было ощутимо. Напряжение невероятно. В то время как все стояли... ожидая... что же мужчина собирается делать.

Джослин отпрянула, немедленно привлекая к себе нежелательное внимание, но ничего не могла поделать. Она узнает эти глаза где угодно.

До самой смерти разъяренный взгляд этих глаз, безумное выражение лица, ощущение его волос под подушечками пальцев будут выжжены в ее памяти. Находясь между жизнью и смертью, она смотрела в это лицо... и видела все его черты. Запомнила все детали. Она была в ужасе от его ошеломляющего желания убивать. И ее притягивало его отчаянное стремление выжить...

Это был тот самый вампир — ранее прикованный к гильотине в сарае. Встав рядом с лидером, он задумчиво оглядел ее с непередаваемым отвращением, настолько характерным для его рода. Тем не менее, было что-то еще в его глазах: узнавание, далеко выходящее за рамки инстинктов.

Натаниэль посмотрел на Темного, затем на Джослин... а потом снова на Темного... сразу чувствуя негласную связь между ними.

Он видел это. И ему это не нравилось.

Низко зарывав, предупреждая, он незаметно выпрямился, его мышцы напряглись перед атакой. Прожигающий взгляд обещал Темному быструю смерть.

Темный зашипел в ответ, но его глаза не отрывались от Джослин. А потом он выдохнул и еле заметно кивнул.

— А ты?

Темный ждал, не отводя взгляда от нее.

Джослин прочистила горло, пытаясь обрести голос:

— Джослин.

Этот звук был едва ли шепотом.

Натаниэль повернулся и посмотрел на нее с неподдельным презрением. Она почувствовала, как горло сжалось, словно парализованное, и поняла, что Натаниэль взял под контроль ее голос: она больше не могла говорить.

Не сможет произнести ни звука, даже если захочет.

Темный, казалось, полностью проигнорировал показательное проявление власти Натаниэля.

— Я Сайбер... Алексиарес, — представился он... Джослин.

Маркус, Накари и Кейген затаили дыхание, и в то же время были ошеломлены дерзостью Темного — его откровенной провокацией к бою.

— Ты хочешь подписать собственный смертный приговор, Темный? — спросил Натаниэль, его голос был твердым как камень. — Не будь дураком! Такое высокомерие не останется безнаказанным.

Темный быстро отвел взгляд, чтобы посмотреть на Натаниэля, и кивнул ему с уважением... четким пониманием, что Джослин принадлежит ему.

— Женщина твоя. Я не хотел проявить неуважение.

Высокий вампир, стоящий впереди, резко повернул голову и зашипел на Сайбера, явно возмущенный, но мужчина продолжал:

— У нас один раненый в лесу, и мертвый ребенок, которого схватили вчера за сараем, — он махнул рукой в сторону хижины. — У вас тоже есть раненый ребенок.

В этот раз его взгляд, изучающий Джослин, был не прямой связью с ней, а скорее обращением к Натаниэлю.

— Только этой ночью предлагаю нам собрать наших убитых и раненых и вернуться в свои дома; мы можем убить друг друга и завтра.

Маркус фыркнул, затем зарычал:

— Ты уже мертв, глупец.

Сайбер зашипел, напрягая мышцы в попытке сохранить контроль. Он, очевидно, хотел сражаться так же, как и Маркус, и явно не терпел оскорблений. Но он еще раз взглянул на Джослин... и сделал глубокий вдох.

— Возможно, — его глаза оставались сосредоточены на Натаниэле.

Сыновья Джегера, стоящие рядом с ним, были в недоумении. Они выглядели совершенно потрясенными, как будто его слова напрямую задевали их гордость, и не были уверены, что справятся с данной ситуацией.

— Нам не нужно разрешение от таких, как они, чтобы собрать наших убитых и раненых, Сайбер. Что, черт возьми, ты делаешь? — сказал высокий Темный.

Сайбер покачал головой.

— Будь уверен, я не спрашиваю разрешения у кого-либо, — он повернулся к говорившему и обнажил клыки.

Затем махнул рукой в сторону сарая и леса и начал уходить. Когда другие неохотно последовали за ним, стало очевидно, кто их лидер на самом деле.

Джослин выдохнула от нахлынувшего облегчения. Натаниэлю не придется сражаться сегодня; она может на самом деле дожить до завтра, и, возможно, он не станет злиться сильнее, чем сейчас. На этот раз ей удалось избежать последствий собственной глупости...

Наблюдая за тем, как уходили Темные вампиры, она не могла не бросить еще один взгляд на Сайбера Алексиареса. Имели ли ее действия в сарае какое-то отношение к его решению?

Как будто прочитав ее мысли, он повернулся, чтобы посмотреть на нее через плечо, и уголок его жестокого рта приподнялся на самую малость.

— Если только этой ночью, — прорычал он. — Враг моего врага... — его голос затих.

Джослин посмотрела вниз на землю, не желая вызывать еще больше гнева Натаниэля.

— Что это значит? — прошипел он.

Джослин приложила руку к горлу, этим жестом прося его освободить ее голос. Почувствовав, что голосовые связки расслабились, она прочистила горло.

— Враг моего врага — мой друг. В сарае... раньше... я спасла ему жизнь. А он спас мою.

Натаниэль посмотрел в сторону леса, недоверчиво глядя на сына Джегера.

— Темный, это правда? — он выглядел таким же ошеломленными, как и другие вампиры.

Сайбер пожал плечами и остановился, повернувшись лицом к братьям.

— Не волнуйтесь, сыновья Джейдона, я бы ее убил, если бы вы не появились, — он провел рукой по своим густым черно-красным волосам. — Ликан был просто более... первостепенной проблемой, — вампир склонил голову. — Но она разумно предугадала результат... и имела смелость, чтобы рискнуть. Это единственная причина, по которой мы не сражаемся здесь сегодня вечером, — и подмигнул Маркусу. — Завтра, воин. Всегда есть завтра, — а потом исчез за плотной стеной леса.

Джослин прикрыла горло руками, понимая, насколько близка была к смерти этой ночью.

— У меня не было другого выбора, — прошептала она. — Я была уже мертва, — и сразу же повернулась, чтобы пойти к хижине.

Она была в шоке, когда ударилась головой о твердую преграду, похожую на цементную стену, и сразу же поняла, что никогда не была в опасности: Натаниэль поместил ее в невидимую крепость так же, как Маркус Брейдена ранее. Он построил барьер, в который было невозможно проникнуть при сражении. Она смутилась. Униженная. Тем не менее, ждала без единого слова.

— Никогда... ни при каких обстоятельствах, — прогремел Натаниэль, — не считай одного из Темных своим другом! Он вернется, чтобы убить тебя... даже несмотря на то, что отпустил сегодня ночью. И я думал, что сказал тебе оставаться в доме!

Натаниэль был слишком зол, чтобы говорить. Слишком разъярен, чтобы освободить ее. Он долго смотрел на нее, с осязаемым неодобрением во взгляде, а потом просто отвернулся и пошел прочь.

Кейген посмотрел на импровизированную тюрьму и пожал плечами, извиняясь. Он был достаточно умен, чтобы не тянуть тигра за хвост, и последовал за Натаниэлем в хижину.

Тогда Маркус подошел к барьеру, и Джослин начал медленно отступать, пока не врезалась в другую сторону. Он был нехарактерно спокойным. На самом деле, слишком спокойным. Слишком сдержанным.

— Каждый раз, когда ты подвергаешь себя опасности, ты ставишь под угрозу жизнь Натаниэля. Знай, маленькая сестра, если ты снова рискнешь жизнью моего брата, ты потеряешь больше, чем голосовые связки. Я возьму контроль над твоими действиями и твоими мыслями, пока Кровавая Луна полностью не пройдет, и Натаниэль больше не будет в опасности. Ты будешь моей марионеткой, и никто не заметит разницы... даже Натаниэль. Ты все поняла?

Джослин сглотнула и посмотрела вниз. Она не смела ответить.

— Еще одного предупреждения у тебя не будет.

Как и Натаниэль, Маркус просто повернулся спиной и пошел прочь.

Накари вздохнул и подошел к барьеру.

— Я думаю, остался только я, да? — он сверкнул успокаивающей улыбкой, как и всегда потрясающе красивой. — Это была долгая ночь.

Джослин смотрела вниз, ненавидя свои слезы, не желая, чтобы Накари увидел,

насколько ей больно от выговоров Натаниэля и Маркуса... какой потерянной и ошеломленной она себя чувствовала. Так унижительно — быть взрослой женщиной, с которой обращались как с ребенком; еще более унижительно — быть взрослой женщиной, ведущей себя, как ребенок, и подвергающей опасности чужие жизни.

Натаниэль отвернулся от нее. Она никогда не будет принадлежать этой жизни.

Не имеет значения, что думает Натаниэль. Она не была чьей-либо истинной судьбой, и никогда не станет истинным членом их семьи. А всегда будет каким-то... низшим существом... которое просто послужит для целей вампира.

Накари покачал головой, как будто точно знал, что она чувствовала, а потом начал тщательно разбирать барьер, один слой за другим.

— Когда я был просто юнцом около ста пятидесяти лет, я принял решение, что больше не буду кормиться... Больше не буду пить человеческую кровь, чтобы жить. Я думал, что у меня будет более глубокая связь с природой — ну, знаешь, с животными — если я буду брать кровь у них, — он пожал плечами, улыбаясь. — Когда Маркус узнал, он настрого запретил это. Но, будучи упрямым, я сделал вид, что продолжаю кормиться от людей, вообще отказываясь от какой-либо крови. И мой близнец, Шелби... — он запнулся на этом слове, его голос стал хриплым.

Наступила неловкая пауза, пока он изо всех сил пытался взять себя в руки, прежде чем продолжить.

— Шелби знал, что я делаю, и я слабел с каждым днем. И, в конце концов, он отправился к Маркусу и рассказал обо мне.

Глаза Джослин расширились. Она могла представить, к чему все шло.

Накари покачал головой с отвращением, снимая еще один слой барьера.

— Ты хочешь поговорить о том, что значит быть марионеткой? — он рассмеялся. — Маркус взял под свой контроль мое тело, и, будучи слишком молодым и неопытным, я не смог тогда ему помешать. Он усадил меня на крыльцо своего заднего двора и начал вызывать животных из леса, одного за другим... в течение всего дня.

Накари приподнял бровь.

— И я не говорю о хороших, дружелюбных, нормальных животных. Я имею в виду дикобразов, скунсов, крыс, змей, барсуков — животных, которые кусают тебя в ответ. Он выстроил их друг за другом, словно бесконечный шведский стол, заставлял меня погружать в них зубы, заставлял пить, пока меня не стошнило. Тогда, не дав мне вытереть рот, он призвал следующего животного...

Джослин была потрясена.

Накари покачал головой, когда барьер, наконец, разрушился, и потянулся, чтобы взять ее за руку.

— До сих пор я уношу задницу, когда вижу дикобраза.

Джослин не сдержалась и тихо рассмеялась.

Вампир улыбнулся.

— Я говорю все это не для того, чтобы напугать тебя, а чтобы объяснить. Если бы Маркусу было все равно, и он уже не воспринимал тебя, как семью, то не беспокоился бы. Этот мужчина — мой брат, и я люблю его всем сердцем, но Маркус довольно... напорист. У него была очень трудная жизнь. Сложнее, чем у нас всех. И, честно говоря, я думаю, что он устал от жизни после стольких веков в одиночестве. Мы всё, что у него есть, всё, ради чего он живет. И никогда не воспринимай это лично, — Накари замолчал, будто тщательно

взвешивая свои следующие слова. — А что касается Натаниэля, можно только представить себе, как трудно ему сейчас. У него есть свои страхи, и не последним из них является твоя безопасность.

Они поднялись на крыльцо.

— Кстати, я хотел бы поблагодарить тебя за Брейдена. Он бы не выжил, если бы не ты, — искренность была ощутима в его голосе, зеленые глаза цвета леса смягчились.

Он выпустил ее руку, перед этим успокаивающе сжав.

Джослин улыбнулась.

— Брейден не заслужил того, что с ним сделали в том сарае, — она поморщилась, вспоминая. — Это было ужасно.

— Я знаю, — согласился Накари.

Дверь открылась, и Натаниэль отошел в сторону, чтобы позволить Накари войти, затем заблокировал путь Джослин. Очевидно, он наблюдал за ними все это время, зная с самого начала, что Накари освободит ее. Он закрыл за собой дверь, оставив их на крыльце.

Джослин отвела глаза.

— Ты злишься на меня настолько, насколько я думаю? Ты ненавидишь меня теперь? — ее голос дрожал.

Натаниэль хмыкнул.

— Я не знаю, обнять тебя или перекинуть через колено, Джослин. Я мог бы поцеловать тебя... а затем убить.

Джослин подняла брови.

— Даже не думай про колено. Я была достаточно унижена для одного дня, — несмотря на все усилия, в ее голосе не было даже намек на юмор.

Натаниэлю удалось выдавить слабую улыбку.

— Ох, малышка, я не хотел унижать тебя. Может быть, просто достаточно напугать, чтобы у тебя появился хоть какой-то здравый смысл, — он осторожно приподнял ее подбородок. — Вот что я тебе скажу: как насчет того, чтобы больше не совершать попыток самоубийства, не уходить с незнакомыми людьми, не пытаться бороться с вампирами глупым человеческим оружием — серебряные пули работают только на оборотнях, Джослин. И больше не держать за руку Накари. И все у нас будет просто отлично.

Джослин начала протестовать, услышав первые три пункта в его списке, собираясь напомнить ему об очень весомых причинах для их совершения, но остановилась на последнем запросе. Она слабо улыбнулась.

— Ты шутишь, верно?

Натаниэль смотрел на нее, но не улыбался.

— Натаниэль, ты же шутишь... верно?

— Я не вижу ничего смешного в том, как ты смотришь на моего младшего брата, и не думаю, что ты должна касаться кого-то, кроме меня. Кроме того, что это за глаза цвета леса или изумрудные глаза? Они зеленые, Джослин. Просто зеленые. И довольно скучные, на мой взгляд, — его голос ни разу не колебался.

Джослин нахмурилась, недоумевая.

— Ты сумасшедший, — это все, что она смогла сказать.

Натаниэль нагнулся и обхватил ее за талию, плотно прижав к себе.

— Вампиры — необычайные собственники по своей природе, Джослин. В первую очередь мы хищники, никогда не забывай об этом.

Джослин взглянула на него, удивляясь, все еще пытаясь понять, был ли он серьезен.

— Тебе может это не нравиться, но ты моя, — сказал он и зарычал. — Я думал, что мне, возможно, придется вырезать сердце того Темного, наколоть его на вертел и преподнести тебе на блюде. Ты ведь все еще ешь обычную еду, не так ли? По крайней мере, до твоего обращения, — он улыбнулся.

Джослин закатила глаза.

— Натаниэль... ты такой милый.

Натаниэль засмеялся, наклонил ее голову, обхватив лицо руками, и уткнулся носом в волосы, позволяя клыкам удлиниться настолько, чтобы показать ей, что говорит серьезно. Он прикусил ее шею — достаточно нежно, чтобы дать понять, что заботится о ней, и достаточно сильно, чтобы вызвать небольшую боль. Это было мягким выговором, ясным предупреждением и жестом любви... все в одном.

Его руки обвели контуры ее тела, касаясь так, будто он действительно верил, что она принадлежит ему. И почему нет? Джослин знала без сомнения, что так и есть. И помоги ей Господь, но в тот момент она хотела, чтобы так и было.

Он провел пальцами по изгибу ее шеи, хрупким плечам и вдоль талии, властно коснулся груди. Его пальцы задержались над двумя твердыми сосками, лаская их медленно и ритмично, а затем, наконец, переместились на бедра.

— Это все мое, — его голос был хриплым, уверенным. — Твое сердце... твой разум... твоё тело. Мое, чтобы касаться. Мое, чтобы любить. Мое, чтобы боготворить. Все это. Ты принадлежишь мне. Ты понимаешь? — он приподнял ее подбородок, чтобы встретиться ее взгляд. — Я не хочу чувствовать на тебе никакой другой запах, кроме своего.

Джослин резко вдохнула, несколько удивленная его заявлениями. Ее тело было в огне от его прикосновений... и она поняла, что он имел в виду, каждое слово. Он клеймил ее, обволакивая своим ароматом, устанавливая над ней свое господство.

А затем он укусил ее.

И да помогут ей небеса, у нее подогнулись колени... от желания большего.

Джослин всегда была сильной женщиной, независимой личностью. И, вероятно, такой и останется. Но где-то глубоко внутри, она знала, что этот мужчина заставляет ее желать подчиняться. Делать все, что высмеивала в других женщинах. Она хотела принадлежать ему.

Глядя в его завораживающие глаза, Джослин моргнула. Он был невероятно порочным... и красив, как дикарь. А потом он наклонился, чтобы яростно заклеить ее рот своим. Глубокий поцелуй был сильным, но мягким, требовательным, но уговаривающим, эротичным, но любящим, отнимал дыхание и наполнял желанием.

Она чувствовала себя возбужденной и более чем готовой.

— Пришло время в полной мере привести тебя в мой мир, Джослин. Я не думаю, что смогу пережить еще одну ночь, подобно этой.

Джослин просто смотрела на него.

А затем моргнула...

Как влюбленная девочка-подросток, которой каким-то образом удалось сходить на свидание со звездой футбольной команды.

Вести себя достойно становилось все сложнее рядом с этим мужчиной, и она не была уверена, что сможет взять себя в руки в ближайшее время. Но, черт возьми, когда он смотрел на нее так, она теряла голову.

По правде говоря... она была готова принадлежать ему.

Она хотела, чтобы он привел ее в свой мир.

Джослин проснулась в понедельник поздно вечером, когда солнце уже село. Она потянулась и, осмотрев комнату, поняла, что находится в доме Натаниэля — архитектурном чуде в загородном стиле со множеством современных удобств. До этого ей не приходилось видеть главную спальню, но тут, определенно, было на что посмотреть.

Высокая двойная арка, сделанная из широких дубовых досок ручной работы с тонкими, извилистыми узорами, представляла собой вход в комнату. На потолке, от стены до стены, тянулись тяжелые деревянные балки.

Как и остальная часть дома, комната была выдержана в мягких тонах: янтарном, золотом и темно-коричневом, что делало ее похожей на осенний сад. Мебель из натуральной древесины украшали те же узоры ручной работы, что и полы, потолок, окна.

Здесь было опрятно и чисто, взгляд притягивался к центру комнаты и к большому камину между двумя панорамными окнами, которые открывали захватывающий вид на лесную долину насколько хватало глаз.

Джослин обратила внимание на египетские хлопковые простыни и кровать с балдахинном, которая была сделана из прочной сосны и выглядела так, будто весила целую тонну. Две толстые круглые колонны поднимались от ее основания, а изголовье с замысловатой резьбой возвышалось по меньшей мере на пять футов над матрасом. Каркас кровати походил на произведение искусства: профессионально вырезанный с детализированными фигурками лесных хищников — медведь гризли, пума и пара волков в окружении красивых осин и сосен, как будто животных перенесли из их естественной среды обитания.

Джослин нашла бежевый халат, лежащий на краю постели, и спокойно надела его. Скользя левой рукой в мягкую ткань рукава, она заметила, что повязки, которую сделал Кейген, больше нет, а ее раны полностью зажили. Она поднесла руку к лицу, чтобы убедиться, нет ли шрамов или отметин, любых признаков ужасной раны, и, ничего не найдя, направилась в ванную. Но движение в углу привлекло ее внимание, заставив мгновенно подскочить.

Натаниэль вальяжно сидел в удобном кресле, положив скрещенные ноги на тахту. И смотрел непосредственно на нее... с темным голодом в глазах.

Он слился с фоном как кошка, наблюдающая за своей добычей: совершенно неподвижный... тихий. Его взгляд был сосредоточен, и уголки губ приподнялись в легкой улыбке, стоило ему понять, что она заметила его.

— Добрый вечер, красавица, — он почти мурлыкал.

Джослин резко вдохнула, электричество словно пронзило ее позвоночник, заставив задрожать. Этот гипнотизирующий голос... она никогда не привыкнет к его звуку.

— Добрый вечер, — ответила она, — как долго ты здесь сидишь?

— Недолго, — низко зашипел он и заерзал на стуле, медленно выдыхая. — Ты так невероятно красива, когда спишь.

Джослин покраснела и отвернулась.

— Я проспала весь день?

Он улыбнулся.

— Мы оба.

Джослин посмотрела на кровать, пытаясь вспомнить, как оказалась на ней, или как Натаниэль лежал рядом. Такое женщина не могла легко забыть. Она сжала свою одежду.

— Как получается, что ты уже одет и побывал в душе, а я еще нет?

Как только слова слетели с губ, она пожалела о вопросе; потому что он прозвучал словно предложение, хотя являлся обычным наблюдением.

Натаниэль ухмыльнулся, будто прочитав ее мысли.

— Ты приняла душ вчера вечером. Я же просто заснул в изнеможении, — его зрачки расширились, странно изменившись, что она уже считала характерным для вампиров.

Джослин нахмурилась.

— Я не помню, как принимала душ.

Натаниэль наклонился вперед.

— Кейген дал тебе довольно сильнодействующее болеутоляющее для руки, поскольку я не мог продолжать блокировать твою боль, пока спал. Поэтому, вероятно, ты не помнишь многое.

Глаза Джослин расширились, но спросить не хватало смелости.

Не может...

Натаниэль засмеялся.

— Нет, любовь моя. Я заверяю тебя... это ты бы запомнила.

Внезапно он поднялся и стал приближаться, двигаясь плавно и уверенно.

Рефлекторно Джослин сделала шаг назад. Не потому что боялась его больше, чем обычно. Но из-за того, как он двигался. Это посылало холодок по ее позвоночнику и будоражило все инстинкты. Она была человеком, в конце концов, а он... нет. Требовалось время, чтобы привыкнуть.

Натаниэль, словно хищник, медленно и изящно подбирался к своей добыче. Его глаза сузились.

— Ты убегаешь от меня? — тихий веселый смех наполнил комнату.

Джослин сильнее сжала одежду, наблюдая, чувствуя, как с каждым его шагом ее волнение и страх увеличиваются.

Он, казалось, наслаждался ускоренным стуком ее сердца, легкой паникой в глазах и явной чувственной реакцией, которую, несомненно, уловил в ее аромате. В комнате стало жарко... очень жарко... и чувствовала она себя... неловко.

Глубокое, восхитительное рычание родилось в его груди, когда он, наконец, преодолел расстояние между ними, чтобы взять ее руку в свою. Затем медленно поднес к губам, поцеловав внутреннюю часть ладони, потом запястье, прежде чем мягко втянуть ее палец в свой совершенный рот.

— Ты уже не боишься меня, не так ли? — вопрос прозвучал медленно и протяжно, словно источая грех.

Джослин задрожала. Открыла рот, чтобы ответить, но так ничего и не произнесла. Натаниэль немедленно откликнулся на приглашение: наклонив голову к ее губам и очертив кончиком языка линию рта.

— Ммм, — промурлыкал он и обхватил ее лицо ладонями. — Джослин Леви, ты хоть понимаешь, насколько ты вкусная?

Джослин покачала головой, краснея.

Он вглядывался в ее глаза.

— И твои глаза... потрясающие. У тебя действительно тигриные глазки...

потусторонние... самая ошеломляющая смесь зеленого и коричневого, которую я когда-либо видел.

Он поцеловал оба ее виска, а потом каждое веко.

— И в них скрывается что-то, — он наклонился и прошептал на ушко, — возможно, тайны? У тебя есть тайны от меня, Джослин?

Его ладонь прошлась по ее одежде, мягко задевая и обхватывая грудь. Неторопливо и нежно исследуя сначала одну, а затем другую, интимно и властно массируя.

— Я хотел бы знать твои тайны, тигриные глазки. Ты поделишься ими со мной?

Джослин откинула голову назад и тихо застонала.

Он стянул халат с ее плеч и резко с шипением вдохнул, когда нежные изгибы тела открылись его голодному пристальному взгляду.

— Поделишься? — повторил он, его голос стал глубоким и требовательным.

— Чт... что ты хочешь знать? — она ответила хрипло и медленно, как соблазнительница, удивляясь сама себе. Не зная, что может говорить так, но реакция Натаниэля была мгновенной... его внушительная эрекция, выступающая сквозь джинсы... прижалась к ее животу.

Натаниэль увидел, что она это заметила, и, не пытаясь скрыть свое возбуждение, прижался бедрами к ней сильнее.

На ней была темно-синяя шелковая ночная рубашка, которую Натаниэль купил для нее в ее первый день в его доме. Он не стал тратить время впустую и стянул тонкие лямки с хрупких плеч, отодвигая их большими пальцами. Длинная ночная рубашка упала до талии, остановившись из-за неплотно завязанного узла халата, оголив только плечи и грудь.

Он застонал, когда ее соски освободились от шелка, наклонил голову, чтобы подуть на них и осторожно коснуться языком одного, а затем и другого.

— Я до смерти хочу знать, какова ты на вкус, любовь моя.

Джослин выгнулась, наслаждаясь ощущениями. Она ничего не могла с собой поделаться... и не хотела. Ее грудь казалась невероятно тяжелой, соски начало покалывать. Она застонала, когда он потянул ее сосок зубами, проведя по чувствительному бутону языком, а потом обхватил губами. Чувственное тепло наполнило ее, как огонь, пока его руки удерживали, пальцы массировали, а рот посасывал грудь.

Джослин сжала красивые иссиня-черные волосы, притягивая Натаниэля еще ближе. Разряды электричества прошли через все ее тело... сосредотачиваясь между бедер.

— Натаниэль... — прошептала она его имя, хрипло призывая к... большему... Тихий стон удовольствия сорвался с ее уст.

Его губы сжались, руки спустились ниже, медленно поглаживая живот, лаская бедра, и еще ниже...

— И я хочу узнать, какой ты будешь, ангел, — он прижал ладонь к чувствительному месту между ее ног и начал поглаживать круговыми движениями, застонав. — Глубоко внутри.

Она задохнулась, что только возбудило его еще больше.

— Я хочу проникнуть так глубоко внутрь тебя, Джослин, — прорычал он и прижался губами к ее губам, языком проникая в рот, пробуя... изучая. — Ты позволишь мне, Джослин?

Джослин не могла говорить, понимая, что становится влажной, и ощущая болезненную пустоту внутри, когда растущие волны желания накрывали ее с каждым уверенным поглаживанием его пальцев. С каждым мягким прикосновением губ. С каждым чувственным

движением языка.

Она прижалась к нему: искушая его... нуждаясь в нем. Отчаянно желая почувствовать.

Натаниэль нагнулся, чтобы ослабить узел халата, и она вздрогнула, когда внезапно холодный воздух коснулся кожи. А потом отстранилась и посмотрела в его красивые глаза. Густые волосы падали вперед на совершенное мужское лицо, а темные зрачки сияли, отражая лунный свет. Во взгляде читалось что-то дикое и примитивное: животный голод.

Джослин знала, что все его мягкие ласки и ленивые исследования только для нее. Похоть в его глазах было невозможно игнорировать, животная суть такого голода не вызывала сомнений.

Если бы он заботился только о себе, то взял бы ее не сдерживаясь. Заклеймил... властно. Подавляя и доминируя, требуя полного контроля.

И все же он медлил.

Сдерживался. Упивался ее откликом... медленным зарождением бушующего огня...

Наконец их взгляды встретились, его полные губы растянулись в улыбке, обнажая идеальные, блестящие зубы, а безупречная кожа практически светилась, когда он начал мурлыкать еще громче... бесстыдно прижимаясь к ней своим твердым членом.

А потом она почувствовала нежное прикосновение клыков к своей шее, мягкое скольжение острых кончиков вдоль артерии. Он прикусил кожу и быстро отстранился... даже когда она расслабилась.

— В другой раз, *mea draga*, — он выдохнул, голос звучал натянуто.

Джослин провела носом по его подбородку, чувствуя себя покинутой из-за этого минутного отсутствия контакта, поцеловала в шею, руками потянулась, чтобы расстегнуть рубашку. Ее бедра начали тереться о его твердый член — толстая, пульсирующая эрекция дразняще прижималась к ней.

— *Mea draga?* — спросила она со стоном.

Он сбросил свою рубашку с плеч, обнажая жесткую грудь, и когда ее глаза опустились ниже, у нее перехватило дыхание: у мужчины были просто греховно-великолепные шесть кубиков... ряды безупречных мышц пресса под гладкой кожей плоского живота.

Джослин вздохнула и начала медленно расстегивать его джинсы... не в силах скрыть свое удовлетворение: этот мужчина был гладиатором. Ее гладиатором.

— Моя дорогая, — прошептал он, переводя фразу, на ушко, а потом поймал ее взгляд на долю секунды... хотя казалось, что прошла целая вечность.

В следующий миг Натаниэль приник ртом к ее губам, давая почувствовать свою похоть и увеличивающееся желание, протянул руки, чтобы обхватить ее бедра, и плотно прижал к себе.

Джослин прильнула к твердому телу, подняв ногу и закинув на мощное бедро. Она напрягалась и выгибалась, предлагая себя. Бесстыдно терлась о его бедра, пока он гладил и исследовал ее тело.

Тяжелое дыхание вырывалось из него короткими выдохами, сердце быстрее забилося в груди. Он целовал ее властно, не сдерживая стоны удовольствия, покусывая нижнюю губу и переплетая их языки. Пробуя на вкус со всевозрастающим голодом... и похотью.

Одной рукой по-прежнему держа ее за талию, он потянулся, чтобы снять свои джинсы.

Джослин затаила дыхание при виде его огромного возбуждения. Болезненно прижатый к ее животу, его член был великолепен... Гладкий, словно шелк, но твердый, как сталь... Эротическое обещание экстаза.

Натаниэль снял с нее распахнутый халат и потянул за шелковую ткань ночной рубашки. — Сними, — его голос был хриплым от желания.

Джослин стянула с себя рубашку и встала перед ним, одетая только в шелковые трусики. Его взгляд выражал полное одобрение, а рычание заставляло ее дрожать от желания.

— Ты такая... невероятная, Джослин.

Он опустил на колени, руками провел по тонкой талии, изгибам бедер, плоскому животу и, наконец, просунул пальцы в трусики и нежно потянул за ткань. Натаниэль наклонил голову вперед и сделал глубокий вдох, его плечи слегка дрожали...

А потом он сжал ее бедра, притянул к себе, раздвинув ноги... и начал целовать. Не сдерживаясь, с наслаждением поглощал саму ее суть, пока она беспомощно стояла над ним.

Джослин кричала от удовольствия, когда его язык исследовал ее тепло: пробовал... проникал глубоко внутрь. Ее ноги ослабели. Она дрожала, хватаясь за его густые волосы, чтобы не разбиться на миллион кусочков, выкрикивая его имя.

Каждое нервное окончание оживало в ответ на опытные движения языка и глубокое, хриплое рычание, которые он издавал. Качая головой из стороны в сторону, она попыталась оттолкнуть его.

— Натаниэль, я не смогу выдержать! Это слишком, — ее голос напоминал хриплую мольбу, наполненную удовольствием и желанием.

Натаниэль не сдвинулся с места. Дразнил, прижимаясь сильнее, и полностью поглощал, наполняя дикой лихорадочной страстью, руками нежно массируя ягодицы.

— Твой вкус... — он застонал. — Святые Боги... твой вкус так... хорош. Я никогда не смогу насытиться.

С его губ срывались стоны... голодные... хриплые... страстные. И на каждый ее тело отвечало ему.

— Ты убиваешь меня, — захныкала Джослин.

Его руки, словно горячее пламя, обжигали кожу, наполняя огнем, пока она не стала совершенно беспомощна от желания.

Она попыталась вывернуться из жесткой хватки... чтобы пойти к кровати... оттягивала его голову руками, но он только сжимал ее крепче, проникая языком глубже.

Джослин выгнулась и отчаянно закричала, когда ее тело сжалось, извиваясь от удовольствия, угрожающего взорваться внутри. Откинув голову, она продолжала извиваться под его ласками, не в состоянии продержаться дольше. Схватила его за плечи, потянула вверх... желание почувствовать его внутри было таким сильным, что ей казалось, будто она умрет, не возьми он ее сейчас же...

— Я хочу тебя, — умоляла она, — пожалуйста... остановись... я не могу больше.

— Конечно, ты можешь, — промурлыкала он, — до тех пор, пока я этого хочу, — звук его голоса, сексуальная смесь власти, похоти и мужественности угрожали мгновенно бросить ее через край.

— Хватит, — она взмолилась снова, — это слишком.

— Кончи для меня, Джослин, — приказал он хрипло. — Я хочу посмотреть, как ты потеряешь контроль. Отпусти себя... и я дам тебе то, в чем ты так нуждаешься...

Джослин не знала, почему так сильно сопротивлялась...

Возможно, это была попытка удержать последние остатки контроля в жизни, которая перевернулась с ног на голову за последние пару дней. Или необходимость почувствовать, что у нее все еще есть власть противостоять ему, по крайней мере, в спальне. Но как бы то

ни было, он намеревался сломать ее контроль, который она так стремилась сохранить: он хотел полного подчинения, и не принял бы меньшего.

К собственному изумлению она заплакала от удовольствия, слезы экстаза покатались из глаз.

— О Боже, ты заставляешь меня плакать. Пожалуйста, Натаниэль... Ты мне нужен.

— Скажи мне, что тебе нужно, малышка, — это был приказ.

— Ты, — обреченно произнесла она, — внутри меня.

Ее бедра дико задвигались, страсть угрожала полностью выйти из-под контроля.

— Вот так, малышка, — мурлыкал он. — Отпусти... Отдай мне себя, тигриные глазки.

Кончи для меня, чтобы я мог взять тебя...

И тогда он проник пальцем глубоко в нее, нежно разминая напряженные мягкие складки.

— Ммм... малышка... ты такая влажная.

Тихий стон сорвался с ее губ, когда она почувствовала, что он добавил второй палец, а затем третий: растягивая, лаская, проникая так глубоко, стараясь подтолкнуть ее через край.

Джослин больше не могла выдержать ни секунды.

Она разлетелась на тысячи осколков, ее тело дрожало, сотрясаемое мощным оргазмом. Вскрикивая и сжимая руками его волосы, она чувствовала себя такой... уязвимой... полностью открытой, осознавая, что именно этого он хотел с самого начала.

— Боже мой, ты так сексуальна, когда кончаешь, малышка.

Затем Натаниэль встал и, подняв ее, как будто она ничего не весила, положил на кровать. Схватил за бедра своими сильными, твердыми руками, мягко раздвигая их, и опустился на колени между ее ног. И тогда он обхватил свой твердый член и прижал головку к ее входу.

Эрекция казалась огромной, и она невольно себя спрашивала, сможет ли принять его полностью. Но очень желала его. Всего его. Каждый твердый пульсирующий дюйм.

— Этого ты хочешь, малышка? — он застонал, его голос был груб от желания.

Джослин не ответила. Она не могла.

Низкое, хриплое шипение сорвалось с его губ, когда он толкнулся вперед, растягивая ее до невозможности.

Она начала стонать, приспособившись к его размеру, руками упираясь в грудь из-за небольшого жжение вызванного таким вторжением.

Натаниэль убрал ее руки со своей груди, и мягко сжал у нее над головой.

— Расслабься. Разве не этого ты хотела, малышка?

— Да... — Джослин хрипло застонала.

— Я хочу, чтобы ты приняла всего меня, — прорычал он и наклонился, чтобы снова попробовать ее грудь, ослабляя давление. — Вот так, ангел, ты была создана для меня... ты можешь принять больше.

Он застонал в экстазе, когда она, наконец, приняла его в себя, и ее ответный вскрик сказал ему все.

Вместе они медленно начали двигаться в унисон: жаркие, ленивые движения, ее бедра приподнимались, чтобы встречать каждый его толчок.

— Ты такая красивая, любовь моя, — прошептал он, прикрыв веки. — Ты чувствуешь так... черт возьми... хорошо.

Джослин потянулась, чтобы обхватить его лицо, и ритм ускорился.

Натаниэль продолжал погружаться глубоко в нее, почти полностью выходя, чтобы потом толкнуться вперед, снова и снова, пока страсть между ними не разгорелась настолько, что он уже не мог сдерживаться.

Он начал погружаться сильнее... быстрее... каждый толчок был более властным, чем предыдущий.

Джослин хваталась за его плечи, царапая ногтями спину. Кричала в экстазе, поднимая бедра, чтобы встречать его толчки... Брала все, что он мог ей дать, и хотела большего...

Им было так хорошо вместе, так идеально.

Их души пылали страстью. Он, казалось, знал каждое ее желание и потребность, и не только физически, но и эмоционально.

Духовно.

И она была рада подчиниться каждому его темному желанию, потому что больше не принадлежала себе, а отдалась полностью во власть ненасытной жажды.

Джослин обхватила ногами его талию, полностью отпуская себя, пока он входил в нее, все сильнее и сильнее... проникая все глубже и глубже, его дыхание превратилось в короткие рваные выдохи.

Она чувствовала, как приближается освобождение, когда давление внутри вновь приблизилось к неминуемой вершине, падение с которой унесет ее в совершенно новую вселенную. Голос звучал незнакомо и будто издалека, когда она звала его по имени, тело реагировало на каждый его стон. Мягкое рычание, которое он издавал, когда толкался вперед, было вообще не человеческим, но при этом более эротичным, чем все, что она когда-либо слышала.

Натаниэль врывался в нее в безумном темпе, с дикой животной страстью утверждая свои права. Словно клеймя ее навсегда, как мощное существо, которым и был. Его зрачки сузились, становясь красными. Клыки полностью удлинились. Густые волнистые волосы сияли, как полуночное небо. Идеальное лицо было наполнено удовольствием и похотью.

А затем она снова кончила, выгнулась и затрепетала под ним.

Натаниэль запрокинул голову и издал резкий, гортанный крик, содрогнувшись под силой освобождения. Спина изогнулась, мышцы сжались, когда он наполнял ее глубоко внутри, поток за потоком, своим семенем, своей сущностью, пока не рухнул на нее... в изнеможении...

И полностью удовлетворенный.

Джослин вздохнула и положила голову на плечо Натаниэля, наслаждаясь объятьями. Она все еще не могла поверить в удовольствие, которое он доставил ей, и то, насколько сильно ее тело отвечало на его ласки.

Он поцеловал ее в макушку и зарылся подбородком в густые волосы, вздыхая от удовольствия.

— Ты действительно чудо, — прошептал он.

Джослин улыбнулась и прижалась еще ближе, приподнимая голову, чтобы изучить его гипнотизирующие глаза.

— Ты и сам не совсем обычный и ординарный.

Она захихикала как школьница.

Натаниэль засмеялся.

— Ты можешь стать хорошей подпиткой для моего эго, мисс Леви.

Он замолчал на мгновение, а затем понизил голос, сделав его мягким и хриплым.

— Миссис Силивази.

Джослин несколько раз моргнула. Ее глаза расширились в нарочитом удивлении.

— Ты хочешь сказать, что это было нашей свадебной церемонией? Я имею в виду, не пойми меня превратно, это было замечательно, но девушке нужна пара свадебных колоколов.

Натаниэль повернулся на бок, заинтригованный.

— Так мы с тобой лучше узнали друг друга. Наш союз не будет... завершен... до твоего изменения. И поверь мне, дорогая, у тебя будут все колокола, которые ты захочешь.

Он опустил голову, чтобы встретиться ее пристальный взгляд.

— Тебе бы этого хотелось? Свадьбы?

Джослин пожала плечами.

— Я не знаю. Вообще, я никогда особо не думала об этом. Если быть совсем откровенной, я никогда не видела себя замужней.

Натаниэль выглядел удивленным.

— Такая красивая и умная как ты? Мне трудно в это поверить. Ты, должно быть, получала дюжину предложений.

Она начала отвечать, но ее прервало глубокое рычание.

— Вообще-то, если задуматься, — сказал он, — я не хочу знать.

Джослин засмеялась и покачала головой, целуя его в подбородок прежде, чем лечь на теплую грудь.

— А ты и правда ревнивец, верно?

Натаниэль лениво провел подушечками пальцев вдоль ее мягких, узких плеч, опустившись ниже, чтобы приласкать грудь, как будто не мог остановиться.

— Я не знаю, что подходит под человеческое понятие ревности. Я не боюсь, что другой мужчина отберет тебя у меня, потому что никакой мужчина, совершивший такое, не останется в живых. И да, то, что является моим, я держу близко к себе.

Джослин вздохнула. Она привыкала к его дикому характеру, начиная воспринимать... и принимать... в другом свете.

— Натаниэль? — прошептала она, ее голос внезапно стал серьезным. — Могу я

спросить кое-что?

— Все что угодно, — ответил он, приподнимаясь над ней и прижимая ближе к себе, смотря с обожанием в глаза.

Джослин глубоко вдохнула.

Она знала о проклятии и о том, что, в конечном счете... требовалось... сделать, но у нее не хватало храбрости, чтобы столкнуться с этим лицом к лицу. Жуткие события предыдущей ночи, ужас от того, что сделали с Брэйденом, ее попытки сопоставить последние несколько дней с реальностью. Ей пришлось пережить ужасное столкновение с Тристаном, чтобы понять, насколько далеко зайдет Натаниэль, чтобы защитить ее... сколько безопасности, доброты и любви он может предложить ей.

Никто в действительности никогда не присматривал за ней прежде, и, конечно, никто не хотел обладать ею — угождать ей — так, как это делал Натаниэль. Он смотрел на нее так, словно она была всем в этом мире и могла затмить даже луну и звезды.

Колетт была права: есть намного худшие судьбы, чем жизнь с таким мужчиной, как Натаниэль. И теперь, когда она знала, каким любовником он мог быть, у нее не было намерений когда-либо отпускать его.

Рука Джослин спустилась к животу, и она спросила, пытаясь не отводить от него взгляд.
— Значит... я... беременна?

Она почти задохнулась от этого слова, но все-таки сумела задать вопрос, и теперь, затаив дыхание, ожидала ответа.

Натаниэль изучал ее лицо, мягко поглаживая щеку рукой.

— Ах, *iubito mea*, — он вздохнул, — так много всего мне приходится просить у тебя за такое короткое время. Это не всегда будет так.

Он коснулся губами ее лба, щек, кончика носа и только потом накрыл ее рот медлительным поцелуем, одновременно мягким и настойчивым, страстным и нежным.

Он уже был возбужден, но не стал распалать ее еще больше.

— Я намереваюсь сделать тебя счастливой, любовь моя, — интригующая улыбка осветила его лицо. — Фактически, я изучал твои воспоминания, и надеюсь, что ты не возражаешь, потому что у меня уже есть несколько идей.

Джослин не могла противиться, ее любопытство было сильнее.

— Например?

Он вздохнул.

— Например, поставить аквариум здесь в доме, — Натаниэль провел пальцами вдоль ее руки и обхватил ладонь, — если хочешь, мы можем оставить твой с теми же... рыбками... которые у тебя есть в Сан-Диего, перевезем их сюда: очень осторожно, я обещаю.

Он поднес ее руку ко рту и мягко поцеловал костяшки пальцев.

— У меня нет намерений позволить даже одной из твоих любимых рыб умереть, — он усмехнулся. — Или, если ты готова к приключениям, мы могли бы увеличить твою коллекцию.

Джослин улыбнулась.

— Это как?

— Я всегда хотел атриум: большой, тропический, мой дождевой лес, вместе с туманом, экзотическими птицами и водопадами. И что может быть лучше, чем построить аквариум, возможно, что-то панорамное, что-то естественное, посреди тропического рая. Мы могли бы привезти самых редких рыб со всего мира, — он поцеловал ее, прикусив нижнюю губу и

оттянув ее немного, прежде чем отстраниться. — Ты бы хотела этого?

Джослин знала, что ее лицо вспыхнуло, потому что могла чувствовать переполнявшую ее теплоту и радость.

— Да! — воскликнула она. — О мой Бог, я так волновалась о том, что может произойти с моими рыбками.

Она засмеялась над нелепостью этого заявления, в сравнении со всеми другими произошедшими событиями.

Натаниэль тоже засмеялся.

— Ты правда так плохо думаешь обо мне, Джослин? — он был игриво саркастичен. — Я уже позаботился об уходе за ними в Сан-Диего до тех пор, пока нам можно будет перевезти их.

Джослин поцеловала его щеку и провела рукой по сексуальной груди, улыбаясь и пристально смотря в глаза.

— Спасибо, Натаниэль.

Его глаза светились удовлетворением.

— Всегда пожалуйста. И кстати об уходе, насчет твоей ближайшей соседки. Ида, не так ли?

Джослин села, выжидаяюще глядя на него, как ребенок в предвкушении.

— Ммм, хмм.

— Конечно, трудно сказать, что она позволит или не позволит нам делать. Когда люди доживают до такого возраста, у них уже обычно складывается своя жизнь, но я знаю, что у нее нет никакой другой семьи, и тебе очень важна забота о ней. Если необходимо, мы можем нанять кого-то, чтобы продолжать уход за ней в Сан-Диего...

Глаза Джослин широко распахнулись от восторга.

— И я имею в виду не только выполнение ежедневных дел, но и готовность обеспечить дружеские отношения. Однако, если она готова будет переехать, у меня не будет возражений обеспечить ее всем здесь, обустроить для нее собственное удобное место, окруженное всеми любимыми вещами, таким образом ты могла бы продолжать видеть ее так часто, как тебе хочется.

Джослин почувствовала, как теплая слеза скатилась по щеке. Натаниэль поймал ее губами.

— Никаких слез, любовь моя, — прошептал он, — не надо слез. Это делает тебя грустной?

— Нет... — она покачала головой и отвела взгляд. — Это делает меня невероятно счастливой. Ты знаешь, у меня никогда не было собственной семьи; я даже не знала своих биологических родителей. И после стольких приемных семей я в конечном счете поняла, как жить... не привязываясь... ни к кому. Они были просто зрителями — людьми, которым я должна определенное количество времени и любезности; людьми, с которыми мне нужно ладить, пока я, наконец, не смогу съехать и стать уверенной и самостоятельной. Ида была другой, потому что я выбрала ее. Я хочу, чтобы она была в моей жизни. И выбрала меня.

Натаниэль сел и прижал ее к груди, его сильные руки дарили теплоту и безопасность.

— Я знаю это, малышка; я видел многие твои воспоминания. Верь мне, у тебя теперь есть семья... желанная или нет.

— Маркус, — отозвалась она с легкостью.

— Маркус, — он согласился, усмехнувшись. — Не волнуйся, он привяжется к тебе.

Джослин вздохнула.

— Да, наверное. И кто знает, возможно, если я когда-нибудь перестану сбегать каждый раз, когда увижу его, то смогу найти что-то, что мне понравится в нем.

Натаниэль засмеялся.

— Не заостряй на этом внимания. Я все еще борюсь с желанием убежать каждый раз, когда вижу его, а он мой брат, — его голос был игривым.

— Ну, я думаю, что в Маркусе есть одно большое преимущество.

— Какое?

— Безопасность. Я ничего не буду бояться, находясь рядом с ним.

Натаниэль сел прямо, напряженный, линии его лица стали резкими. Он издал низкое, дикое шипение.

— Маркус тот, кто заставляет тебя чувствовать себя в безопасности?

Несмотря на попытку пошутить, в его тоне было тонкое, но четкое предупреждение.

Джослин уткнулась носом в его грудь, наслаждаясь мужским ароматом его кожи, теплотой и силой рук, защищенностью, которую они дарили.

— Ты такой глупый, Натаниэль. Маркус не был тем, кто пришел ко мне той первой ночью в лесу — даже до Кровавой Луны, — она перебирала пальцами густую копну его волос. — И Маркус не был тем, кто... изменил... анатомию Тристана. Я думаю, что с тобой я в достаточной безопасности.

Глаза Натаниэля стали холодными.

— Я проявил огромную сдержанность с Тристаном... ты понятия не имеешь какую. Я не хотел пугать тебя, или его смерть была бы намного более... болезненной... и гораздо, гораздо медленнее.

Джослин задрожала, изучая его лицо, чтобы обнаружить малейший намек на преувеличение, и не нашла ни одного. Она не отвечала. Что могло быть более болезненным, чем отрывание мужского достоинства? Более ужасным, чем вырывание сердца через горло? Если честно, знать не хотелось. Одно было точно — она, возможно, должна заново переоценить братьев Силивази в целом: Маркус мог быть не самым опасным, в конце концов.

Внезапно Натаниэль расслабился снова. Он потянулся к ее руке и положил ее на свое сердце.

— Теперь ответ на твой первоначальный вопрос, любовь моя. Нет, ангел, ты... еще не беременна.

Джослин сделала глубокий вдох, не уверенная в том, чувствует ли облегчение или разочарование. Ее рука прощлась рассеянно по животу и прикрыла, словно защищая.

— Требуется несколько попыток? — спросила она, краснея.

Внезапно очень реальное чувство страха начало наступать ее.

— Натаниэль, что если этого не случится? Что произойдет с тобой, если я не смогу.

— Шшш, мой ангел, — Натаниэль прижал палец к ее губам и положил свою руку на ее живот, — здесь нечего бояться: ты — моя истинная судьба. Нет ни малейшего сомнения, что это произойдет. В некотором смысле это уже произошло.

Джослин покачала головой.

— Я не понимаю.

Натаниэль весело усмехнулся.

— Теперь, когда мы уже... узнали друг друга так близко... это просто вопрос того,

чтобы я приказал этому случиться. В любое время в течение следующих семидесяти двух часов я могу приказать, чтобы твое тело забеременело... и это произойдет.

Джослин резко села, повернулась к нему лицом и сглотнула — ее глаза распахнулись от удивления.

— У тебя есть такая власть... надо мной? Над моим телом? С помощью только твоих слов? — эта мысль была больше, чем немного тревожной.

— Джослин, — он убеждал, — у тебя сейчас тоже есть власть над моей жизнью. У каждого из нас есть огромная власть друг над другом — так и должно быть.

Джослин медленно кивнула и откинулась назад, устраиваясь поудобней на его груди.

— Я думаю, это имеет смысл, — она посмотрела на него с состраданием, ее сердце переполняла храбрость. — Натаниэль, после того, что произошло прошлой ночью... после того, что я сделала... уходя с Тристаном... — она отвела взгляд, все еще стыдясь, — я действительно не могу вынести мысли о том, что с тобой может что-то случиться — и особенно из-за меня и моих страхов. Я могу не понимать точно, что ты такое, или как все это произошло, но я знаю сердцем, что это правильно. И я знаю, что хочу быть с тобой. Поэтому я думаю, что готова. И честно, чем скорее, тем лучше.

Натаниэль погладил ее по щеке, его глаза удивленно распахнулись.

— Хоть я и ненавижу Проклятие Крови, я всегда поражался мудрости древних и тому, как души наших судеб идеально подходят нашим собственным. Ты — чудо для меня, Джослин Леви; ты никогда не узнаешь, насколько ты чудесна... то, сколько времени я ждал тебя... как я мечтал о тебе... представлял... жаждал. И теперь, когда ты здесь, в моих руках, ты более удивительная, чем любое мое воображение.

Он закрыл глаза на мгновение и когда вновь открыл их, они сияли привязанностью. Все же в них было что-то еще, скрытое глубоко внутри, что-то, что Джослин никогда не видела там прежде.

Страх.

— Натаниэль, в чем дело?

Он взял ее руки и поднес их к своему лбу. И склонил голову, как будто молясь. Когда он открыл глаза, они были серьезными.

— Ты не можешь зачать ребенка или перенести беременность будучи... человеком. Ты уже видела результаты этого...

Натаниэль зарылся подбородком в ее волосы.

— Я должен сначала обратить тебя, любовь моя, сделать тебя такой, как я, — он закрыл глаза и опустил голову, — как только полное обращение наступит, я смогу управлять твоим зачатием.

Джослин осторожно пожала плечами.

— Хорошо... так в чем проблема?

Натаниэль нахмурился.

— Обращение... очень трудное... Джослин; это может быть довольно болезненно. Мне жаль, что я не могу спасти тебя от худшего в обращении, но боюсь, что изменить ничего нельзя. К счастью, это длится не так долго.

— Сколько? — спросила она, уверенная, что страх отражается в ее глазах.

— Это зависит от человека. Для некоторых — не больше, чем сорок пять минут или час, для других — пять или шесть часов... но редко больше.

Джослин облегченно выдохнула, не сознавая, что задерживала дыхание до сих пор.

— Я могу сделать это, Натаниэль. Я сильнее, чем ты думаешь.

Натаниэль улыбнулся, касаясь ее щеки нежным поцелуем.

— Конечно, ты такая, но мне нужно, чтобы ты была действительно подготовленной. Действительно готовой. Нельзя остановить обращение; как только оно начнется... пути назад не будет. Сделать это — только подвергнуть риску твою жизнь, и я так не поступлю... независимо от того, что произойдет.

Джослин вздрогнула, когда вес его слов начал доходить до нее. Он не шутил: этот переход должен быть плохим — действительно, действительно плохим. Поскольку она никогда не видела, чтобы Натаниэль прежде перед чем-то останавливался.

— Это необходимо, тем не менее, не так ли? — спросила она. — Для тебя, чтобы жить? Для нас, чтобы быть вместе?

Натаниэль серьезно кивнул.

— Да, это необходимо.

— Тогда я хочу сделать это. И не только для тебя, Натаниэль. Не только, чтобы спасти твою жизнь от этого ужасного... проклятия. Но потому что я правда хочу быть с тобой, — она посмотрела вниз. — Иногда ты даже не знаешь, что чего-то не хватает в твоей жизни... пока не находишь это, — ее голос был мягким, но сильным.

Натаниэль обхватил ее лицо руками и поцеловал. Он оперся о спинку кровати и поднял колено, абсолютно не стыдясь своего огромного члена.

— Почему бы тебе не пойти и не принять душ? Вымой волосы, расслабься на мгновение, выпей чашку чая и вернись. Когда ты вернешься, я буду держать тебя в своих руках... — он мягко провел пальцем вниз по ее шее, от мочки уха к ключице, — где у меня будет самый легкий доступ к твоей...

— Я поняла тебя, — Джослин отстранилась, но попыталась улыбнуться.

Натаниэль нагнулся вперед, чтобы взять ее руку и успокаивающе сжать.

— Когда тебе будет удобно и безопасно в моих руках, я изменю тебя. Мы сделаем это сегодня вечером тогда, да?

Джослин кивнула... неубедительно.

— Да? — повторил он.

Она изучала его темные, очаровательные глаза, излучающие любовь и доброту, которую он чувствовал к ней.

— Да, — сказала она с уверенностью, наклонилась и поцеловала его красивые губы. — Да, Натаниэль.

Натаниэль улыбнулся, глядя на нее как на ангела.

— Тогда иди, любовь моя. И когда ты будешь готова, вернись ко мне.

Джослин медленно сползла с кровати, подняла халат с пола и пошла в ванную.

Она бросила взгляд на комнату: великолепный вид из окон, высокие балки на потолке, прекрасное, сильное существо, пристально смотрящее на нее с кровати. Это все теперь принадлежало ей. Эта жизнь. Этот дом. Вся роскошь вокруг. Семья.

Он принадлежал ей теперь.

Покидая комнату, она посмотрела на яркую белую луну, сияющую на них сверху со спокойного ночного неба, и ей пришло в голову, что это последний раз, когда она видит небо, как человек.

К этому времени завтра ночью она будет как Натаниэль.

Не имея возможности сбежать. От него. Или ее новой жизни.

Вампиры — бессмертные существа.

И даже если бы не были, она знала одну вещь наверняка: Натаниэль Силивази — этот великолепный, могущественный, примитивный мужчина, со всей силой, нежностью и хитростью — никогда не позволил бы ей уйти.

Хорошо, что она этого и не хотела.

Джослин зашла в ванную, полная решимости не оглядываться назад.

Маркус сидел на заднем крыльце, отдыхая и просто вбирая в себя успокаивающие звуки природы и мягкую мелодию воды, протекающей в мелкой извилистой реке позади дома, когда услышал настойчивый стук в дверь.

Он вздохнул. Ну что теперь?

Последние несколько дней он постоянно был в действии. Чувствовал тревогу. И просто хотел спокойно отдохнуть дома.

Хотя, надо признать, что по крайней мере один груз упал с его плеч; Маркус заглядывал в разум Натаниэля несколько раз за этот вечер — страх потерять своих младших братьев он не мог побороть уже в течение веков, так что больше и не пытался — только чтобы обнаружить, что Натаниэль собирался обратиться Джослин позже ночью.

Маркус не завидовал младшему брату или Джослин из-за предстоящего обращения. Ей пришлось многое узнать за столь короткое время. Но, насколько он понял, эта женщина была воином, даже если иногда совершала глупые поступки, не всегда думая о последствиях. Маркус усмехнулся, вспомнив выражение ее лица, когда он сказал ей, что превратит в марионетку, если придется. Это, конечно, не смешно, но женщина была вспыльчива.

Вздохнув, Маркус обошёл дом, направляясь к входной двери. Он знал, что Натаниэль и Джослин пройдут через обращение и будут в порядке: его брат был слишком силен. А потом... наконец... Натаниэль будет в одном шаге от того, чтобы освободиться от чертова Кровавого Проклятия — яд их рода, словно тяжелое бремя, с самого рождения и до момента встречи с судьбой. Оно всегда висело над ними, как облако, следуя за ними, как тень, отгородив их от возможности в полной мере ощутить свое бессмертие до того, как, наконец, придет этот роковой момент.

К лучшему или к худшему.

Когда Маркус завернул за угол, его взгляд привлекли богатство длинных медово-светлых волос и нежная фигура женщины, стоящей спиной к нему. Она плакала неудержимо... совершенно безумно... стуча во входную дверь и неоднократно называя его имя.

Маркус быстро осмотрелся вокруг и принялся. Он закрыл глаза, пытаясь обнаружить любые скрытые источники опасности... чтобы понять, что так глубоко потрясло женщину у входной двери.

— Джоэль?

— Маркус!

Экономка резко развернулась, испугавшись его внезапного появления.

И тогда Маркус сделал шаг назад, совершенно ошеломленный тем, что увидел — его разум кружился в тумане непонимания, пытаясь обработать то, что говорили ему глаза. Это было похоже на попытку решить простую головоломку с таким ужасающим выводом, что он прятался на виду... дразня его разум отвратительной истиной.

Потому что, если увиденное было правдой, он смотрел в лицо... смерти.

— Мой Бог! — воскликнул он. — Что за...

У него не было слов.

Джоэль наклонилась вперед, обхватив свой выступающий живот, ее глаза расширились от ужаса.

— Помоги мне, — произнесла она.

Джоэль Паркер выглядела как беременная на пятом месяце.

И Маркус чувствовал запах страха, исходящий от нее из-за стремительных изменений, происходящих с ее телом. Точную фазу созревания — точную стадию развития плода — было легко определить благодаря естественной способности, данной всем мужчинам его вида: Джоэль была в двадцати четырех часах от окончания ее сорока восьмичасового цикла... цикла, который завершится рождением этих детей.

Маркус посмотрел на внутренние части ее запястий, ища то, чего, он знал, там не было — знаки созвездия — доказательство, что каким-то образом, в последние двадцать четыре часа, она оказалась судьбой одного из их мужчин.

Доказательство того, что ее дети были зачаты и, следовательно, родятся естественным путем.

Он знал, что это не так... и все же продолжал изучать ее руки.

Кровавая луна, предвещающая судьбы мужчин, — это редкое незабываемое явление. Сверкающие звезды. Волшебное небо. И очевидный Знак, который невозможно игнорировать.

За исключением женщин, которые носили знаки, люди никогда не замечали этих небесных откровений: их зрение было слишком ограниченным, чтобы видеть далекие созвездия, а их телескопы не могли уловить явление, предназначенное исключительно для другого вида. Но сыновья Джейдона, даже сыновья Джегера — те, кто навсегда потеряны и не имеют никакой надежды на собственную судьбу — никогда не пропускали его. Это часть Кровавого Проклятия, как гарантия для мужчин: где бы они ни были, что бы ни делали, их необъяснимо влекло к Кровавой Луне.

Именно поэтому Маркусу стало известно о Джослин сразу, как только это произошло.

Джоэль пошатнулась, когда ее живот начал болеть, а тело затрясло из-за быстро прогрессирующей беременности, свидетельствующей о двух маленьких существах, развивающихся с рекордной скоростью внутри ее чрева.

Маркус стремительно переместился, чтобы поймать ее.

— Джоэль...

Он все еще не находил слов.

Она посмотрела в его встревоженное лицо, ее карие глаза расширились от ужаса, а щеки были мокрыми от слез.

— Я не понимаю, что со мной происходит, — она давилась словами. — Я забеременела... и не могла найти тебя.

Маркус покачал головой, надеясь привести мысли в порядок.

— Скажи мне, что случилось, — это был приказ.

Глаза Джоэль широко распахнулись.

— Что ты имеешь в виду, что случилось! — ее голос был наполнен ужасом. — Что, ты думаешь, случилось? Ты был там! Я беременна от тебя, — она посмотрела на свой выпуклый живот. — А теперь... я думаю, что умираю.

Маркус отступил назад, ее слова ударили его, как жало скорпиона: я беременна от тебя? Он сразу же пробил завесу ее сознания, чтобы извлечь воспоминания.

Ему нужны были ответы... прямо сейчас.

В ту же секунду он отпустил ее руку.

— Боги... — произнес он.

А потом ее хрупкое тело ударилось о площадку. Она приземлилась на колени, практически складываясь вдвое, прежде чем он поймал ее.

Его мысли мчались вперед, выйдя из-под контроля.

Маркус был известен своим спокойствием в бою, способностью быть незаметным, всегда оставаться бдительным и обрабатывать информацию с удивительной скоростью, когда сталкивался с кризисной ситуацией. Его способность оставаться невозмутимым была легендарной в доме Джейдона... но теперь... он оказался совершенно растерян. Неверие и ярость кружились в голове, словно полосы чернильной темноты, просачиваясь вглубь души и проникая в сердце, когда он медленно приходил к полному пониманию... И неизбежному выводу: Валентайн Нистор.

Снова.

Джоэль Паркер умрет ужасной, невыносимой смертью, и ни он, ни кто-либо другой не сможет сделать ничего, чтобы предотвратить это.

Маркус обнял хрупкую, дрожащую девушку, его сердце разбивалось при взгляде на нее. Он был тем, кого Валентайн использовал, чтобы обмануть ее... украсть невинность... чтобы так жестоко с ней обойтись... И его душа болела, зная, что даже сейчас она смотрела на него глазами, полными любви... после всего, что пережила.

Какой смысл говорить ей правду?

Она скоро умрет. И этого не остановить.

Неужели ей еще нужно знать, что она обманута... использована... изнасилована? Облегчит ли ее страдания знание, что она была с Темным, что демон жестоко отобрал ее жизнь, злобно воспользовавшись телом? Женщина была в абсолютном ужасе, страдала, и единственное, что он мог дать ей перед смертью, это недолгий покой.

Маркус обвил ее сильными руками, притянул плотнее к своей груди и начал дышать в унисон с ней.

Дышать за нее.

— Расслабься, любимая, — его голос был нежным шепотом, колыбельной. — Все будет хорошо.

Джоэль пыталась перестать плакать, беспомощно вглядываясь в его глаза, выискивая в них покой.

Маркус выдавил из себя улыбку, посылая нежную волну утешения в ее разум.

— Ты не первая женщина, которая носит ребенка, Джоэль. Все будет в порядке.

Он лгал.

Джоэль всхлипнула и вытерла нос. Слабый свет появился в ее грустных глазах, а затем она схватилась за живот, когда по нему прошла еще одна волна боли. Младенцы росли с угрожающей скоростью.

Маркус почувствовал серию сокращений, которые сжимали ее утробу и были характерны для второго триместра... только это происходило слишком быстро. Он подхватил ее на руки, отнес в дом в переднюю комнату, где уложил аккуратно на бледно-зеленый диванчик, и опустился на колени перед ней.

— Первое, что мы должны сделать, это прекратить боль, любовь моя.

Он наклонился к ее шее и осторожно, настолько нежно, насколько возможно, взял у нее немного крови. А потом ввел незначительное количество яда.

Она вскрикнула от неожиданной боли, но та длилась недолго.

— Прости, — прошептал он, — но без этого обмена я не смогу заблокировать твою

боль.

Джоэль кивнула и посмотрела на него широко открытыми, доверчивыми глазами. Она была похожа на ребенка в ожидании помощи и с абсолютной верой, что он позаботится о ней.

Маркус сделал, как и обещал.

Он послал положительные импульсы в ее тело, медленно перехватывая и легко блокируя негативные ощущения. Затем впитал их в себя... так, чтобы боль Джоэль стала его болью.

Она больше не чувствовала ничего.

— Теперь тебе удобно? — мягко спросил Маркус с нехарактерным для него состраданием.

Джоэль вздохнула с явным облегчением, положив руку на живот, и закрыла глаза.

— Я больше ничего не чувствую, — в ее голосе слышалась благодарность.

— Хорошо, — сказал он. — Больше не будет боли, милая.

Джоэль потянулась неуверенно к его руке и удивилась, когда он так охотно протянул ее ей.

Лаская ее запястье большим пальцем, он склонил голову.

— Джоэль? — его голос был лишь шепотом. — Я должен извиниться за ту ночь. Это был твой первый раз, и ты заслуживала гораздо больше. Мое обращение с тобой было... эгоистичным... и жестоким... и постыдным. И я хочу, чтобы ты знала, что у тебя есть мое слово, как война, что этого никогда не повторится. Пожалуйста, прости меня.

Глаза Джоэль резко распахнулись от удивления и чего-то еще, сияющего в их мягких коричневых глубинах: нежность... любовь.

— Конечно, я прощаю тебя, — она вздохнула с облегчением. — Я думала, что дело было... во мне... моей неопытности. Я думала, ты был разочарован, и именно поэтому так быстро ушел.

Маркус поморщился и покачал головой. Он хотел буйствовать, докричаться до небес и что-нибудь сломать. Кого-то. Но сейчас это не поможет Джоэль.

— Никогда, любимая, — успокоил он ее и слегка погладил по щеке. — Как ты могла такое подумать? Ты удивительная женщина, Джоэль. Как может любой мужчина быть разочарован тобой?

Ее улыбка в тот момент затмила бы солнце... и поэтому Маркус ненавидел себя за эту ложь.

Маркус не был тем, кто часто извиняется, и тем более за то, что совершил кто-то другой, за то, что он сам бы не сделал. Но находясь в ее разуме, он мог ощущать подавляющее беспокойство. Джоэль верила, что будет матерью его детей. Что у них все-таки будет совместное будущее. И ее единственным страхом было то, что Маркус снова сделает ей больно. Что этот могущественный вампир будет продолжать унижать ее и жестоко с ней обращаться для собственного эгоистического удовольствия.

Маркус знал, что Джоэль никогда не обретет покой, пока думает, что проведет остаток жизни с мужчиной, который будет использовать ее так безжалостно, независимо от того, как сильно она его любит.

Ее страх был реальным, живым существом.

И, если избавление от этого страха, этого единственного волнения, даст ей почувствовать себя особенной, даст то, чего она хотела больше всего на свете — веру, что

Маркус любит ее, тогда он это сделает. И, может быть, она даже сможет испытать радость, маленький намек на удовольствие... и мир... который она так давно искала.

— Теперь ты останешься со мной? — прошептала она.

Маркус улыбнулся, глядя на нее.

— Конечно, останусь, — он сжал ее руку. — Обещаю.

— Навсегда? — спросила она застенчиво.

Маркус сглотнул. Обман казался таким несправедливым.

— Навсегда.

Джоэль начала говорить что-то еще, но он мягко прижал палец к ее губам.

— Тише, не говори, малышка. Расслабься. Отдохни для меня. Просто дай мне поддержать тебя.

Джоэль казалась совершенно спокойной и умиротворенной, когда Маркус пересел на кушетку, заключил ее в свои объятия и крепко прижал к груди возле сердца. Он наклонился, чтобы зарыться в ее волосы, замечая, что она пахла свежесрезанными весной розами. Забавно, что он никогда не замечал этого раньше.

Ночь подкрадывалась...

Двигалась мучительно медленно...

Пока Маркус держал Джоэль Паркер в своих руках, скрывая свой гнев, похоронив свою печаль... пряча сожаление. Он гладил ее по волосам, говорил слова любви на ухо, нежно целовал в щеку и поглаживал живот, как будто она носила его драгоценных не рождённых детей в своей утробе.

Маркус давал представление всей своей жизни.

Когда, наконец, она провалилась в сон, он приподнял ее обмякшее тело вверх и уткнулся губами в шею. Он сделал глубокий вдох, а затем откинул голову назад и молча прокричал в небеса... проклял богов за их горькое равнодушие... дал обещание быстро и жестоко отомстить.

А потом выпустил клыки. Сконцентрировавшись, чтобы в последний раз заблокировать ее боль и предотвратить пробуждение, он впился зубами глубоко в ее сонную артерию...

И начал пить.

Он пил ее кровь без эмоций, без сомнений, до тех пор, пока в безжизненном теле не осталось ни одной капли.

Больше не будет наследников для Валентайна Нистора: больше не будет мучительных родов, больше ни один выродок этого демона не прорвет себе путь из другой красивой, невинной женщины.

Джоэль Паркер отправится в Долину Духа и Света с миром и достоинством, веря, что была любима.

Маркус медленно выбрался из-под нее и положил безжизненное тело на кушетку. Как он объяснит это ее семье? Что, во имя всего мира, он скажет ее отцу? Человеку, который знал его всю свою жизнь, человеку, который достаточно верил Маркусу, чтобы позволить любимой дочери прийти работать на него в таком юном возрасте.

Кевин Паркер умрет тысячей смертей, когда увидит свою драгоценную маленькую девочку мертвой, бледной и беременной. Он потеряет всякую веру от знания, что Маркус не смог защитить ее. Маркус не смог защитить...

Шелби.

Далию.

И теперь Джоэль.

Он испытывал тяжесть в груди, и его трясло от ярости.

«Накари, я требую твоего полного внимания», — Маркус телепатически воззвал к своему самому младшему из живущих братьев — брату, близнеца которого он также подвел.

«В чем дело, Маркус? — беспокойство Накари было очевидно. — Что тебя так расстроило?»

Маркус не мог вынести мысли о том, чтобы повторять все детали, поэтому послал информацию в виде серии зрительных образов прямо в разум Накари — начиная с ночи, когда Джоэль встретила его на крыльце, и заканчивая последними мгновениями, когда он прервал ее молодую жизнь.

Накари был угрожающе тих. Раздражающе спокоен. Это продолжалось, казалось, целую вечность.

«Брат мой», — вздохнул он, наконец.

Еще одно долгое, затянувшееся молчание.

«Скажи мне, что я могу сделать для тебя, Маркус. Назови что угодно... и это будет сделано».

Маркус провел рукой по густым черным волосам и уперся локтями в колени, сидя в кресле напротив шезлонга, напротив Джоэль.

«Ты когда-нибудь раньше слышал о Темном, обладающем такой большой силой? — спросил он. — Достаточной, чтобы удерживать чужую личину так долго. Чтобы быть таким убедительным».

Накари снова вздохнул; на этот раз его разочарование было очевидно. «Были слухи, что старший брат Валентайна, Сальваторе, может быть способен на такое, но он долго учился черной магии. Я понятия не имел, что Валентайн стал таким могущественным».

«Мы недооценили нашего врага, — прорычал Маркус. — Я недооценил нашего врага. Опять».

Накари не ответил.

«Есть ли среди нашего рода те, кто может сделать то же самое? Ты теперь маг; ты сможешь сделать такое?»

Накари не спешил, как бы размышляя над этим. Как будто хотел быть абсолютно уверенным, прежде чем ответить.

«Я смогу».

Маркус откинулся в тяжелом кресле. Он устал. Так устал.

«Тогда я принимаю твое предложение... о помощи... И вот что я попрошу у тебя: вместе мы воздадим должное этому проклятому сыну Джегера. За Джоэль. За Далию. Мы отомстим за Шелби. И больше никакого промедления. Первым делом, завтра ночью, сразу после пробуждения Валентайн придет за своими детьми... И мы будем ждать».

Джослин приняла душ, вымыла волосы ароматным лавандовым шампунем, который Натаниэль купил для нее, и нанесла увлажняющий крем из алоэ и жасмина на кожу. После чего переделась в другую длинную ночную рубашку из бледно-розового шелка, с сексуальным разрезом вдоль левого бедра.

Выпив чашку горячего ромашкового чая, подслащенного медом, она блуждала по первому этажу, рассматривая красивые произведения искусства — глиняную посуду и другие предметы ручной работы, сокровища, собранные за века жизни, — прежде чем вернуться в главную спальню на третьем этаже... ее новую спальню.

Как будто понимая, что ей нужно немного побыть в одиночестве, Натаниэль дал ей столько времени, сколько нужно. Оставил одну, не проверяя местонахождения и не вторгаясь в личное пространство. Хотя Джослин ощущала его присутствие в своем разуме несколько раз — мягкое прикосновение и подлинное беспокойство — он ни разу не прервал ее размышлений.

Когда она, наконец, была готова, то вошла в спальню, где нашла его лежащим на кровати, терпеливо ожидающим с выражением абсолютного спокойствия и уверенности на лице.

В комнате горело несколько свечей. Завораживающий звук струящейся воды доносился от полированного каменного водопада — дополнение, которое у Натаниэля, казалось, было в каждой комнате — словно кельтский инструмент тихо играл на заднем плане. Будто переносил ее в другой мир... другое время и место.

Джослин задалась вопросом, не так ли жили его предки, Божественные Создания: включая все виды, звуки и структуры природы во всё, что создавали.

С ночного неба, усыпанного сияющими звездами, светила яркая луна, как будто улыбаясь им сверху. Атмосфера не могла быть прекраснее. Мужчина — красивее. Ночь — нереальнее.

И все же, она знала...

То, с чем ей придется столкнуться, — полная противоположность этой мирной обстановки. Вхождение в свет? Да. Но только после медленного и болезненного путешествия через тьму.

Сделав глубокий вдох, Джослин приблизилась к кровати и села на край, всматриваясь в захватывающие глаза Натаниэля.

Он протянул руку, как предложение, и она приняла ее.

— Иди сюда, любовь моя, — прошептал он спокойным и ободряющим голосом.

Джослин кивнула. Действительно ли можно полностью подготовиться к чему-то подобному?

Натаниэль прислонил несколько больших подушек из голубого атласа к спинке кровати. Откинувшись спиной на них и удобно расположившись, он развел руки, улыбнулся и жестом предложил ей присоединиться.

Неуверенно, Джослин взобралась на кровать и задержалась в его объятиях, прежде чем развернуться к нему спиной. Он не сказал ни слова. Просто держал ее так долго и так близко, как ей было нужно... пока она, наконец, не отстранилась, готовая сделать следующий шаг.

Прислонившись к нему спиной, она могла слышать его сердцебиение. Его ноги были согнуты и немного раздвинуты по обе стороны от ее тела, сильные руки бережно обнимали.

Она положила голову на его плечо, чуть ниже шеи, и сделала несколько глубоких вдохов, в то время как он мягко массировал ее руки, прокладывая дорожку поцелуев от уха к горлу... от горла к плечу... ожидая, пока она расслабится.

— Ты готова, мой ангел? — спросил он, его голос был хриплым, полным любви.

Джослин кивнула.

— Да, — прошептала она, — я думаю, да.

Натаниэль притянул ее еще ближе и начал нашептывать что-то красивое на древнем языке своих людей. Слова казались странными, с сильным акцентом ушедшего времени. Но все же они слетали с его губ, словно вода, текущая веками по гладкой речной скале.

— Ты — моя судьба, — повторил он, переводя слова на английский язык, — другая половина моей души. Ты — любовь, которую я ждал целую вечность. Подарок, на который я потрачу целую жизнь, пытаюсь стать достойным его. Твое сердце было открыто мне под Кровавой Луной, твоя душа была выбрана богиней Кассиопеей, чтобы почитать, беречь и ставить ее выше всего остального до конца времен. Ты принимаешь это, как свою истинную судьбу?

Джослин улыбнулась.

— Да, принимаю... если принимаешь и ты...

Он тихо засмеялся.

— Джослин Леви, ты пришла ко мне по собственной воле?

Джослин кивнула.

— Да, Натаниэль, по собственной.

— Доверишь ли ты мне свое сердце, свою жизнь и тело? Чтобы измениться, пройти превращение и родиться заново? Этой ночью и навсегда, чтобы стать бессмертной?

Джослин взвесила его вопрос тщательно: она не смогла подобрать слова для ответа, поэтому, повернувшись к нему лицом, поцеловала мягко в губы и кивнула.

— Ты будешь всегда заботиться обо мне, как делаешь это сейчас?

Красивая улыбка Натаниэля осветила его глаза.

— О да, *iubito mea*, всегда.

Она отвернулась.

— Я согласна.

Он уткнулся носом в ее щеку, медленно выдохнул, и затем снова поудобнее разместил ее в своих руках.

— Я хочу, чтобы ты расслабилась, малышка.

Натаниэль мягко погладил ее волосы, затем нежно убрал их с шеи, откинув назад.

— Мне нужно, чтобы ты попыталась отпустить контроль; не борись со мной, если сможешь.

Джослин кивнула, когда он провел по ее шее подушечками пальцев, поглаживая артерию снова и снова в гипнотическом ритме. А затем мягко наклонил ее голову в сторону, прижав ухом к плечу. Его руки сжались, а мышцы ног напряглись.

— Дыши для меня, ангел, — прошептал Натаниэль и приник ртом к ее пульсу.

Он провел языком по артерии, слегка прикусил шею зубами. Когда она, наконец, полностью расслабилась, как ребенок, который попал под заклятие, то почувствовала крошечный укол, два острых жала на коже.

А потом его клыки глубоко вонзились в ее шею.

Острая боль вырвала ее из транса, все тело напряглось, и мышцы сжались в ожидании, когда эти ощущения пройдут.

Казалось, это длилось целую вечность....

Два острых, как бритва, клыка Натаниэля пронзили ее плоть, прошли сквозь мышцы и сухожилия, проникая все глубже и глубже... пока она не ухватилась за его руки и не попыталась отстраниться.

Он не отпустил. Не смягчился.

Просто продолжал давить, пока его резцы не оказались глубоко в ее горле, ошеломляя сильной болью.

Джослин боролась за дыхание, не в силах говорить. Чувствовала, как он массирует ее руки, как его большие пальцы нежно потирают запястья кругами, как едва различимое рычание зарождается в его груди. И она пыталась расслабиться, но это было все равно, что просить кто-то лечь на острое лезвие без сопротивления. Все в ней противилось этому.

— Шшш, — удалось ему прошептать, даже с зубами, вонзенными глубоко в ее горло.

А потом пришла настоящая боль...

Яд. Отрава. Горящая субстанция начала разливаться в ее венах... медленно просачиваясь через артерию, с огромным давлением вторгаясь в кровоток.

Джослин вскрикнула от боли. Чего она ожидала? Комариного укуса? Жала пчелы? Прививки от гриппа?

Количество токсина, вводимого в ее вену, походило на тысячи ос, жалящих одновременно, или гремучую змею, которая не отпускала... на скорпиона, который впрыснул достаточно смертельного яда в кровь, чтобы изменить всю ее физиологию.

Что он сказал? Изменение, превращение, рождение заново. Он убивал ее. Невыносимо... медленно... разрушал то, чем она была, чтобы превратить во что-то еще.

Ее накрыла паника.

Одно дело — задерживать дыхание при прививке от бешенства, понимая, что будет больно, но все быстро закончится. И совсем другое — пытаться вытерпеть такое, не зная, сколько еще это продлится... Когда боль от инъекции все продолжается и продолжается, пока каждая мышца, орган и ткань в теле не будут поглощены жгучим токсином.

Она отчаянно пыталась задерживать дыхание. Закрывала глаза. Хваталась за его руки. Вонзала ногти в плоть. Но ничто не останавливало пытку. Это было просто крайне, абсолютно невыносимо.

Ничего из того, что Натаниэль, возможно, сказал или сделал, не могло подготовить Джослин к мукам, которые она испытывала: ее кровеносные сосуды, казалось, скоро разорвутся — сами вены сопротивлялись яду — как будто ее тело не просто отторгало, но и отказывалось воспринимать чужеродную инъекцию.

Джослин чувствовала себя неудачницей.

Отчаянная, страдающая, беспомощная неудачница. Она хотела этого так сильно. Хотела Натаниэля... так сильно. И ставки были так чрезвычайно высоки, но...

— Хватит, — ее голос был мучительным хныканьем.

А затем она вскрикнула от нового взрыва боли. Обжигающий яд начал распространяться вниз по телу, приближаясь к груди и сердцу. И он жег, как кислота.

Слезы хлынули из глаз, когда Джослин начала бороться с большей силой, пытаясь сесть, вывернуться, освободиться от железной хватки Натаниэля. Она пиналась ногами, и молотила

руками, но он только сильнее сжимал, его мощные бедра обвилились вокруг нее.

— Нет, Натаниэль! — она закричала, прося о милосердии. — Остановись! Ты должен остановиться. Я не могу это сделать.

Он не двигался с места. Не паниковал и даже не реагировал. Просто продолжал вводить болезненный яд в ее вены.

А потом токсин вампира достиг сердца.

Громкий крик ужаса вырвался из ее горла, когда тело стало дрожать в агонии, пока, наконец, мышцы не начали сокращаться.

Джослин сопротивлялась изо всех сил.

Она хваталась за его руки. Царапалась, яростно рвалась на свободу. Мотала головой, пытаясь избавиться от его клыков. Она даже оцарапала его глаза и ударила в пах — все, что угодно, чтобы освободиться, лишь бы остановить невыносимую боль.

Когда ничто не сдвинуло его — ни одна отчаянная попытка не принесла ей свободу — она, наконец, начала просить и умолять:

— Натаниэль, ты должен остановиться. О Боже, пожалуйста... Я знаю... Я знаю, что это означает для тебя, и сожалею... Я так сожалею.

Ее слезы лились ручьем.

— Но, если ты любишь меня... если ты хоть немного заботишься... ты остановишься.

Сокращения продолжались, и боль стала хуже... как будто это было вообще возможно.

— Пожалуйста, — умоляла она хриплым от отчаяния голосом. — Просто позволь мне умереть. Я могу умереть с тобой; мы можем все еще быть вместе. Пожалуйста, Натаниэль... не делай этого.

Джослин боролась против него, тратя каждую унцию энергии, которая у нее оставалась, чтобы освободить себя.

— Остановись! — потребовала она. — Ты слышишь меня? Я хочу, чтобы ты остановился!

Когда больше не осталось сил, она зарыдала.

— Как ты мог сделать это со мной? Почему, Натаниэль? О Боже, пожалуйста... пожалуйста... остановись.

Натаниэль хотел поговорить с Джослин. Успокоить ее, сказать, что она уже на полпути, убедить продержаться еще немного, но ее мучения были настолько сильными... боль — настолько невыносимой... он едва ли терпел это сам. Натаниэль даже не мог утешить ее телепатически, потому что был полностью сконцентрирован на превращении.

Он знал, что она чувствовала себя преданной, брошенной и обманутой — и это разбивало его сердце. Но остановиться сейчас будет означать смерть... для них обоих.

Ее человеческое тело не переживет такую смертельную инъекцию яда, и, если не закончить переливание, ее тело вампира не будет достаточно сильным, чтобы принять преобразование.

Он так отчаянно хотел остановить ее боль.

Он с удовольствием принял бы собственную смерть, позволив ей жить без него, лишь бы закончить эти муки, но не мог.

Это было просто невозможно. Ставки слишком высоки, и либо они оба умрут, либо оба выживут.

Натаниэль не мог говорить. Не мог утешить. Он не мог ничего сделать, только держать красивую женщину, пока она так ужасно страдала в его руках. И он не смел вытаскивать

клыки, даже на мгновение, потому что знал, что никогда не сможет укусить ее снова.

Натаниэль отключил свой разум от ее криков, боясь, что она в итоге сможет убедить его позволить им обоим войти в Долину Духа и Света вместе.

Он слышал истории о превращении...

Мужчинам рассказывали все в Румынском Университете: что происходило физически, сколько времени это могло занять, надлежащий способ управлять ядом, как удерживать получателя...

Но ничто, за все долгие века жизни, не подготовило его к тому, что он видел теперь.

Женщина, которую он любил, судьба, которую обещал почитать, беречь и ставить выше всего остального, мучилась: из-за него.

Слезы начали скапливаться в уголках его глазах, и он изо всех сил пытался сдержать их. Джослин умоляла теперь, как беспомощный ребенок, прося его о милосердии.

Она фактически использовала слово милосердие.

Натаниэль мягко слился с ее разумом, пытаясь понять, через что она проходила, чтобы разделить с ней это, даже если не мог прекратить. И то, что он нашел, было красным котлом боли, паники, непонимания и огромного страха. Джослин испытывала ни что иное, как... пытку... и это отнимало у нее желание жить.

Натаниэль мог ощущать собственный яд в ее теле, как он яростно разрушал ее изнутри. Муки были беспощадны, и боль не походила ни на что когда-либо видимое прежде. Никого — мужчину или женщину, человека или вампира — никогда нельзя просить вынести такое мучение.

Натаниэль прижал ее ближе, продолжая массировать руки, зная, что это бесполезно. Слезы текли по его лицу, и он чувствовал себя таким беспомощным, как никогда за века своей жизни.

И поэтому молился.

Впервые за десятилетия Натаниэль просил милости у Небесных Богов, умоляя закончить страдания Джослин.

Но время шло. Медленно. Мучительно. Пока молитвы не стали проклятиями, а горе не уступило место гневу. Однако Натаниэль боролся, чтобы сдержать его. Для них обоих. Держал свои клыки глубоко внутри ее шеи...

И продолжал вводить яд.

Джослин была слишком истощена, чтобы бороться дальше. Боль, наконец, победила. Она чувствовала, что смерть рядом, и просила прийти ее скорей.

Гнев на Натаниэля испарился, ни ощущения предательства, ни паники... ни просьб о милосердии. Только сладкое ожидание неизбежного конца.

Очевидно, превращение не сработало.

И она задавалась вопросом — почему?

Почему ее тело отказывалось от изменений?

Джослин то находилась в сознании, то отключалась, думая о Натаниэле, о том, насколько болезненной будет его смерть, и надеялась, что она будет похожа на это.

Она думала об Иде, своей ближайшей соседке, и семье, которой у нее никогда не будет. И о своих рыбках.

Кто позаботится о них?

А затем внезапно комната наполнилась цветами, как переливающаяся радуга в небе. Мысли о Натаниэле медленно исчезали из ее сознания, пока она не перестала чувствовать удерживающие ее твердые руки и сильные ноги.

Клыки в шее больше не казались чем-то ужасным. Возможно, боль искупила все ее грехи — у нее действительно было так много грехов? — так, чтобы перед смертью ее ожидали только прощение, мир и вечный покой.

Она смеялась вслух или, по крайней мере, думала, что смеялась. Все казалось таким глупым. Возможно, это просто какой-то сумасшедший сон...

Вампиры.

Оборотни.

Красивый, сексуальный мужчина, который живет только ради нее... обожает ее... поклоняется ей.

Бессмертие.

Теперь, размышляя над этим, она могла сказать, что это определенно сон. Но почему тогда так чертовски горят ее вены, и боль не уходит?

А потом произошло нечто совершенно странное.

Электрический заряд прошел через нее, вызывая ощущения, которых она никогда не испытывала прежде: резкое, бесспорное освобождение, как будто ее дух выходил из тела. Должно быть, это и называют смертью. Просто... освобождение.

Вес ее человеческого тела, казалось, исчез, кислород наполнял легкие, а энергия текла по венам новой жизнью — усиливая чувства и разум. Суставы и мышцы быстро ожили: возбужденные, омоложенные. Сердце начало качать новые силы, пробуждая каждый орган и ткань.

Джослин чувствовала свое совершенное тело, переполненное здоровьем и энергией...

И силой.

Так, словно она могла прыгнуть с крыши здания или летать... вместе с ветром.

Возможно, она стала ангелом в конце концов.

Джослин не нужно было пробовать новые силы, чтобы знать, что они есть. Она ощущала их в каждой клетке тела: никаких болезней, никакой уязвимости, отсутствие любых токсинов, которые были в почках или печени до этого.

И ясность ума: все ее пять чувств были остры как никогда. Она могла слышать ветер среди деревьев снаружи, отдельный шелест листьев, малиновку, поющую на расстоянии больше чем в милю.

Могла чувствовать запахи: след пум в лесу, сильный аромат сосны и сладкий запах влажной земли ниже русел рек. У природы была своя симфония — гармоничная, великолепная, красивая.

Теперь, когда ее ужас иссяк, Джослин все еще ощущала его у себя во рту, фактически отделяя ароматы борьбы и страха. И она остро чувствовала тело Натаниэля: совершенство и контур каждой мышцы, прикасавшейся к ней. Слышала сердцебиение в его груди так ясно, как собственное. И могла... читать... его мысли.

«Я мертва?» — попробовала она спросить телепатически.

И услышала вздох огромного облегчения, хотя самого звука не было.

«Нет, любовь моя».

Она ощутила его радость!

«Как ты себя чувствуешь?»

Мысленная телепатия, черт побери! Она могла прочесть его мысли, а он — ее. Они говорили, не используя речь и слух. Разговаривать... и слышать... с невероятной ясностью. Их голоса были намного четче, чем когда она просто слушала, словно звук куда лучшего качества.

«Я...»

«Бессмертна? Да, ты бессмертна».

Джослин знала, что яд все еще находился в ее теле, восстанавливая последние клетки и ткани, но он больше не воспринимался как яд.

Скорее, как источник молодости.

Везде после себя он оставлял здоровье, энергию и силу.

Джослин закрыла глаза, упиваясь теплотой и удовольствием, когда боль уступила место экстазу... не похожему ни на что, что она когда-либо чувствовала прежде.

Откинув голову назад, она застонала и потерлась о Натаниэля как кошка. Испытывая огромное удовольствие от физического контакта и его клыков, все еще находящихся в ее шее. Она притянула его ближе... желая его... нуждаясь в нем... в ощущениях, которые он вызывал, таких приятных. Очень и очень приятных.

Она хотела большего.

С ее губ сорвалось низкое шипение, когда удовольствие стало нестерпимым, и она почувствовала ответную реакцию Натаниэля — возбуждение той же силы.

«Тебе явно намного лучше, мой ангел».

Потянувшись рукой назад, чтобы погладить его шикарные волосы, она знала, что он улыбнулся.

«Я никогда в жизни не чувствовала себя лучше».

Натаниэль укусил жестче, глубже вонзив клыки. Только на этот раз Джослин не сопротивлялась. Не закричала от боли, не попыталась остановить. Скорее, задрожала от удовольствия и издала глубокий, хриплый стон.

«Тебе это нравится?» — Натаниэль мурлыкал, выражая крайнее удивление.

Она выгнула спину и потерлась об него в ответ.

«О, да, — прошептал он, его экстрасенсорный голос стал хриплым. — Тебе правда это нравится».

Джослин вдруг почувствовала, как ее грудь стала тяжелой. Соски напряглись, и желание наполнило тело жаром. Она так пылала... нуждалась в нем, как никогда прежде.

И не хотела прелюдий: ни в этот раз.

Никаких поглаживаний и ласк. Только насытиться. Почувствовать себя живой во власти сильного мужчины, который бы взял ее мощно, чтобы угодить ей, проник в нее, заставляя кричать. Чтобы полностью удовлетворить, без всякой нежности, в которой она нуждалась, когда была человеком.

Конечно, ей нравилась нежность, медленные эротичные ласки, но не этой ночью. Сегодня ей нужно было испытать свое новое тело после превращения, узнать его пределы, взлететь к новым высотам удовольствия.

Она хотела своего мужчину.

Прямо сейчас.

Натаниэль читал ее, словно книгу, их умы переплелись, будто они знали друг друга всю жизнь. Он обнажил когти и разорвал ее шелковую рубашку на куски.

Трусики были следующими.

Зарычав, он резко развернул ее и, подняв за талию одним рывком, заставил опереться на руки и встать на колени. Джослин застонала громче, опустив плечи, ощущая себя словно в огне, и приподняла бедра. Удерживая ее одной рукой, Натаниэль потянулся, чтобы освободить свой член из штанов, и одним плавным движением вошел в нее.

Его вторжение было почти грубым... сильным... подавляющим. Он двигался, проникая глубже и глубже, поднимая ее все выше и выше с каждым толчком. Он безжалостно сжимал мягкие округлые бедра. Его голос был похож на хриплый рык хищника.

Джослин отдалась на волю новому дикому возбуждению. Отдалась власти Натаниэля, который сводил ее с ума. Она настойчиво подавалась назад в ответ на каждый его толчок, отчаянно желая больше.

Глубже. Сильнее. Быстрее.

И он отвечал на каждое ее желание.

Натаниэль продолжал, возводя ее страсть к самой вершине и удерживая на грани. Когда его движения стали совершенно дикими, и клыки грозили выскользнуть из шеи, он зарычал, предупреждая, и усилил контроль, посылая внезапный всплеск боли и удовольствия через ее тело.

Натаниэль двигался быстрее и сильнее, его волосы ниспадали великолепными шелковистыми волнами на лицо, а бедра в бешеном примитивном ритме бились о ее ягодицы.

Джослин вздохнула и застонала. Выгнулась, принимая его полностью, нуждаясь все больше. Она никогда в своей жизни так не хотела мужчину.

Этого мужчину.

Ее мужчину.

Его хриплый стон прозвучал у нее в голове: «Я люблю тебя, Джослин», — а затем она почувствовала его мощный взрыв.

Ее оргазм потряс их обоих, она сжималась вокруг него снова и снова, пока не стало казаться, что это никогда не кончится.

Натаниэль прижал ее к себе, поглаживая спину и медленно возвращая обоих на землю.

Когда он остановился, их тела были покрыты потом, сердца бешено колотились, дыхание вырывалось короткими выдохами. Медленно он втянул клыки, позволяя капелькам

яда запечатать ранки.

— Ты чуть не убила меня, женщина, — задыхаясь, он перевернулся и лег на спину.

Джослин развернулась и посмотрела на него удивлённо и раздраженно.

— Прости? — выдохнула она. — Кто кого еще чуть не убил?

— О да... — пробормотал Натаниэль, едва улыбаясь. — Ты почти заставила меня забыть.

Свет, который появился в глазах вампира, был... захватывающим... его спокойствие настолько полным, что Джослин почти поверила, что его никак не затронуло это испытание.

Почти.

Если не считать одной детали.

Насколько бы греховной ни была его улыбка, она не смогла скрыть следы слез.

Маркус Силивази молча лежал на кровати в гостевом домике Лунной Долины, словно питон в засаде, слившийся с ночью и терпеливо ожидающий свою жертву.

Отдать свое тело под контроль Накари было трудно.

Он не из тех, кто легко передает власть другому вампиру, но это лучше, чем позволить Накари убивать. И Маркус отказывался уступать этот приз кому-либо. Валентайн Нистор его.

Накари спрятался в небольшом шкафу возле кровати, не видимый глазу, не издающий ни звука, ничем не выдающий своего присутствия. Скрытый в тени, талантливый Мастер Маг сплетал паутину обмана, подобно пауку, чтобы привести в действие смертельный план, используя тело Маркуса.

Они были в комнате, в которой Валентайн изнасиловал Джоэль Паркер в ночь атаки ликанов. В комнате, где она забеременела от Темного. Теперь, сорок восемь часов спустя, Маркус лежал на той же самой кровати, в том же положении, в котором лежала бы Джоэль, если бы не пришла к Маркусу: если бы не нашла в себе силы и мужество, чтобы вырваться из сетей Валентайна.

Маркус чувствовал энергию своего брата и потоки силы, циркулирующие по телу, словно волны, прибывающие к морскому берегу. Он поражался решительности и умениям Накари — юный маг не только замаскировал присутствие Мастера Воина, но и придал ему внешний вид беременной женщины.

Маркус выглядел так же, как Джоэль Паркер.

Пах, как она.

Двигался.

Даже его голос был как у Джоэль.

Так что любой вошедший в комнату увидел бы Джоэль — человеческую женщину на последнем месяце беременности. Мерзкую картину, отвратительный ритуал, который бы закончился рождением близнецов Валентайна, еще двух злых душ дома Джегера.

И время стремительно приближалось — час, когда зло вырвалось бы из тела беспомощной матери, искалечив ее и беспощадно убив.

В мельчайших подробностях Накари воссоздал иллюзию не рождённых близнецов, не оставив ни одной детали, которая могла бы предупредить их отца о ловушке; он даже создал два сердцебиения.

Поэтому Маркус ждал.

Лежа в теле убитой женщины... выжидал своего врага.

И сын Джегера не разочаровал.

Валентайн Нистор замерцал в поле зрения ровно за пятнадцать минут до полуночи. Он появился сразу у подножья кровати, злорадная улыбка исказила его рот, взгляд был сосредоточен исключительно на своем призе. Он громко рассмеялся... почти задрожав от нетерпения.

Маркус чувствовал, как ускорился пульс Темного, как поднималась и опускалась от волнения его грудь, когда он медленно взобрался на кровать... и пополз туда, где лежала спящая женщина... казалось бы, ничего не подозревая.

Валентайн оседлал бедра Джоэль и погладил ее живот, промурлыкав приветствие своим

будущим детям. Он закрыл глаза и прислушался к двум сердцебиениям. Выражение чистого экстаза появилось на его лице.

Ощувив едкий запах возбуждения Валентайна — горько-сладкие специи, которые забивали его нос, Маркус продолжил просто лежать. Совершенно неподвижно. Сосредоточенно. В то время как Накари непрерывно поддерживал устойчивый сердечный ритм спящего человека в его теле.

Каждый мускул воина подрагивал в ожидании, желание убить и отомстить становились все сильнее, как и слишком долго сдерживаемый гнев. Не было никакого оружия, скрытого под подушками, или кинжалов под кроватью — ничего, что могло бы помочь ему в бою. Он намеревался убить Темного голыми руками. Ничто другое не принесло бы ему удовлетворения.

Маркус чувствовал, как прогнулась кровать по обеим сторонам его талии, там, где были колени Валентайна, и, казалось, вечность неподвижно лежал под этой развратной тварью. Он заметил, как изменилась температура тела вампира, когда она выросла на несколько градусов в ответ на жажду крови. Он мог ощущать неприятный запах дыхания Темного, когда тот наклонился, чтобы изучить человеческую женщину, и не обнаружил ничего подозрительного.

— Джоэль, проснись, — позвал, наконец, Валентайн.

В глубоком теноре его голоса смешались триумф и ожидание.

Медленно... лениво... спящая женщина подчинилась.

Глаза цвета крови, смешанной с расплавленной лавой, распахнулись — их целенаправленный взгляд был наполнен яростью. Медленно, полная ненависти улыбка тронула уголки рта Маркуса, когда его собственное тело замерцало в поле зрения, затем удлинились острые как бритва клыки, а на руках, подобно кинжалам, появились когти.

— С радостью, дорогой! — прошипел Маркус.

Древний Мастер Воин рванул вперед, используя всю силу своего массивного тела. Валентайн вскрикнул и отпрянул, пытаясь спрыгнуть с кровати, но его реакция была медленной. Сын Джейдона двигался слишком быстро.

Пользуясь эффектом неожиданности, Маркус нанес удар мгновенно. Он пробил кулаком грудь Валентайна и схватил сердце твари.

Он стискивал его сердце, сжимая и скручивая, но не вырывая. Быстрая смерть не для Валентайна Нистора: не этой ночью. Вампир будет умирать медленно и мучительно.

Валентайн застыл.

Замер на месте, не в силах вырваться на свободу.

Любое резкое движение привело бы к смерти. Единственным выходом Валентайна была борьба — борьба в ослабленном, уязвимом положении, в надежде ранить нападавшего, прежде чем Маркус вырвет его сердце.

Валентайн пытался нанести ответный удар, но не достиг своей цели. Вой ярости и ужаса потряс комнату, когда окровавленный обрубок его руки упал на подушку, где до этого лежал Маркус. Опытный Мастер Воин уклонился от удара со сверхъестественной скоростью, убирая голову в сторону так быстро, что его движение было практически невозможно заметить, в то время как Накари стоял у края кровати, все еще держа стальной кинжал в руке.

Маг появился из ниоткуда, обнажив кинжал из слоновой кости как раз вовремя, чтобы отрезать руку Валентайна до того, как когти достигли Маркуса.

Голова Валентайна повернулась в сторону, и он зашипел на Накари, его темные глаза горели от ненависти.

— Ты хочешь присоединиться к битве, Маг? — это была явная угроза, очевидно, направленная на то, чтобы запугать молодого, менее опытного вампира.

Накари рассмеялся с презрением.

— Я не вижу здесь битвы, Темный. Но нет, спасибо, я пас. Думаю, я просто посижу и посмотрю шоу отсюда.

Он махнул рукой в сторону соседнего кресла. А затем с молниеносной скоростью извлек блестящий изогнутый серп из-под своего пальто, покрутил его и ловко отрезал другую руку Валентайна, ампутируя ее прямо под бицепсом с убийственной точностью.

— Как только заберу этот трофей для своего близнеца! — выплюнул он.

Валентайн вскрикнул от боли и резко повернулся, чтобы посмотреть на своего главного врага: Маркуса. А потом обнажил свое единственное оружие — клыки.

Древний Темный явно решил всеми силами бороться до самой смерти. Он бросился к шее Маркуса, но опять же, Накари ударил сзади.

Легким и неуловимым движением он перерезал сонную артерию темного кончиком серпа.

— Прости, — прошептал Накари, — я, кажется, сегодня абсолютно не могу контролировать свои импульсы. Маги! У нас просто нет дисциплины... воинов.

Маркус сжал горло Валентайна рукой, прежде чем тот клыками успел вцепиться в его шею, и увидел, как темная кровь начала литься непрекращающимся потоком, словно кто-то открыл пожарный гидрант. Он громко зарычал, предупреждая своего брата отступить от его добычи.

— Накари, отойди! — это был приказ.

Он позволил своему младшему брату несколько актов возмездия, понимая его желание отомстить за близнеца, но вампир принадлежал ему. Это было его убийство. И, черт возьми, если младший брат не остановится в ближайшее время, Маркусу уже нечего будет делать.

Ошеломленный Валентайн начал давиться собственной кровью. Маркус знал, что Темный пытается позвать своих братьев телепатически, но было слишком поздно.

Накари Силивази окончил университет Румынии в качестве Мастера Мага. Теперь у него была власть над базовыми элементами, и он мог манипулировать энергией света, звука и вибрации. Накари изменил энергетическое поле в комнате задолго до появления Валентайна, создавая барьер, который делал практически невозможным передачу мыслей за пределы этого тщательно контролируемого помещения.

Никто не узнает, что происходит в комнате четыреста двадцать три гостевого домика Лунной Долины: ни Сальваторе, ни Зарек Нистор... и даже Натаниэль или Кейген Силивази.

— Извини, — прошипел Маркус. — Твое подкрепление не придет.

Валентайн взвыл, как раненное животное. Он взревел от ярости, как разъяренный медведь гризли, и его мощные ноги начали дрожать.

Маркус сел, все еще сжимая в руке сердце Темного, наслаждаясь видом крови, которая просто хлестала из него, и мучительной гримасой боли, исказившей высокомерное лицо.

Сжав в кулак свободную руку, он ударил ей в челюсть вампира, прямо по передним зубам...

Светлые клыки треснули и разлетелись, как осколки стекла, выпадая изо рта, оставляя вампира совершенно незащищенным.

Маркус поднял свою окровавленную руку и перевернул ее, глядя на рваные отметины зубов на своей коже.

Он медленно разжал кулак перед лицом Валентайна, демонстрируя набор когтей... по одному пальцу за раз.

Когтем указательного пальца он вырезал кровавые контуры вокруг глаз вампира, вокруг его рта, носа и ушей, прежде чем медленно провести жесткую линию вниз по груди к животу и нижней части таза. Где он и остановился. А потом посмотрел своему врагу в глаза.

— Выбирай, Темный, ты хочешь, чтобы тебе сначала вырезали глаза? Или отрезали уши? Или язык? Или тот мерзкий инструмент, которым ты, кажется, так любишь насилловать беспомощных людей?

Валентайн зарычал.

— Отпусти мое сердце, сын Джейдона, и дерись со мной как мужчина!

Слова получились неразборчивыми и приглушенными из-за выбитых зубов.

Несмотря на душившую его ярость, Маркус рассмеялся.

— Ты говоришь, как слабоумный, — он повернулся к Накари. — Я не знаю, брат, я должен выпустить его сердце, чтобы он мог драться со мной как мужчина?

Накари пожал плечами.

— Ты мог бы, но что он собирается делать при этом? Ударить тебя ногой? Мне кажется, вариантов у него осталось немного.

Маркус еще раз внимательно осмотрел кровоточащего, умирающего монстра.

— Хм. Может быть, тебе стоит сначала отрезать ему одну ногу, и по крайней мере сделать его попытки ударить меня ногой забавными.

Накари вскочил со стула и сразу направился в сторону кровати, его кинжал был уже обнажен и сжат в руке.

Маркус зашипел.

— Сядь обратно, брат. Я пошутил.

Накари нахмурился и зарычал. Он побрел обратно через комнату и сел у окна рядом с каменным столом, где открывался лучший вид на двух воинов. Засунув кинжал обратно в ножны, он откинулся на спинку и скрестил руки на груди, ожидая того, что Маркус собирался делать дальше.

Маркус прорычал с презрением и одним быстрым движением отрезал член вампира когтями, прямо через джинсы.

— Проблема в том... — он посмотрел на Валентайна, — что ты больше не мужчина.

Валентайн взревел от боли и попытался отодвинуться, явно желая вырвать собственное сердце... тем самым окончив свои страдания и унижения.

Самоубийство для него было предпочтительнее ожидающих пыток, но Накари снова прыгнул вперед со сверхъестественной скоростью и без особых усилий удержал врага на месте. Этой ночью у него не будет никакой возможности избежать правосудия.

Маркус медленно и мстительно вырезал глаза Темного, по одному за раз. Он отрезал его уши и вырвал язык. Нанес сотни порезов и ран. Сбрил длинную, толстую гриву черно-красных волос с головы и бросил их через всю комнату. Он проделал несколько отверстий в черепе Темного в грубом намеке на самодельную лоботомию, а потом вырвал его кишечник и небрежно обернул вокруг горла.

И ему все еще было мало.

Маркус проверил свои часы.

— Еще четыре часа до рассвета, — раздражение в его голосе было очевидным.

Он осторожно разжал хватку на сердце вампира, чтобы сохранить ему жизнь, а потом вскочил с кровати и поставил кресло прямо перед окном с восточной стороны.

Накари помог ему стащить тяжелую, неузнаваемую кучу того, что раньше было телом Валентайна, с постели и положить — вместе со всеми недостающими частями — в кресло. Маркус открыл шторы и направился назад к подножию кровати, где сел лицом к плазменному телевизору с плоским экраном.

— Натаниэль устанавливал здесь кабельное? — спросил он Накари.

Накари кивнул.

— Думаю, да. Кажется, он нанял нового главу техобслуживания в начале лета.

Маркус вздохнул.

— Хорошо, потому что нам надо убить много времени, — он взглянул на кресло. — Как думаешь, ты сможешь оставить его в живых, пока не взойдет солнце? Я бы не хотел, чтобы он пропустил представление.

— Я, конечно, постараюсь. Но если не получится, мы всегда можем позвать Кейгена.

Маркус нахмурился.

— Жаль, что он не может слышать, что мы делаем... или увидеть, — он вздохнул. — Ну, это в любом случае должно быть чертовски больно.

Несмотря на облегчение, он не чувствовал никакого удовлетворения.

Маркус жил уже вечность.

Он сражался в бесчисленных войнах, побеждал множество врагов. Воин, равных которому не было, за исключением, пожалуй, Наполеона Мондрагона. Так что от убийства он не получил никакого удовольствия.

Валентайн Нистор — слабый противник, и его смерть не вернет тех, кого он любил.

Маркус сорвал окровавленное одеяло и простыни с постели и бросил их под окном. Как только взойдет солнце, оно сожжет остатки и очистит помещение.

Он откинулся на спинку кровати, сложив руки за голову и скрестив ноги.

— Найди нам что-нибудь посмотреть.

Темные глаза стали холодными, и сердце будто превратилось в камень... его душа была не более чем котлом из черной боли и пустоты.

Бесшумно Накари двинулся через комнату, чтобы взять пульт.

— Джослин, я хочу, чтобы ты забеременела сейчас.

Натаниэль произнес эти магические слова в понедельник, почти сразу после ее превращения. Вскоре после их любовных утех. И по его требованию ее тело начало меняться.

Сначала она почувствовала тепло и покалывание глубоко внутри, покой в душе, когда начало зарождаться чудо жизни.

Но затем изменения стали происходить очень быстро.

Ее эмоции колебались между плачем, смехом и злостью на Натаниэля по любому поводу: начиная от неудобной подушки и того, как раздражающе проседал матрас при каждом движении обеспокоенного вампира, и до постоянного стука внешних створок окна ванной комнаты из-за ветра.

Очевидно, он больше не был ее сверхъестественным воином, потому что не мог полностью отключить ее чувства, не погрузив при этом в сон.

Она стояла на коленях над черным фарфоровым унитазом по крайней мере час, потому что ее ужасно рвало, а потом встала, почистила зубы и вернулась в кровать только затем, чтобы немедленно послать Натаниэля за длинным списком еды.

В третий раз.

Раздраженный, Натаниэль наконец вызвал Алехандру и попросил съездить в ночной мини-маркет. Он не раз извинялся за неудобства, но просто не держал в доме кукурузных орешков, пудинга из тапиоки и пряного сока.

Большинство вампиров не ели человеческую пищу. Они держали еду дома для видимости, но могли иногда поесть, если действительно хотели — как, например, многие человеческие судьбы даже после превращения хотели съесть что-нибудь — но спустя какое-то время тяга все равно уходила.

К ночи вторника Джослин сообщила, что чувствует движения внутри. Младенцы пинались и явно соперничали за пространство в ее переполненном животе. Она настаивала, что эти движения не так неудобны, как непрерывное давление на ее мочевой пузырь или постоянный зуд из-за того, что кожа растягивалась до невозможности, чтобы подстроиться под быстро растущих близнецов. Хотя Натаниэль неоднократно наносил увлажняющий крем на ее нежную кожу.

Он снова уговаривал ее позволить ему устранить все физические ощущения — до этих пор она настаивала на том, чтобы испытать как можно больше от стремительно развивающейся беременности, несмотря на сильный дискомфорт или боль.

Но к тому времени, когда у нее стало сводить судорогой ноги — и она начала отвечать ругательствами на вопрос, хотела бы она другой стакан сока — Натаниэль решил взять на себя контроль над ее беременностью.

Была среда, девять часов вечера, и у них оставалось несколько часов до того, как малыши родятся.

— Теперь ты заснешь, *iubito mea*, — его голос был мягким и... раздраженным.

— Не засну! — огрызнулась она в ответ.

Натаниэль вздохнул.

— Тогда что я могу сделать для тебя, любовь моя?

Джослин осмотрела комнату и неловко пошевелилась на кровати, не в состоянии

сдвинуться хоть на сантиметр.

— Для начала ты можешь переместить мои ноги в более комфортное положение... потому что я больше не могу передвигать свой собственный вес! — слезы потекли у нее из глаз. — Я выгляжу, как выброшенный на берег кит, Натаниэль. Посмотри, что ты сделал со мной! Как ты мог?

Натаниэль улыбнулся, его глаза излучали только тепло и терпение, но глубоко внутри он начинал считать минуты.

Он бережно передвигал ее ноги, пока она искала удобное положение, а затем наклонился, чтобы вытереть текущие слезы.

— Не плачь, ангел. Это почти закончилось.

Джослин засопела и посмотрела в потолок. Внезапно ее глаза загорелись энтузиазмом.

— Больше историй! — воскликнула она.

Натаниэль явно поник. Он склонился над кроватью и спрятал лицо в ладонях.

— Моя любимая, я скоро потеряю голос. Больше нет историй. Это все, что я прожил.

Джослин засмеялась.

— Это не правда, Натаниэль! — она скрестила руки на огромном животе и прочистила горло. — Давай посмотрим; мы уже знаем, что ты родился во времена Священной Римской империи... когда Византийская культура проникла на Балканы и в Россию... Ты видел, как Викинги пришли в Америку, и ты из первых рук знаешь о крестовых походах... об империях ацтеков и инков. Ты мог бы мне больше рассказать о чуме в Европе. Или о временах Ренессанса? А лучше опустим все это, я хочу знать о Французской революции... а затем о войне 1812 года.

Натаниэль потер виски и сделал глубокий вдох. Джослин Леви-Силивази была не просто средним любителем истории. Она была одержима и фанатична, и ее приводило в восторг все, что соприкасалось с историей. Слушать. Переживать. Анализировать. И обсуждать... снова и снова...

И снова.

Встреча с Натаниэлем, мужчиной, который прожил более чем тысячу лет, походила на настоящую золотую жилу для обычного человека. И узнав, что он потратил большую часть своей жизни, путешествуя между Европой, Ближним Востоком, Северной и Южной Америкой, она была полна решимости услышать все о его долгой жизни на земле...

Выудить последнюю унцию личного опыта и истории от бессмертного существа — нравилось ему это или нет.

Джослин оказалась неустанной в своих поисках знаний из первых рук о людях, местах и событиях, а Натаниэль просто не мог устоять перед ее красивыми, очаровательными глазами и мягкими губами. Не говоря уже о ее чрезвычайно милом животе, который продолжал увеличиваться, как заполненный гелием воздушный шар, прямо у него на глазах.

Он заполнил не менее чем двадцать часов ее беременности ответами на вопросы о королях и императорах, обществах и войнах, изменяющих мир событиях. И был крайне истощен. Не говоря уже о том, что начинал чувствовать себя... древним... как настоящий старик, который женился на молодой девчужке, за которой никогда не надеялся угнаться.

Натаниэль Силивази — Древний Мастер Воин, сын Джейдона, потомок первых Божественных Существ — наконец встретил свою судьбу: единственную живущую душу, которая подходила ему лучше всего.

Джослин, быстро научившись читать его мысли, разочарованно нахмурилась.

— Все хорошо, — выдохнула она, потирая виски, и повернулась, чтобы посмотреть на часы на тумбочке. — Сколько времени у нас еще есть?

Натаниэль погладил ее лоб и медленно покачал головой. Значит, вот как это теперь будет...

Он соединился с женщиной, которая могла крутить им, как хочет, уже через неделю, ей потребовался только малейший намек разочарования в голосе, чтобы заставить его делать что угодно, лишь бы угодить.

Он потер подбородок, немного раздражённый своей нерешительностью. Черт, он был Древним Мастером Воином, бессмертным вампиром!

— Что именно ты хотела бы узнать о Французской революции, мой ангел?

Лицо Джослин осветилось. Ее блестящие глаза сияли от волнения, и это стоило всех историй в мире. Она улыбнулась и взяла его за руку.

— Все в порядке. Я вижу, что ты истощен. Достаточно знать, что ты был готов пойти на это для меня... снова.

Натаниэль погладил ее руку.

— Спасибо, любовь моя, — его облегчение было ощутимо, — и, конечно, я пошел бы на что угодно ради тебя. Хотя тебе, может, стоило бы вспомнить, что у нас впереди вечность, и немного притормозить.

Его смех был полон мирной удовлетворенности, о существование которой он действительно никогда не знал прежде.

Через мгновение глаза Джослин стали серьезными.

— Есть то, о чем я хотела узнать больше, но из увиденного в твоём разуме пришла к выводу, что ты не любишь говорить об этом.

Натаниэль поднес ее руку к губам и мягко поцеловал центр ладони.

— Что же это? Между нами нет никаких тайн.

Джослин ухмыльнулась.

— Ты думаешь? В смысле, учитывая все это чтение мыслей, — ее улыбка была изящной, столь же сияющей, как и редкая, утонченная красота. — Я хочу, чтобы ты рассказал мне о своих родителях, Натаниэль. Кейтаро и Серена, верно? Что с ними случилось? Если вы бессмертные существа.

— Мы бессмертные существа, — сказал он.

— Если мы бессмертные существа, — повторила она, — тогда это означает, что мы можем жить вечно, и все-таки их не было здесь на... похоронах Шелби... они и сейчас не здесь. Что произошло, Натаниэль? Где твои родители? — прошептала она мягко.

Натаниэль опустил голову на руку и потер виски, пытаясь понять, как ему передать эти воспоминания, фактически не соединяясь с ними: ничего не чувствуя при этом.

Смерть его родителей, запертая глубоко в сердце, была раной, которая никогда не сможет зажить.

— Много-много лет назад... — он откашлялся, — когда Шелби и Накари были еще детьми по нашим стандартам... им только исполнилось двадцать один, и они собирались закончить местную академию здесь в Лунной Долине и пройти церемонию вступления в дом Джейдона.

— Местная академия? — спросила Джослин, естественное любопытство пересилило ее. — Что за церемония вступления?

Натаниэль уже привык к частым прерываниям Джослин и просто продолжил рассказ,

по ходу отвечая на вопросы.

— Да, Местная академия. Когда потомку Джейдона исполняется пять лет, его посылают в местную школу, сюда, в Лунную Долину... так же будет с нашим сыном. Именно там ему преподадут человеческие предметы — математику, словесность, науку, всемирную историю, культуру и законы общества вокруг него. Когда ему исполнится двадцать один, он закончит академию. Его будут считать неоперившимся вампиром — уже не ребенок, но еще не мастер — и он вступит в наше общество, где изучит наши законы и наши пути. Его будут обучать, как управлять различными компаниями... детали и наборы навыков, которые делают наше общество процветающим и независимым. Во время церемонии вручения дипломов академии он принесет клятву перед Наполеаном, после чего будет официально введен в дом Джейдона. Это древняя и могущественная церемония, где он предлагает свою кровь как жертву людям; где обещает свою лояльность, защиту и служение вечности нашему суверену, нашему долговому существованию как вида...

— Это звучит как-то болезненно, — заметила Джослин, положив руку на живот.

Натаниэль улыбнулся.

— Это так, но еще это невероятная честь и время большого духовного пробуждения для вампира.

Он замолчал, стараясь подобрать правильные слова.

— Наполеан Мондрагон, наш суверен, является единственным живущим чистокровным потомком Джейдона; его воплощение относится ко времени начала Проклятия Крови. Его мать, Каталина, не была человеческой судьбой; она была одной из настоящих Божественных Существ. Таким образом, в его венах нет смешанной крови.

Джослин выглядела запутавшейся.

— Какая кровь будет у нашего ребенка? Я как ты, не так ли?

Натаниэль кивнул.

— Да, но ты не была рождена вампиром, ты была обращена. Наполеан является одним из Божественных существ — одним из древних мужчин, которые служили королю Сакарису, который был обращен Носферату проклятием.

Глаза Джослин распахнулись.

— Вау. Сколько же ему лет?

Натаниэль засмеялся.

— Наполеан древний.

Джослин встряхнула головой.

— Прости. Я постоянно перебиваю. Продолжай.

Натаниэль улыбнулся и, наклонившись, мягко поцеловал ее в губы. Ему нравилось, как она была полностью поглощена тем, что слышала, искренний интерес, проявленный к изучению всего, что было связано с ее новой жизнью.

— Ты — чудо для меня, — прошептал он.

Откинувшись назад, он продолжил:

— Мужчина остается в нашем обществе до его сотого дня рождения. Затем его посылают на священную родину наших предков, в Румынский университет в Европе, где он будет учиться в течение следующих четырехсот лет, чтобы стать мастером в одной из Четырех Дисциплин. Как я сказал, Шелби и Накари было только 21, они готовились к церемонии посвящения, когда долину атаковала большая группа охотников на вампиров, из людей и ликанов, которые объединились чтобы уничтожить наш вид.

— Почему люди хотят уничтожить вампиров, но при этом принимают ликанов? — Джослин покачала головой.

Натаниэль потер челюсть.

— Хороший вопрос. У человечества интересная история, когда дело доходит до ненависти к тому, чего они боятся, разве не так? Я думаю, ты сделала правильный вывод в ту ночь во время шторма: враг моего врага — мой друг. Проблема в том, что люди всегда меняют свое мнение о том, кого или чего они боятся, с течением времени. Я жил и видел, как христиане убивают католиков, только чтобы позже объединиться и угнетать евреев. Я помню, не так давно, здесь в Северной Америке, европейцы боялись коренных американцев и убивали их как дикарей, только чтобы позже сформировать союзы с некоторыми юго-восточными племенами, чтобы поработить африканцев. Страх — иррациональное чувство.

Джослин нахмурилась.

— Держу пари, ты видел много... вещей... которых нет в учебниках истории, — она вздохнула. — Значит, люди и ликаны атаковали долину вместе. Что случилось потом?

Натаниэль старался успокоить свое сердцебиение, закрыть разум от воспоминаний. Он произносил слова механическим голосом... как робот.

— Моя мать была убита Альфой ликанов, а мой отец сошел с ума от горя.

Натаниэль отвернулся, чтобы успокоиться. Он был разочарован, потому что все еще с трудом переносил эту потерю, и моргнул несколько раз, стараясь сдержать слезы.

— Мы верим, что Кейтаро был убит или убил себя сам... Он последовал за моей матерью в Долину Духа и Света. Но мы так и не нашли его тело. Он просто испарился после ее похорон, и никто больше не видел его.

Джослин ахнула и прижала свои руки ко рту.

— Мне так жаль, Натаниэль, — произнесла она шепотом.

Натаниэль прочистил горло.

— Если бы отец был жив, мы знаем, он бы вернулся к нам после стольких лет. Поэтому мы просто приняли его смерть, но так и не смогли похоронить его... и попрощаться.

Он сделал глубокий вдох, зная, что его боль была видна, несмотря на все усилия.

— Я был особенно близок с матерью, поэтому ее смерть в большой степени была на моей совести... как на войне... который не смог защитить ее. Но Маркус и мой отец были лучшими друзьями. Я думаю, что мой отец всегда старался сблизиться с ним, потому что он — единственный из нас, у кого не было близнеца. Его исчезновение почти уничтожило моего брата.

Джослин покачала головой.

— Тогда не удивительно, что он так... одержим... идеей защитить вас, — она вздохнула. — Вау, я теперь даже не могу обвинить его в том, что он хотел сделать из меня марионетку.

Натаниэль нахмурил брови.

— Прости, что?

Джослин махнула рукой.

— Ничего.

Наступила долгая минута молчания, прежде чем кто-нибудь заговорил.

Наконец, Джослин потянулась, взяла руку Натаниэля и положила ее себе на живот.

— Скоро первый внук Кейтаро будет здесь.

Натаниэль улыбнулся.

— Да... — он моргнул несколько раз. — Ты думала об имени?

— Вообще-то, да, — Джослин покраснела и сделала глубокий вдох. — Знаешь, это было в ту ночь страшного шторма, когда я впервые поняла... — она мечтательно посмотрела вдаль.

— Поняла что, любовь моя?

— То, что я только бегу сама от себя... больше боясь себя, чем тебя. Что я сделала ужасную ошибку. И что хочу, чтобы ты нашел меня. Что хочу быть с тобой.

Натаниэль почувствовал волнение от ее слов.

— И?

— И я подумала, может быть... стоит... дать нашему сыну имя Шторм.

Натаниэль откинулся назад и обдумал это.

— Шторм Силивази... мне нравится.

— Правда? — ее карие глаза загорелись ожиданием.

— Да.

— Только сейчас, — сказала она, — я подумала о том, что нужно проявить уважение и включить имя твоего отца... если ты не возражаешь... если такие вещи делаются у вампиров.

Натаниэль смягчился.

— Кейтаро Шторм Силивази?

Джослин кивнула.

— Да, но мы будем звать его Шторм.

Натаниэль положил руку на ее живот и наклонился, чтобы поцеловать его, и его глаза заволкло слезами.

— Привет, Шторм, — его голос был наполнен мягкостью, почтением и благодарностью.

Он посмотрел на часы на тумбочке.

— Джослин, пора.

Джослин стала полностью серьезной, краска сбежала с ее лица, в глазах мелькнул страх.

— Стоит позвать Колетт?

Женщина была в их доме со вчерашнего дня, убирала на кухне, складывала красивую желто-синюю одежду на опрятном старинном пеленальном столике, который принесла для детской: детскую она с волнением обустроивала... и переобустраивала... дюжину раз, старалась предусмотреть каждую мелочь, которая могла бы понадобиться новой паре, и казалась очень счастливой, делая это.

Натаниэль кивнул и взял ее за руку.

— Ты готова к тому, что произойдет?

Джослин кивнула.

— Я думаю, да. Надеюсь.

Натаниэль послал ментальное сообщение Колетт, которая не потрудились идти по длинному коридору к спальне хозяев, а просто материализовалась около кровати, ее искрящиеся голубые глаза были распахнуты в ожидании.

— Пора? — спросила она, ее мягкий голос переполняла радость.

Натаниэль кивнул.

— Джослин?

— Я готова, — сказала она, приподнявшись в полусидящее положение.

Натаниэль закрыл глаза, наклонил голову и заговорил на древнем языке. Несмотря на то, что Джослин не понимала слов, она находила их красивыми и завораживающими... с мистическим ритмом.

И затем он призвал своих сыновей из тела этой прекрасной женщины.

Спальня наполнилась светом, словно миниатюрные радуги развернулись над кроватью. Станный звук наполнил комнату, похожий на звук быстро текущей реки, и будто золотая пыль ослепительным светом засверкала вокруг Джослин... пока, наконец, не образовала пик чуть выше ее живота.

Золотая пыль постепенно превращалась в волны света, двигаясь все быстрее и быстрее, а звук становился все громче и громче, пока не начал появляться контур ребенка.

Первый ребенок материализовался медленно, прекрасный ангел с иссиня-черными волосами и мистическими карими глазами. Он казался чуть больше семи фунтов, и был определенно совершенным: от безупречного цвета медово-золотистой кожи, до идеальной формы головы.

У него были сильные здоровые ручки и ножки, которыми он дергал, когда впервые закричал, наполняя комнату звуком жизни.

Сердце Джослин наполнилось удивлением и страхом.

Джослин восстановила свое дыхание, крайне удивленная, и ее глаза затуманились, когда она потянулась, чтобы взять новорожденного ребенка: своего новорожденного сына.

Натаниэль выглядел пораженным, ребенок был невероятно... красивым. Он взял малыша на руки и стал мягко покачивать, а потом повернулся, отдавая его Колетт.

Прежде чем Джослин запротестовала, он сказал:

— Ты скоро сможешь его подержать, любовь моя.

Джослин знала, что он напоминал ей о... Темном.

Что был еще один ребенок, который должен родиться. Она сделала глубокий вдох и постаралась подготовить себя к тому, что скоро случится.

Когда второй ребенок появился, с густой копной красно-черных волос, она поразилась реальности проклятья.

Натаниэль дотянулся до ребенка, но его отношение изменилось. Он держал его намного более холодно, не потрудившись даже посмотреть в его глаза, но Джослин не смогла сдержаться.

И была потрясена тем, что увидела.

У второго ребенка были те же самые красивые карие глаза как у первого. Джослин не могла отдышаться.

Он был прекрасен.

И ребенок не плакал.

Он лепетал и шевелился в руках Натаниэля, как любой другой драгоценный младенец.

Живот Джослин скрутило в узел. Этот ребенок не был злым. Он не был мерзостью. Е какой-то момент она позволила себе думать так, маленькие леопардовые глаза повернулись в ее сторону и поймали ее взгляд. Они излучали... свет. Не темноту.

Джослин поднялась инстинктивно. Двигаясь как медведица мать, она втиснулась между Натаниэлем и беспомощным младенцем, выхватила его из рук вампира и крепко прижала к сердцу, покачивая.

Натаниэль и Колетт резко вздохнули, их глаза широко распахнулись от шока.

— Джослин, — позвал мягко Натаниэль, — дай мне ребенка, любимая.

Джослин прижала ребенка еще ближе.

— Натаниэль, посмотри на него!

Он отказался, продолжая смотреть в ее глаза.

Джослин почувствовала яростное желание защищать.

— У него мои глаза, — настаивала она. — Он прекрасен, здесь что-то не так.

Она повернулась, чтобы взглянуть на Колетт.

— Он нисколько не походит на Валентайна или Темных... он прекрасен.

Она свирепо посмотрела на Натаниэля.

— Посмотри на него!

Натаниэль стоял в ошеломляющей тишине, отказываясь смотреть на ребенка. Вместо этого он смотрел прямо в глаза Джослин, взглядом, в котором была смесь неудовольствия, удивления и жалости.

— Нет, любовь моя, он...

— Наш сын! — закричала она. — Посмотри в его глаза. У него мои глаза!

Натаниэль покачал головой более энергично, и Джослин увидела, как он и Колетт обменялись понимающими взглядами между собой.

Она могла чувствовать тонкое волнение энергии в воздухе и знала, что они говорили друг с другом телепатически... используя связь, к которой она не была привязана.

Джослин ощущала себя абсолютно преданной и отчаянно загнанной в угол.

— Перестаньте разговаривать только друг с другом! — сказала она, и они сразу же одновременно отошли на несколько футов от кровати.

Она подошла к небольшой колыбели, которую Колетт поставила в комнату для Шторма и нагнулась, чтобы достать одно из нежно-голубых одеял, аккуратно сложенных в ней. Она завернула воркующего младенца в мягкую ткань, намеренно повернувшись спиной к ним обоим, и глаза ее наполнились слезами.

— Ты не получишь моего сына, Натаниэль, — она знала, что звучала не рационально, но ее это не заботило.

Это беззащитный ребенок.

Ее малыш. И они собирались убить его.

Убить.

Натаниэль двинулся со сверхъестественной скоростью, встав лицом к Джослин и ребенку, и его большие руки мягко, но настойчиво обернулись вокруг тела младенца.

И мать, и отец застыли на одно страшное мгновение, две пары рук под одним ребенком.

Джослин почувствовала, как внутри нее зародился глубокий рык и завибрировал в горле. Предупреждающее рычание, сорвавшееся с губ, шокировало ее так же, как и Натаниэля.

Натаниэль сделал шаг назад, отпустив ребенка и расправив плечи.

Закрыв глаза, Джослин начала настраиваться на свою новую внутреннюю силу, проверяя, на что она способна, пробуждая огромную мощь, которой теперь обладала, будучи вампиром. Она была готова бороться за ребенка, если придется, и каждый мускул в ее теле начал подрагивать в ответ.

Натаниэль сразу схватил ее за плечи и обнажил клыки, словно лев, предупреждающий свою львицу.

— Не вздумай бросать мне вызов, Джослин, — прошипел он. — Ты, возможно, сильнее, чем раньше, но твоя сила не больше моей. И никогда не будет.

Его голос был резок.

Непоколебим.

Безжалостен.

— Предположительно, родители умирают за своих детей, — она зло зарычала. — Но ты... убьешь невинное дитя, чтобы жить? Хорошо, — произнесла она дрожащим голосом. — Тогда позволь мне занять его место. Позволь мне обменять свою жизнь на его.

Колетт выглядела так, словно увидела призрака, ее кожа стала мертвенно-бледной. А Натаниэль отступил на шаг назад, словно его ударили.

— Джослин, любовь моя... — он понизил голос. — Дитя — зло, — его тон был мрачным и заволаживающим, взгляд холодным и подавляющим. — У него нет души, и он убьет тебя, как только сможет.

Он взял под контроль её тело, полностью парализовав руки, оставив стоять, словно гранитную статую Мадонны с младенцем, а сам шагнул вперёд и потянулся за ребенком.

Но появились ещё одни сильные руки, которые забрали малыша.

Невероятно высокий человек. Пугающий мужчина с чёрными и серебристыми волосами до талии, и глазами цвета оникса с серебристыми крапинками.

Его голос был мрачным и бесконечным в своей глубине и силе.

— Вы должны отказаться от ребёнка немедленно.

Слова были неоспоримым приказом, когда он освободил ее от хватки Натаниэля.

Джослин почувствовала, как её тело расслабилось. А затем словно со стороны увидела, как передает ребёнка в сильные руки. Она знала, без объяснений, что стоит перед Лордом Сувереном людей Натаниэля: Наполеаном Мондрагоном.

Наполеан повернулся к Натаниэлю.

— Этой ночью я принесу кровавую жертву от твоего имени. Иди к своей судьбе и успокой ее. Я вернусь позже, чтобы инициировать дочь Кассиопеи в дом Джейдона, и запечатать знак рождения вашего ребенка... чтобы его имя и созвездие стало известно всем Древним, которые были до него... и всем, кто будет после.

Джослин чувствовала беспомощность и замешательство, по ее щекам катились слезы.

Натаниэль кивнул, соглашаясь, и склонил голову перед Древним, чье присутствие наполнило комнату светом и силой.

— Как пожелаете, милорд.

Колетт оставалась совершенно тихой, опустив взгляд в пол, как будто смотреть в лицо своего Суверена было табу.

Джослин моргнула, будто в трансе. А потом посмотрела на Натаниэля, когда Наполеан исчез из виду, унося с собой ее красивого мальчика. Она закрыла лицо руками и закричала от тоски, слишком стыдясь смотреть Натаниэлю в глаза.

Натаниэль повернулся к Колетт.

— Унеси Шторма отсюда... сейчас. Я позову тебя, когда нужно будет его вернуть.

Как только Колетт растворилась в воздухе вместе с прекрасным первенцем, сыном Джейдона, прижимая его к своему сердцу, Натаниэль сразу же направился к Джослин.

Джослин отступила назад, боясь его гнева, боясь резкого выговора, но к ее необычайному шоку и тревоге, Натаниэль опустил голову, великолепные темные волосы, спадали вперед, чтобы скрыть лицо.

И он плакал.

Джослин застыла, наблюдая, как могущественный вампир проливает слезы перед ней.

— Натаниэль, — наконец прошептала она, — прости.

Он сгреб ее в объятия, сжимая так сильно, что она думала, что сломается.

— Джослин, я бы никогда не отнял у тебя ребенка. Я знаю, каким он казался... идеальным, но разве ты не помнишь Валентайна? Он не был привлекательным? Сильным? Физически идеальным? Ты не помнишь, насколько он был злым? Насколько порочным и безжалостным? Разве ты до сих пор не знаешь, что я готов умереть за тебя, любовь моя? За нашего ребенка? Что я бы отдал жизнь, только чтобы избавить тебя от этой боли?

Его грудь вздымалась из-за плача, и она почувствовала... стыд.

Смотреть на боль Натаниэля было худшим наказанием их всех.

Теперь, когда ребенка не было в комнате, разум Джослин прояснился.

— Я думаю... возможно... ребенок что-то сделал со мной... с моим разумом, — она обвила руки вокруг шеи Натаниэля и притянула его ближе. — Я люблю тебя, Натаниэль. Ты слышишь меня? Я люблю тебя, и мне очень жаль.

Тогда Натаниэль обрушился на нее, целуя ее виски, щеки, челюсть и губы. Он прижался к ее рту с такой страстью, что это пугало. Мужчина был голоден... жаждал... чего-то так сильно, намного глубже, чем сексуальное желание.

Момент длился почти вечность, когда они стояли в объятиях друг друга, окутанные любовью, взаимопониманием и теплом.

После того как Натаниэль, наконец, отпустил ее, он отступил и обхватил руками ее хрупкие плечи.

— Твой сын ждет тебя, любовь моя. Он нуждается в тебе так же, как и я.

Джослин убрала прядь густых черных волос с лица Натаниэля.

— Настолько сильно, насколько я нуждаюсь в вас обоих.

Их взгляды встретились, и она смотрела на него, убеждаясь, что любит его сейчас больше чем когда-либо... или кого-либо... в своей жизни. Натаниэль Силивази. Ее муж. Ее вампир.

Она улыбнулась ему, молясь, чтобы он понял, как глубоко ее сожаление. Она не знала, что завладело ей, но никогда не собиралась нападать на него так.

Никогда не хотела ранить.

Они продолжали смотреть друг на друга... казалось, целую вечность... а затем Натаниэль позвал Колетт назад.

Когда радостная женщина появилась в поле зрения, все еще укачивая ребенка на руках, Джослин сразу же направилась к ним обоим.

— Прости, Колетт, — прошептала она, протягивая руки, чтобы взять сына в первый раз.

Ее ребенок посмотрел на нее, и ее сердце наполнилось любовью и миром. Он был удивительным подарком судьбы.

Ее будущим.

Джослин поцеловала лоб мальчика и улыбнулась. Его маленькие пальчики сжались вокруг ее пальца, и она радостно засмеялась.

— Привет, мой маленький ангел, — прошептала она.

Натаниэль заключил их обоих в свои объятия, наклонился, чтобы поцеловать своего сына, и нахмурился.

— Я думаю, ты имела в виду, мой сильный воин, — поправил он.

Джослин засмеялась.

— Привет, мой маленький воин.
Это был хороший компромисс.

Маркус, Накари, Кейген и даже молодой Брейден собрались в просторной гостиной на втором этаже дома Натаниэля и Джослин, чтобы впервые посмотреть на Шторма.

Наполеан Мондрагон стоял у противоположной стены рядом с большим каменным камином, его серебристо-черные глаза светились теплотой и гордостью.

Когда Натаниэль и Джослин вошли в комнату, братья выпрямились и начали вытягивать шеи, чтобы хоть одним глазком посмотреть на ребенка, покоящегося на руках своего отца.

— Наконец-то, — пробурчал Маркус, подходя к Натаниэлю.

Джослин преградила дорогу мощному воину, становясь между ним и своим малышом.

— Будь нежен, Маркус.

Маркус зашипел, закатив глаза, и оттолкнул ее осторожно локтем.

— Уйди с дороги, — проворчал он. — Неужели не видишь, что этот мальчик ждет встречи с настоящим воином?

Натаниэль инстинктивно зарычал, защищая своего ребенка.

Ответное рычание Маркуса дало ясно понять, кто на самом деле главный в семье... отец он или нет.

— Господи, — вздохнула Джослин, — в этой комнате слишком много тестостерона.

— О, просто отдай мне моего племянника, — потребовал Маркус, протягивая к ребенку руки.

Несмотря на грубый голос, его лицо было расслабленным, когда он взял на руки Шторма, и уголки его губ поднялись в умиротворенной, выражающей любовь, улыбке.

— Он такой маленький.

Могущественный Древний Мастер Воин говорил с изумлением. Он изучал ребенка словно ученый, искал недостатки и запоминал каждую линию и черточку.

— Неплохо, — фыркнул он, его глаза сияли от гордости.

Накари и Кейген бесшумно приблизились, став по обе стороны от Маркуса и оттеснив Натаниэля и Джослин.

— У него светло-карие глаза, — удивленно заметил Накари, с одобрением глядя на Джослин.

— Да уж, — проворчал Маркус, — но мы можем натренировать его, чтобы компенсировать эту маленькую... женскую деталь.

Накари сделал вид, что оскорбился.

— У меня зеленые глаза, Маркус!

Маркус пожал плечами.

— Да, и ты стал Магом.

Кейген усмехнулся.

— У него губы, как у отца, — он легко погладил малыша по щеке.

Когда младенец дернулся в руках Маркуса, Кейген отпрыгнул.

— Я сделал ему больно?

Джослин засмеялась.

— Нет, Кейген, совсем нет.

Три больших вампира склонились над ребенком, как маленький клан пещерных людей, греющихся у костра, нежно касаясь, подталкивая друг друга и говоря на древнем языке.

Джослин хотела бы понимать их слова, но могла различить безошибочную любовь, тепло и покровительство в их глазах.

И тогда Наполеан приблизился.

Весь воздух в комнате будто превратился в вакуум и, словно Красное море, расступился, чтобы древний Лорд мог подойти к ребенку.

Джослин вздрогнула, и Натаниэль ободряюще положил руку на ее талию.

«Что он собирается сделать?» — спросила она, наслаждаясь обретенной телепатической связью.

«Он одобрит его имя, чтобы оно было записано в Книгу нашего народа, и после официально... примет... кровь Шторма, как и твою, в дом Джейдона».

«Нашу кровь?» — она почувствовала себя немного опьяненной и попыталась скрыть страх в телепатическом голосе, но знала, что ей это не удалось.

«Самую малость, — успокоил Натаниэль. — Будет больно только чуть-чуть. В жилах Наполеана течет кровь каждого члена дома Джейдона, всех, кто был рожден прежде, и кто еще не родился. Как у нашего Суверена, у него есть все воспоминания, любые знания и история каждой души. Он может найти кого угодно, и это говорит о том, что, если будет нужно защитить народ, он сможет дотянуться даже до тех, кто ушел в Долину Духа и Света. Если однажды Наполеан взял твою кровь, то ты навсегда становишься членом дома Джейдона».

Кейген и Накари отошли назад, освобождая место для Суверена, который встал прямо перед Маркусом и Штормом. Натаниэль подтолкнул Джослин вперед, чтобы она оказалась слева от Маркуса, тогда как сам встал справа.

«Маркус будет держать Шторма?» — спросила она.

«Да», — ответил Натаниэль.

«Почему?»

Натаниэль улыбнулся своей судьбе... своей паре.

«Маркус самый старший мужчина в нашей родословной, что делает его главой семьи».

Джослин вздохнула и поймала себя на том, что собирается закатить глаза. О, великолепно!

На Наполеане были черные брюки и белая шелковая рубашка, сочетание черного и белого подчеркивало серебристый в его глазах и волосах. Его лицо, похожее на священную статую из древнего храма, казалось вырезанным и сглаженным до совершенства. Он воплощал собой абсолютную красоту, могущество и благородство. Держался с достоинством, присущим аристократу. Его взгляд в равной степени выражал обещание справедливости и возмездия всем тем, кто в этом нуждался.

Джослин вздрогнула и отвернулась от сильного лидера народа своего мужа... ее народа. Она надеялась, что ей не придется часто бывать рядом с ним.

Наполеан обратился к Натаниэлю.

— Я с радостью приветствую тебя в этот день, брат мой, потомок Джейдона, Древний Мастер Воин, супруг дочери Кассиопеи, отец новорожденного сына Аквила, орла, который обитает на небесном экваторе. Какое имя вы дали своему сыну?

В глазах Натаниэля светилась гордость.

— Если вы позволите, милорд, и с благосклонностью Небесных Богов, сын Аквила будет назван Кейтаро Шторм Силивази.

Маркус резко поднял голову и посмотрел на Натаниэля. В его глазах Джослин увидела

слабый намек на какую-то эмоцию, которую ей не удалось распознать, прежде чем могущественный воин взял себя в руки, моргнул и отвернулся. Он склонил голову.

Наполеон потянулся, чтобы взять ребенка из рук Маркуса.

— Мне нравится имя, Воин, и Небесные Боги не возражают.

Сердце Джослин забилось быстрее, когда суверенный лидер наклонил голову, и его клыки стали удлиняться. Натаниэль послал ей успокаивающее тепло и предупреждение, чтобы она оставалась на месте.

Наполеон пронзил запястье ребенка, и тот вскрикнул, когда могущественный лидер начал пить из его руки. Запечатав рану ядом, он вытянул ребенка перед собой и посмотрел в его глаза. Младенец сразу затих.

— Добро пожаловать в дом Джейдона, Кейтаро Шторм Силивази. Пусть твоя жизнь будет полна мира, ликования и успеха. Пусть твой путь всегда благословляют Боги.

Он передал ребенка Маркусу, который легко поцеловал того в лоб.

— Добро пожаловать в семью, Кейтаро Шторм Силивази. Пусть твоя жизнь будет полна мира, ликования и успеха. Пусть твой путь всегда благословляют Боги.

Кейген взял ребенка, как следующий по старшинству член семьи, и повторил приветствие. После того как Накари сделал то же самое, малыша вернули Натаниэлю, который притянул к себе Джослин, обняв ее свободной рукой.

Наполеон обратился к ним обоим.

— По законам дома Джейдона я принимаю ваш союз, как божественную волю, и подтверждаю его. Джослин Леви Силивази, пришла ли ты по своей воле, чтобы войти в дом Джейдона?

Джослин сглотнула комок в горле, и посмотрела на Натаниэля.

«Да», — прошептал Натаниэль в ее голове.

— Да, — сказала она.

«Протяни запястье», — подсказал Натаниэль.

Джослин съежилась, а затем попыталась улыбнуться, повернув руку и протянув ее пугающему Лорду.

Ответная улыбка Наполеона могла бы соперничать с луной и звездами по своей красоте. Он мягко взял ее за руку и наклонил голову, длинные пряди, мерцающие серебристым и черным, упали вперед. А потом прокусил ее кожу, глубоко вонзая клыки и прижимаясь губами к запястью. Он пил уверенно, но оставался нежным... и как ни странно, прикосновение его губ к коже наполняло Джослин спокойствием.

Натаниэль замер, и негромкое рычание эхом раздалось в комнате.

Он посмотрел вниз, сразу устыдившись своей реакции на то, что Наполеон коснулся Джослин.

Наполеон разжал хватку, убрал клыки и запечатал рану. Когда он повернулся, чтобы взглянуть на Натаниэля, в его глазах светился блеск понимания, и он тихо рассмеялся.

— Поздравляю, — сказал он паре, и так просто короткая церемония была закончена.

Братья снова столпились, пытаясь добраться до Шторма, и Джослин отошла, позволяя им пообщаться. Никто не видел, как ушел Наполеон. Он просто исчез.

А потом еще один голос прервал шум. Молодой мужчина неоднократно покашливал.

Джослин повернулась и увидела Брейдена Братиану, стоящего за кругом и пытающегося взглянуть на ребенка. Из-за всей прошедшей церемонии она даже не заметила, что он там.

— Брейден! — воскликнула она, и ее голос был переполнен эмоциями. — Я не могу

поверить, что ты здесь. Мне так приятно видеть тебя, — она сразу же подбежала к молодому вампиру и схватила за плечи, сжав в теплых объятиях.

Брейден неуверенно обнял ее в ответ, не зная, прижать ли ее к себе сильнее или сбежать, учитывая наблюдающих за этим старших Мастеров Вампиров, но его глаза выдавали радость.

И ребенок выглядел полностью исцелившимся: не осталось ни единого напоминания о его ранах.

— Кейген! — воскликнула приятно удивленная Джослин. — Ты проделал просто потрясающую работу, позаботившись о нем. Спасибо.

Кейген улыбнулся.

— Не стоит благодарности.

Маркус отступил от круга и посмотрел на Брейдена, оглядывая его сверху донизу несколько раз. Мальчик приподнял подбородок, расправил плечи и пару раз моргнул, смело ожидая, что будет дальше.

Брейден был одет немного более уместно, чем в прошлый раз, когда появился в доме: ни воротника, ни плаща, ни макияжа. Тем не менее, он, казалось, создал для себя новый и улучшенный имидж вампира воина, вроде персонажа из Матрицы, в комплекте с тяжелыми черными ботинками, длинным пальто, черными джинсами и тонкой черной водолазкой... как будто теперь он больше предпочитал быть солдатом, чем графом.

Джослин смеялась, наблюдая, как Маркус медленно кружит вокруг ребенка, изучая его новый наряд. А потом, к ее удивлению, Маркус наклонился, схватил мальчика, подбросил его высоко в воздух и поймал, сжав медвежьей хваткой.

— Вот теперь намного лучше, сынок!

Голос Мастера Воина был сильным и гордым, и глаза Брейдена практически светились от неожиданной похвалы и публичного проявления привязанности.

Брейден засмеялся с волнением.

— Я хочу быть воином, как вы, когда пойду в университет.

Его глаза были широко распахнуты и полны надежд.

Маркус поставил ребенка на землю и взъерошил его волосы.

— Отличный выбор, — он повернулся, чтобы посмотреть на Кейгена и Накари.

— Больше никаких неженок целителей и магов в этом клане.

Накари усмехнулся.

— Насколько я помню, я был не таким неженкой, когда помогал тебе организовывать особенно важное сражение не так давно.

Натаниэль послал Маркусу понимающий взгляд, как будто воины знали что-то, чем не поделились с Джослин.

Кейген вмешался.

— И мне кажется, что это моя работа поставила на ноги ребенка.

— Не важно, — прорычал Маркус и схватил Брейдена за руку. — Давай, сынок, мне нужно немного свежего воздуха. Присоединишься ко мне?

Брейден следовал за огромным вампиром, как утенок, идущий за мамой, с улыбкой от уха до уха, пока Кейген и Накари просто ошеломленно смотрели друг на друга и качали головами.

Джослин наблюдала, как они уходят.

Маркус, похоже, нашел себе нового друга, и не нужен психолог, чтобы понять почему:

Брейден Баратиану спас жизнь Джослин, а значит и Натаниэлю со Штормом. Несмотря на все свои острые углы, у Маркуса было золотое сердце и нерушимый кодекс чести. Огромный мужчина был преданным главой семьи.

Ее новая семья...

И она задавалась вопросом, как раньше жила без них.

Ее жизнь казалась полной, но была лишь жалким подобием реальности.

Реальность была здесь...

В темных, влюбленных глазах Натаниэля и его сильных руках. В блестящем уме Накари. В опытной заботе Кейгена. В пугающих, властных проявлениях любви Маркуса. Даже в ярких глазах маленького Брейдена и его надежде на признание.

И, конечно, в дарованном ей идеальном чуде: ее маленьком Шторме.

— Джослин, — Накари прервал ее мысли. — Я думаю, Шторм...

— Я думаю, он... сделал кое-то, — Натаниэль поморщился.

Он стоял рядом с братьями, держа Шторма на вытянутой руке.

Накари скривился.

— Кто-то должен что-то предпринять, — он отошел на шаг назад. — Он уже может такое делать?

— Александра? — позвал Натаниэль. — Колетт? — когда ответа не последовало, он попытался передать ребенка Накари.

Тот поднял руки, отказываясь.

— Разве ребенок не должен пить кровь?

Кейген нахмурился.

— Он начнет кормиться в возрасте пяти лет. До тех пор он должен использовать свою пищеварительную систему и питаться человеческой едой.

Довольный из-за того, что Кейген знал, о чем говорит, Натаниэль попытался передать ребенка ему.

Кейген посмотрел по сторонам, словно Натаниэль по какой-то причине перепутал его с каким-то другим братом, о котором он не знал.

Когда стало совершенно ясно, что Натаниэль имел в виду его, он взмахнул рукой.

— Джослин!

Джослин закатила глаза и засмеялась.

Три огромных вампира — один Древний Мастер Воин, другой Древний Мастер Целитель, и третий Мастер Маг — были поставлены на колени младенцем, который, видимо, запачкал подгузники.

— Вы трое просто жалкие, — заметила она, забирая Шторма у Натаниэля и с любовью прижимая к груди. — И, Натаниэль, я предпочла бы, чтобы ты не держал ребенка как бейсбольную перчатку. Ты мог уронить его.

Натаниэль решительно покачал головой.

— Никогда, любовь моя.

Когда она встретилась с ним взглядом, его улыбка сияла... его облегчение было очевидно.

— И этой очаровательной улыбкой ты ничего не добьешься.

Натаниэль рассмеялся, и все трое мужчин направились в сторону гостиной.

Джослин прочистила горло.

— И куда это вы собрались?

Накари указал на диван.

— Мы просто подождем тебя там.

— Мы будем в гостиной, — согласился Натаниэль.

— Нет, — парировала Джослин, — не будете. Вы все последуете за мной к пеленальному столику. Пришло время вам, большим и смелым пещерным людям, научиться, как сменить подгузник.

Кейген нахмурился.

— Это совсем не обязательно, маленькая сестра, — он попытался вложить немного власти в свой голос.

Накари кивнул в знак согласия.

— Очевидно, Натаниэлю нужно научиться, но мы... мне и так хорошо.

Джослин раздраженно вздохнула. Она посмотрела на Кейгена.

— Это обязательно, — и перевела взгляд на Накари. — А тебе не хорошо, ты жалок. Вы оба идете с Натаниэлем, чтобы узнать, как сменить подгузник своему племяннику, и на этом все.

Вдруг злая улыбка растянула ее губы. Она намеренно обнажила клыки и щелкнула ими.

Все трое мужчин отпрыгнули назад, пораженные.

С низким, женским рычанием она прошипела:

— Двигайтесь, парни!

Когда трое вампиров молча последовали за ней, Джослин взглянула на своего идеального Шторма. Глаза ребенка сияли, и его маленькое тельце дергалось в волнении.

И он улыбался от уха до уха.

Маркус Силивази молча стоял в тени, наблюдая, как последние люди уходят после церемонии похорон Джоэль Паркер. Он пришел, чтобы засвидетельствовать свое почтение, но не осмелился встретиться с семьей, которую знал в течение многих столетий. Момент, когда он сообщил Кевину Паркеру о смерти его дочери, стал одним из худших в жизни Маркуса, а он жил очень, очень долго. Его сожаление было бесконечным, а позор от того, что не удалось спасти ее... почти невыносимым.

Исчезнув из виду, он материализовался в глубине леса Лунной Долины возле еще одной могилы, принадлежащей его младшему брату Шелби. Впервые после его трагической гибели он посетил место последнего упокоения и увидел простую белую гранитную плиту, лежащую на пустынном участке: Шелби Силивази. Дорогой Брат и Любимый Близнец.

Маркус провел дрожащей рукой по своим густым черным волосам.

Подступающие слезы жгли глаза. Когда Шелби умер, ему было только пятьсот лет, столько же, сколько и близнецу, Накари, но разница заключалась в том, что Накари дожил до окончания Университета в Румынии. Накари дожил и получил статус Мастера Мага.

Шелби, с другой стороны, удостоился особой чести, потому что нашел единственную женщину, выбранную богами, ставшую его парой. Свою возможность избавиться от родового проклятья.

Далию Монтано.

И выполнить требование Кровавого Проклятия, обеспечить свое будущее с человеческой женщиной гораздо важнее, чем завершить учебу. Шелби планировал вернуться в Румынию, как только принес бы жертву, но ему не удалось сделать ни то, ни другое.

Маркус знал, что виноват.

Он должен был быть более осторожным, никогда не теряя бдительность.

Просто между Далией и Шелби все шло так гладко, что никто не предвидел злобного плана Валентайна Нистора.

Это не оправдание. Маркус — Древний. Он должен был знать лучше.

Маркус сжал кулаки, пытаясь сдержать ярость и чувства, грозящие вырваться наружу. Небо над ним стало черным, как сама ночь, и поднявшийся ветер оглушительно завывал. Он должен был контролировать себя.

Он ударил по холодной земле, чтобы не закричать. Мечь, свершившаяся над Валентайном, была ничем в сравнении с глубиной его потери.

Небесные Божества, как это могло произойти!

Все дело не просто в том, что Шелби стал бы Мастером после четырехсот лет обучения, он должен был стать Мастером Воином... как и Маркус. И это означало, что Маркус отвечал за постоянное обучение своего младшего брата. Впервые за четыреста семьдесят девять лет со смерти их отца он смог бы разделить свое существование с кем-то еще.

Первый раз за четыреста семьдесят девять лет Маркус Силивази был бы не одинок.

Мужчина встал на колени перед простой белой гранитной плитой, склонив голову в почтении.

Столько потерь.

В течение своей долгой жизни он видел столько смертей из-за этого проклятия,

лежащего на роде мужчин так давно, что павшие воины даже не помнили, из-за чего были наказаны.

Они лишь знали, что когда появится Кровавая Луна, у них есть 30 дней...

Одна возможность за всю вечную жизнь найти единственную человеческую женщину, которая сможет спасти их от судьбы. Всего месяц, чтобы полюбить и получить благословение на создание семьи.

Тридцать дней, чтобы жить или умереть.

Маркус покачал головой. Какой смысл быть воином... быть Древним... если он даже не смог защитить тех, кого любил? Какой смысл выживать так долго, когда его жизнь была ничем, только временем, образованием, бесконечными сражениями... и потерями? И почему эта возможность любить — разделить бессмысленное существование — еще не дана ему?

Он так устал от жизни.

Маркус задрожал, пытаясь сдержать свои эмоции. Его грудная клетка вздымалась, сердце бешено колотилось, переполненное гневом и несправедливостью, пока, наконец, он больше не смог сдерживать свое горе. Вся его боль вырвалась наружу.

Сильно сжимая руками виски, Маркус Силивази откинул назад голову и закричал, выплескивая весь гнев и горе в одном душераздирающем крике.

Когда слезы Древнего Мастера Воина упали, словно темно-красные капли дождя, реки вышли из берегов и небеса задрожали.

Гигантский валун на вершине ближайшей возвышенности каньона раскололся и рухнул на землю, по горе поползла трещина.

А потом все стихло.

Мучительный крик эхом разнесся через скалы. Эхо достигло холмов и почерневшего неба, растаяв глубоко в долине, легкой дрожью осев в земной коре.

Киопори Демир пошевелилась. Место ее отдыха потревожили.

Бездонные золотые глаза с янтарными искорками, светящиеся как бриллианты на солнце, распахнулись. Ее ум пробуждался. Душа восставала.

Эхо пронзило ее сердце, и она села. Его тоска проникла в душу. Тембр его крика восстановил ее пульс. Так или иначе, такая ярость пробудила королевскую кровь, древнюю, невинную и безупречную... такое горе сломало древнее заклятье.

Киопори потеряла глаза, пытаясь очистить разум, затем убрала тяжелую прядь волос с лица, силясь вспомнить: где она? кто она?

Память возвращалась медленно, по частям. Она — дочь Величия. Первая дочь, рожденная Великим Королем Сакариасом и его прекрасной женой Джейд. Она была хранителем своей младшей сестры Ваньи, сестрой королевских близнецов Джейдона и Джегера. Почему она похоронена глубоко в земле?

Древняя принцесса вдруг почувствовала себя погребенной под бесконечными слоями эволюции.

«Подумай, Киопори, — призвала она себя, когда стены могилы словно начали сдвигаться. — Как ты тут очутилась? И что нужно сделать, чтобы выбраться?»

Воспоминания появлялись постепенно: все убийства, бесконечные жертвы. Последние из своего великого рода, Небесные существа были истреблены безнравственностью мужчин и их желанием власти.

Их культура была уничтожена ненасытной жаждой крови, которая стала неутолимой.

Киопори села, обхватив руками колени, и стала раскачиваться в одном ритме, успокаиваясь. Кого она видела последним? Конечно! Джейдона, ее любимого старшего брата. Теперь она вспомнила.

Джейдон увел их, ее и Ванью, рискуя своей жизнью. В разгар сильного шторма он пришел в их замок, словно вор в ночи, и приказал покинуть Румынию, объясняя, что нужно уходить немедленно, если они хотят выжить. Джегер и его воины уже пришли за ними.

Мужчины пересекли последнюю черту.

Они сошли с ума от жажды и были готовы принести в жертву девственных дочерей самого Царя, сестер Джегера.

Движимый желанием спасти своих сестер и общество, Джейдон увез их через открытую местность, унося в самое сердце Трансильванских Альп, где их встретил конвой путешествующих наемников во главе с печально известным Мастером Фабианом. В конце концов, Фабиан нашел корабль и переправил их через Великое Море. Он, Киопори и Ванья отправились далеко на чужбину, за океан, в убежище, где спрятались от собственного вида.

Но убежище оказалось воплощением смерти.

Их тела, живые и бессмертные, погрузили в глубокий без сновидений сон, пока снова не было бы безопасно.

Пока Джейдон бы не пришел за ними.

Киопори стало интересно, какое сейчас время. Какой год. Она начала метаться в поисках своей сестры в неглубокой могиле. Ей нужно пробудить Ванью. Как долго они спали? Джейдон пришел за ними?

Чей это был крик?

Ее сердце сжалось от его мучений. Это он пробудил ее? Она не знала, почему ей нужно его найти.

Она должна была идти к нему.

В отчаянии Киопори стала копать вокруг себя, сдирая стены своей земляной могилы.

— Ванья! Ванья!

Она плакала, пока не охрипла... царапала стены, рыла, изворачивалась, только бы найти свою младшую сестру.

— Ванья, где ты?

Казалось, прошла вечность, и она уронила голову на руки. В ней поднималась паника. Ей нужно выбраться на поверхность.

Теперь, когда она проснулась, то больше не могла находиться в узкой могиле. Запах влажной земли был повсюду. Киопори сделала медленный успокаивающий глубокий вдох. Она была Небесным Созданием.

«Представь землю. Небо над головой».

Она поднималась, пока не встала на колени.

— Великие Предки, я смиренно умоляю вас... Глубоко под землей я молюсь, моя темница темная как ночь, прошу даровать мне свободу из этой тюрьмы, небесный свет. Небо над головой и землю под ногами, где растут цветы и смеются дети.

В миг Киопори очутилась на поляне. Огромные сосны и ели окружали ее, небо простиралось перед глазами, сменяя цвета с серого на голубой. Ее взгляд скользнул по земле, изучая простые каменные плиты. Она была в круге. Это было священное место. Кладбище.

Киопори сделала шаг назад, снимая обувь, отдавая дань мертвым. Спрашивая себя, кем они были. Солдатами ее отца?

И затем она увидела его.

Сильного... потрясающего... Воина.

Того, чей крик разбудил ее.

Он был огромным, явно боец, с длинными густыми волосами цвета полуночи, как у нее.

Его глаза походили на глубокий океан, они блестели синим. Красивое лицо было таким печальным, когда он опустился на колени перед простой белой каменной плитой. Киопори сразу же поняла, что он воин. Это было видно по тому, как он расправил плечи, даже когда присел, гордо склонив подбородок. Уверенность читалась в его поведении... несмотря на горе.

Киопори провела не очень много времени с охранниками своего отца, но знала, что к Воинам нужно относиться с уважением.

Она молча подошла, остановившись в четырех футах, и опустила глаза вниз, как подобает в присутствии могущественного мужчины, затем откашлялась и стала ждать.

Мужчина поднялся на ноги, словно хищник, одним плавным движением оказываясь к ней лицом к лицу. Он выглядел сбитым с толку, будто к нему никто раньше не подкрадывался. На его лице читался намек на угрозу, красивые глаза светились красным.

— Приветствую, Воин, — прошептала Капиори на древнем языке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net